

10.335
1958

ეროვნული
ბიბლიოთეკა

5

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗЦЯ

1958

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

О Р Г А Н
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

59.542

С О Д Е Р Ж А Н И Е

К ОТКРЫТИЮ КОНФЕРЕНЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

	Стр.
За мир и свободу народов!	3
ХУТА БЕРУЛАВА. 1 октября в Пекине. Стихи .	4
ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ. Из цикла «По следам Руставели». Стихи.	5
МУСА МАГОМЕДОВ. Баллада о роднике. Стихи	5
ШИЛЬ. Песня времени. Стихи	6
ХАН СЕР Я. Хванчорьон. Рассказ	7
ЛЮ ТРУНГ ДУНГ. Карта моей родины. Стихи	10
ВЕЙ-ВЕЙ. Водохранилище «Красный галстук». Стихи	11
МУРАД СИБАИ. Первая искра. Рассказ . . .	12
КЯЗИМ ДЖАВВАД. Стихи, посвященные ОАР.	14
РАШИД ЯСИН. Багдад. Стихи	14
ДЗЮНДЗО ВАТАНАБЭ. Ненависть. Стихи . . .	15
ОРХАН КЕМАЛЬ. Страх. Рассказ	16
КАРЛО КАЛАДЗЕ. Солнце вставало в дыму пожа- рищ. Поэма	20
ДЕМНА ШЕНГЕЛАЯ. Клад. Повесть. Окончание.	41

СТИХИ О ТБИЛИСИ

Г. ТАБИДЗЕ. Ты дорог нам, и юный и седой
И. НОНЕШВИЛИ. Столица Грузии
Н. ЗАБОЛОЦКИЙ. С каждым годом город
краше!
АЛЕКСИС ПАРНИС. Встреча с Тбилиси. Стихи

(См. на обороте)

СЕНТЯБРЬ—ОКТАБРЬ

1958

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Молодость древнего города (Беседа с тов. А. Ме- ладзе)	91
---	----

К 40-ЛЕТИЮ ВЛКСМ

В. КАЧАРАВА. Молодые, пламенные годы	95
А. ИМЕДАШВИЛИ. Боевой орган молодежи	99

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

С. ЧИЛАЯ. Тбилиси в грузинской поэзии	101 ✓
А. НИКОЛАДЗЕ. В. Г. Белинский и грузинская литературная критика. Грузинские обществен- ные деятели в борьбе за освобождение Н. Г. Чернышевского	110

ПРЕДСЪЕЗДОВСКАЯ ТРИБУНА

Ю. СУРОВЦЕВ. Близость к жизни и глубина поэзии. Статья вторая	118 ✓
--	-------

СРЕДИ КНИГ

В. КАРПОВА. Вместо рецензии	127
Коротко об авторах	128

Редактор **К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ**

Редакционная коллегия:

Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ (заместитель редактора),
А. КУТЕЛИЯ, В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ

Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-87-88.

За мир и свободу народов!

В октябре этого года в столице Советского Узбекистана — Ташкенте состоится Вторая конференция писателей государств Азии и Африки. Здесь соберутся посланцы многих стран Востока и Африканского континента — литераторы различных политических и религиозных убеждений, но объединенные одним общим стремлением к национальной независимости своих народов, к их свободе и прогрессу, к миру во всем мире.

Наше время — это время могучего пробуждения народных масс азиатских и африканских стран, поднимающихся на борьбу против колониализма, национального гнета и внутренней реакции. Образование Китайской Народной Республики, успехи народов Индии и Индонезии, создание Объединенной Арабской Республики, свержение королевской тирании в Ираке и десятки других, подобных этим, фактов — великое историческое знамение нашей эпохи.

Голос прогрессивных писателей, сторонников мира и национального возрождения своих стран — это поистине голос народа; их произведения — это выражение чаяний, надежд и стремлений народных масс.

Сегодня мы знакомим наших читателей с творчеством ряда прозаиков и поэтов стран Азии и Африки. Среди публикуемых произведений стихи грузинских советских поэтов И. Абашидзе и Х. Берулава — об Индии и Китае, стихи аварского поэта М. Магомедова. Пафосом борьбы за мир, за свободу и независимость дышит каждая строка произведений индийского поэта Шилы, иракских поэтов Казима Джаввада и Рашида Ясина, сирийского прозаика Мурада Сибай. Свою родину — Демократическую Республику Вьетнам воспевают Лю Тунг Дунг; но в торжественную мелодию его стиха врывается гневная сила протеста, осуждения заправил «холодной войны» — империалистов, которые разделили Вьетнам на две части, разделили единый свободолюбивый народ. Стихи Лю Тунг Дунга полны веры в грядущее воссоединение страны, в ее лучшее будущее. Славит свою великую родину и китайский поэт Вей Вей, подчеркивая, что всеми теми огромными преобразованиями, которые происходят в

Китайской Народной Республике, трудящиеся Китая обязаны мудрости и силе своей родной Коммунистической партии. Хан Сер Я — один из крупнейших писателей и общественных деятелей Кореи. Его «Хван-чорьон» — рассказ, пронизанный суровостью и романтикой фронтовых будней, мягкой лиричностью и задушевностью, написан на материале тех дней, когда свободолюбивый корейский народ вел освободительную войну против американских интервентов. Страшная судьба простого трудящегося человека в современной Турции встает перед нами со страниц рассказа прогрессивного турецкого писателя Орхана Кемала «Страх»; негодованием и гневом по адресу американских империалистов и их атомной истерии полна каждая строка небольшого стихотворения «Ненависть», принадлежащего перу японского поэта Дзюндзо Ватанабэ.

Эти произведения, отражающие жизнь азиатских и африканских народов, убедительно свидетельствуют о счастье и процветании тех стран, где у власти стоит народ, о могучем национальном подъеме в странах, освободившихся от колониальной зависимости, о великом движении народных масс — от Алжира до Токио, от Анкары до Мыса Доброй Надежды — к освобождению, к прогрессу, к миру на Земле.

Хута Берулава

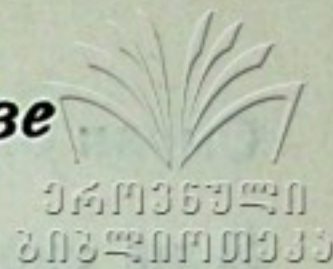
(СССР)

1 ОКТЯБРЯ В ПЕКИНЕ

Забуду ли
 незабываемое? —
Пекин в цветах
 и тканях пестрых,
и эту площадь,
 омываемую
людскими волнами,
 как остров?
Я знал тогда —
 Китай покину я
и вдалеке отсюда буду,
но площадь гулкую пекинскую,
что б ни случилось —
 не забуду.
Среди мельканья,
 смеха,
 говора,
дыханье слышу я
 единое,

Был
 весь Китай,
 как песня гордая,
могучая,
 непобедимая.
В строю заводы шли
 и фабрики,
гордясь большой своей судьбою.
Слова:
 «Вансуй!»
 как будто факелы,
так и горели над толпою.
О, эти улицы поющие
 с заслушавшимися трамваями!
Китай —
 ты как само грядущее!
...Забуду ли
 незабываемое?!

Перевод с грузинского Е. Евтушенко

Из цикла „По следам Руставели“

* * *

Одни мечтают
о жарком лете,
Другие —
снег потрогать нельзя ли...
А ты для меня одна на свете,
Родина! Я твой сын и хозяин!
...К новым друзьям и древним
балладам
Прибыл я в Индию гостем
желанным.
Страну окинул я добрым взглядом
От океана
до океана.
Признаюсь,
голосу сердца внимля:
Похожа на Картли она, нет спора.
Но Родина — это не просто земли,
Это не только моря и горы.
Ты — моя кровь,
мои дни и ночи,

Ты — мои радости и печали,
Невелика, точно сердца
комочек, —
Милая Грузия, шен генацвале!¹
Тебя не рисуют
размашистой кистью
В глобусной сетке меридианов,
И листопад не метет твои листья
От океана
до океана.
Но ты, такая, как есть, —
прекрасна.
Счастье быть сыном твоим и
поэтом.
Живи и здравствуй!
Живи и здравствуй!..
...Ездил я в Индию нынешним
летом.

Перевод с грузинского Я. А к и м а.

¹ Шен генацвале — моя дорогая.

Муса Магомедов
(СССР)

БАЛЛАДА
о роднике

Никли стебли высохшей полыни,
Над дорогой плыл упругий зной.
Мы с отцом по выжженной равнине
Шли в аул, томимые жарой.

Вдруг смотрю, и не пойму откуда —
В самом пекле солнечных лучей
Абрикосы поднялись, как чудо,
А под ними плещется ручей.

— Эх! — кричу. —
Хорошая водица!
Знать, у бога добрая душа.
А отец склонился, чтоб напиться,
А потом ответил не спеша:

— Ты еще, сынок,
не жил на свете —
Так же зной равнину обжигал,

Так же дул сухой каспийский ветер,
И — пешком твой дед в аул шагал.
Но под старость плохо ходят ноги:
За плечами — годы, а не путь, —
Сел старик на камень при дороге
И решил немного отдохнуть.
Отдыхает,
дремлет, как придется,
Только слышит дед из забытья,
Будто где-то под землею бьется
Звонкая,
прохладная струя.

И вскочив,
зазубренным кинжалом
Стал сухую землю рыть,
пока
Из-под рук его не побежала
Чистая прохлада родника.

Смолк отец.
И лишь листва шепталась.
Я не скрыл восторга своего,
Потому что — это продолжалась
Жизнь простая деда моего.

И подумал, помню, в то мгновение:
«Я бы счастье высшее постиг,
Если б и мое стихотворенье
Послужило людям,
как родник».

Перевод с аварского Ю. Полухина.

Шаль

(Индия)

ПЕСНЯ Времени

Времени зов могучий и властный
Даль рассекает над миром седым:
— Люди, во имя свободы и счастья
Тесней сплотите ряды!

Время не ждет —
время зовет
в битву за мир —

вперед!

Ветер, услышав призыв мятежный,
Свежестью над облакамидохнул,
Прежнюю ясность и краски нежные
Синему небу вернул.

Время не ждет —
время зовет
в битву за мир —

вперед!

Пáрвати¹ песня взлетает к небу,
Песне навстречу поднялся народ.
К правде, что людям нужнее хлеба,
Воля народы ведет.

Время не ждет —
время зовет
в битву за мир —

вперед!

Люди, творите, пойте и смейтесь!
В руки народ свое счастье берет,
Новым дерзаньем радостно встретим
Солнечный новый восход!

Время не ждет —
время зовет
в битву за мир —

вперед!

Слышите поступь побед грядущих,
Видите, враг отступает дрожа.
Дорогу осилит только идущий —
Чеканьте тверже шаг!

Время не ждет —
время зовет
в битву за мир —

вперед!

Перевод О. Цотадзе.

¹ Пáрвати — богиня, дочь Гималаев.

Хванчорьон

РАССКАЗ

Хванчорьон — горный перевал, где разыгрывается действие этого рассказа, — находится между городком Хобан в провинции Чонжин и Хамхынской равниной в Северной Корее. Во время войны корейского народа против иностранных интервентов (1950—1953 гг.) сюда удалось проникнуть Первой американской дивизии морской пехоты. Дивизия была здесь окружена и полностью уничтожена Корейской Народной армией.

Было почти совсем темно, но Пок Сир все еще работала на складе. Она разложила на носилках подушки и теперь набивала соломой матрацы — мешки от лекарств. У нее был озабоченный вид: она думала о Дьун Сиге, которого должна была отправить в госпиталь, а это — нелегкая задача.

У перевязочного пункта не было своей санитарной машины. Поэтому больных, которых надлежало отправлять в тыловой госпиталь, приходилось выносить на шоссе в надежде, что их подберет какая-нибудь автомашина или телега. У каждого крестьянина был кто-нибудь в армии, и они никогда не отказывали воинам в помощи. Но в эти трудные дни мало кто отваживался ездить по дороге. Так что санитаркам не оставалось ничего другого, как уговаривать утомленных бессонными ночами и потому не особенно приветливых шоферов.

После нескольких неудачных попыток, когда приходилось возвращаться с ранеными на перевязочный пункт, санитарки разработали особую тактику «захвата» машин. Они становились посредине шоссе так, чтобы машина не могла их объехать, и не двигались с места, сколько бы шофер ни сигнализировал. Когда, наконец, разозленный, он выходил из кабины, сестры обступали его и не отпускали, пока одной из них не удавалось с торжествующим криком вскарабкаться в кузов.

Пок Сир ухаживала за многими воинами, но Дьун Сиг занимал среди них особое место.

Командование оказало Дьун Сигу особое доверие, познакомив его с местонахождением тайных складов оружия.

И когда к Хванчорьонскому перевалу нужно было срочно доставить боеприпасы, он отправился к одному из тайников в малодоступном месте в горах.

В то время Первая американская дивизия морской пехоты, занявшая Хванчорьон, была окружена. Американцы бродили в горах группами и поодиночке. Днем они прятались в скалах и в расщелинах, а по ночам пытались захватить наши автомашины, чтобы попасть на юг, к своим.

Дьун Сиг остановил машину неподалеку от места, где было спрятано оружие и боеприпасы, чтобы убедиться, нет ли поблизости противника. Но не успел он опомниться, как его окружила группа американцев. У Дьун Сига подкосились ноги. Защищаться? Их было девять, и они плотно окружили его. Они убьют его раньше, чем он сосчитает до трех.

Американцы некоторое время совещались, потом выбрали одного, который должен был ехать в кабине. Это был худощавый, невзрачный человек, но Дьун Сиг не сомневался, что тот, которому было отдано предпочтение перед другими, быстро сумеет отправить его на тот свет.

Американец сел рядом с Дьун Сигом, и, показав ему револьвер, произнес всего два слова: «видишь?» и «езжай!»

Их было девять. И хотя на них

уже не было знаков различия, но Дьун Сиг понял, что это не простые солдаты.

Хванчорьонский перевал очень живописен. Он особенно славится своей дорогой, ее девяносто девятью зигзагами. Большая часть их уже осталась позади, и вскоре дорога должна была начать спускаться к Хамхынской равнине, которая до сих пор находилась в руках американцев.

Каждый раз, когда Дьун Сиг въезжал на крутой поворот, и у задних колес машины виднелась пропасть, он говорил себе: «Нет, еще нет, может быть на пути попадет наш патруль».

«Последняя петля, — сверкнуло, наконец, в голове Дьун Сига, — последняя возможность. Будь что будет». И вдруг ему вспомнились слова, которые он сказал на прощанье матери: «Посмотри на меня, мамочка». Он хотел добавить: «Может быть, мы никогда больше не увидимся», но вовремя удержался. Нет, не только потому, что его слова причинили бы ей боль; Дьун Сиг любил правду и ненавидел ложь, а тогда, уходя на фронт, он верил, что вернется живым.

Последняя петля... На миг машина как бы повисла в воздухе, а потом полетела в пропасть.

На рассвете Дьун Сига нашли наши бойцы. Метрах в двадцати от него лежали остатки автомобиля. Кругом валялись изуродованные трупы врагов.

Как будто издалека услышал Дьун Сиг голоса, но он не понимал смысла слов:

— Авария.

— А я тебе говорю, это он сам свалил машину в пропасть.

— Поразительно!

— Видимо, открылась дверца, и еще в воздухе он вылетел из кабины.

— Слушай, возьми-ка этот плащ. Американцу он все равно больше не понадобится, а наш парень, наверное, замерз. Я и так боюсь, что мы его не донесем.

До ближайшего перевязочного пункта было не меньше пяти километров. Ближе был народный совет одной из горных деревень, поэтому солдаты решили передать раненого крестьянам.

В народном совете бойцы застали старика с помощником — мальчиком

лет тринадцати. Было видно, что они не впервые принимают раненого.

— Ты как думаешь? — спросил старик мальчика, почесывая свою бородку.

— Так же, как и вы, учитель, — ответил мальчик.

Старик кивнул головой и обратился к бойцам:

— Я не могу оставить здесь вашего героя. У нас нет врача, а ему требуется помощь специалиста. Но вы идите — родина не ждет; а мы уж что-нибудь придумаем.

— Почему вы молчите, учитель? — спросил мальчик, когда бойцы ушли.

— Обдумываю.

В деревушке почти никого не было: все, кто мог держать в руках оружие, ушли в армию, остальные эвакуировались. Несколько оставшихся на месте семей составили вспомогательный отряд армии. Они рыли окопы, доставляли бойцам оружие и пищу. Старик был единственным взрослым мужчиной в деревне.

— Поручите это мне, учитель, — попросил мальчик.

— Ты думаешь, у тебя сил больше, чем у меня?

— Я соберу мальчиков.

— Что могут сделать твои мальчики? Ведь его нужно нести осторожно, как свечку на ветру. Не успеешь оглянуться, как он может угаснуть.

— Я придумаю ручки с обеих сторон носилок. Четыре мальчика возьмутся с одной стороны и четыре — с другой: они смогут это сделать. Я тоже пойду — как командир. И беру всю ответственность на себя, учитель.

...Дорога была мучительной. Дети часто ставили носилки на землю и отдыхали. Один за другим они прислушивались к дыханию раненого.

Только поздно вечером дети добрались до перевязочного пункта. Навстречу им выбежали две санитарки.

— Долго вы его несли? — спросила одна из них.

— С самого утра, — ответил с достоинством маленький командир.

— Отчего же вы не поспешили? Разве вы не видите, как это серьезно?

Слова санитарки были жестоки и несправедливы. Глаза маленького командира наполнились слезами. Остальные дети тоже расплакались.

— Не плачьте, ведь я не хотела вас обидеть, я только боюсь за больного, — смягчилась санитарка.

— Надо было думать, что говоришь, — упрекнула ее другая. — Это же маленькие дети, и они выбились из последних сил.

— Неправда, мы не маленькие, — больше всех обиделся тот, самый младший, размазывая слезы по лицу.

После операции Пок Сир и военный врач вышли на воздух. У девушки от усталости кружилась голова. Три часа раненый лежал на операционном столе — три часа упорного напряжения воли, три часа отчаянной борьбы за человеческую жизнь!

— Идите, отдыхайте, товарищ Ким, — с ласковой заботой сказала Пок Сир, впервые назвав врача по имени.

В темноте они разглядели мальчиков. Голодные и усталые дети лежали на земле. Увидев врача, все вскочили, как по команде.

— Ваш герой будет жить, — успокоил их врач. — Но вас я не отпускаю. Переночуйте у меня, а утром я дам вам надежного провожатого, он поведет вас до деревни.

Рано утром для Дьюн Сига были приготовлены удобные носилки. Пок Сир договорилась с Син Суг, что та поможет ей вынести раненого на дорогу. У самой Син Суг было двое раненых, но они еще держались на ногах и, если понадобится, могли бы добраться до дороги сами.

К вечеру сестры начали выносить раненых. Приближалась осень, с деревьев начала осыпаться листва. Пок Сир грустно прислушивалась к шуршанию листьев. Она так любила природу!

По дороге бесконечными рядами тянулись на юг части армии. Наконец, они поредели — шли уже только отдельные роты, но за ними разлился поток китайских добровольцев. Они шли бодро, по дороге разучивали новые песни и что-то кричали санитаркам на своем языке, нежном, как щебетание птиц.

Наступила ночь. Американцы начали развешивать «фонари». Вверх непрерывно взлетали ракеты.

— Сегодня опасно ехать, — сказала Пок Сир. — Все небо полно «фонарей».

— Глупости! — засмеялся Дьюн Сиг. — Мы знаем их хитрости. И вообще, местность здесь гористая, дороги полны поворотов и прямое попадание почти невозможно.

Из-за поворота выехало несколько грузовых автомашин, направляющихся на север.

— Грузовики! — выкрикнула Пок Сир и вместе с остальными санитарками выбежала на дорогу.

Грузовики были почти пустые. Какая удача! Они смогут взять всех раненых. Но в этот миг прямо над дорогой повисла осветительная бомба. Машины дали полный газ, а девушки разбежались по укрытиям в скалах. Только Пок Сир осталась стоять на дороге. Она смотрела на свою тень, вокруг которой было так светло, что можно было пересчитать все камушки. Внезапно рядом с ней появилась еще одна тень — более длинная, принадлежавшая рослому бойцу, который схватил Пок Сир за руку и оттащил ее с дороги.

— Ан Мин? — воскликнула с удивлением девушка. — Откуда ты тут взялся?

Пок Сир и Ан Мин росли вместе, и их отцы были неразлучными друзьями.

— Почему это ты не здороваешься со мной, как полагается? — спросила Пок Сир.

Юноша подал ей руку, черную, как будто на нее была надета промасленная перчатка.

— Я служу шофером и возьму с собой всех твоих раненых. Хорошо иметь товарища — шофера, а? Давай раненых.

Когда раненые были удобно уложены в кузовах автомашин, настала минута прощанья. Дьюн Сиг лихорадочно пожимал руку Пок Сир и только собрался что-то сказать ей, как к ним подошел Ан Мин и подал ей листок из записной книжки.

— Вот мой адрес. Ты напишешь мне?

Пок Сир по какой-то необъяснимой причине оглянулась на Дьюн Сига и смущенно ответила:

— Не знаю...

— Я тебе обязательно напишу. Скоро. И буду ждать твоего ответа.

Он не заметил, как напряженно прислушивался к его словам раненый, и не увидел ревнивого огонька в его глазах.

Машина тронулась и вскоре скрылась в темноте. Пок Сир неотступно смотрела ей вслед.

Перевод Н. Марджанишвили.

Карта МОЕЙ РОДИНЫ

Взволнованно смотрю я на карту моей отчизны,
И мне хочется прикоснуться к ней губами,
Расцеловать названия родных гор, рек и городов.
А в сердце моем, как песня, звенят слова:
«Тысячу раз любимая родина!»
Как хороши эти священные слова!
Как хорошо течение родных рек,
Рек Севера и Юга,
Которые так причудливо и гармонично переплетаются друг с другом
И навсегда вычерчены в моей душе,
Как и эти облака, носимые ветром,
Как и вид ажурных мостов над бурными водами.
Родина моя хорошеет с каждым часом,
И видение ее будущего
Придает каждому моему шагу твердость и силу.
Я вновь вижу воскресный день на берегах Озера Меча,
Я вижу тысячи сомкнутых в пожатье рук,
Слышу перезвон людских голосов.
Я вновь вижу площадь Ба Динг¹, озаренную сиянием луны и звезд.
И кажется мне, что меня опять ласкает взором наш мудрый дядя Хо...²
Но враги разделили мою родину.
Черные руки провели эту ненужную линию между Югом и Севером,
Написали правила, не позволяющие перешагнуть ее.
Сколько раз люди доброй воли
Требовали:
— Воссоединить Вьетнам!
...Я вижу Сайгон —
Там два миллиона моих соотечественников
Вышли на улицу, как один.
Сердце мое наполняется гневом,
Когда вспоминаю я Вин-Тринг, Гуонг-Дьен, Тан-Лап³.
Я хочу, чтобы завтра спичечные коробки «Тон-Нгат»⁴
Проникли в каждую хижину Дарлака, Ка-Мо⁵
Я хочу, чтобы завтра,
Пересекая реку Бен-Хай⁶,
Поезда мчались на Юг, нагруженные фруктами прекрасного Севера.
Я хочу, чтобы молодожены,
Разъединенные против их воли и желания,

¹ Площадь в Ханое, где была провозглашена независимость Вьетнама.

² Дядя Хо — так народ Вьетнама любовно называет президента ДРВ товарища Хо Ши Мина.

³ Города на юге Вьетнама, уничтоженные дотла вместе с населением во время войны.

⁴ Спички «Тон-Нгат» («Единство») выпускаются фабрикой, расположенной в пригороде Ханоя.

⁵ Районы Южного Вьетнама.

⁶ Река, которая является временной демаркационной линией по Женевскому соглашению 1954 г.

Писали друг другу длинные, полные любви, письма¹.

О, Вьетнам!

Какими чувствами отзываешься ты в моем сердце,

Когда слышу я твое имя!

И я снова и снова думаю о твоих реках,

О твоих горах и лесах,

О небе,

О рисе родимой земли.

Любимая родина! Нет мне жизни без тебя и вне тебя!..

Перевод А. Миндели.

¹ В настоящее время между Севером и Югом страны можно обмениваться только открытками, короткий текст которых подлежит строгой цензуре и которые часто не доходят до адресата.

Вей Вей

(Китай)

Водохранилище „КРАСНЫЙ ГАЛСТУК“

Тут было недавно
безлюдно, пустынно —
теперь у плотины стою,
гляжу я на горную
нашу долину,
как будто на юность свою.
И вспомнились мне
отгремевшие годы,
к оружию зовущий сигнал, —
с друзьями
лишенья доля и невзгоды,
когда-то я здесь воевал.
Долина, ты помни:
стальные солдаты
стремились к победе в борьбе
и, падая наземь
в сраженьи когда-то,
желали расцвета тебе.
И часто, бывало,
тревожною ночью
мне слышался поезда стук,
плотину я видел,
как будто воочью,
и стройки я видел вокруг.
Но это лишь чудилось
в шуме деревьев,
под песенку струй ручейка,
а я не сдавался,
я все-таки верил,
что цель моей жизни близка.
Так здравствуй, ручей!
Вот и встретились снова.
Ты был нашей ротой любим.

Волненье, как в юности чувствую,
словно
я встретился с другом своим.
Тут было недавно
безлюдно, пустынно...
Но вижу я горы — и рад:
деревья в атаку идут
на вершины,
подножья одел виноград.
К заветному озеру
бег направляя,
звени, ручеек мой, звени,
и пусть отражает
вода голубая
плотины и строек огни!
Тут было недавно
безмолвно, пустынно,
но ты, ручеек мой, поверь,
что горному краю
и люди равнины
завидовать могут теперь.
Так пой же о счастье,
струя голубая,
сегодня нельзя не запеть!
Ты, озеру воду
свою отдавая,
вовсе не будешь мелеть.
Во многом, ручей,
на тебя мы похожи,
такое ж нам счастье дано,
ведь волею Партии
слились мы тоже
в великое море одно.

Перевод В. Л. Мощенко.

Первая искра

РАССКАЗ

Ее имя было Фатина, однако все называли ее «мальчуганом», и она откликалась на это прозвище, потому что дружила с мальчишками и во всем подражала им.

Никому точно не было известно, кто ее отец. Она жила одна в разрушенной ткацкой мастерской, которую когда-то выстроил человек по имени Заки. Некоторые утверждают, что Фатина — его дочь.

Наконец, следует сказать, что этот Заки перед смертью завещал в пользу Фатины все свое имущество. Однако он не владел ничем, что представляло бы хоть какую-нибудь ценность, и если бы мы, друзья Фатины, не поддерживали ее и не таскали для нее из своих домов пищу и одежду, она умерла бы от голода и холода, или стала бы нищенкой, как ее мать, или пошла бы той дорогой, какой идут беспризорные девочки ее возраста, не имеющие еще достаточного жизненного опыта, чтобы избежать греха.

Не знаю почему, но нам нравилось бывать в ее мрачном и сыром жилище, наполненном запахами гниения и сырости, где кишмя кишели насекомые всех видов, мыши и даже змеи. Часто мы отыскивали их и убивали, радуясь и торжествуя, как будто совершили какой-то героический поступок.

Теперь мне понятно, что мы были привязаны к Фатине, любили ее болтовню и занимательные выдумки, очарование которых привлекало нас. Мы забывали о различии, существовавшем между нами и этой бедной,

грязной девочкой, отвергнутой людьми, которые избегали ее, как чумы.

Мы переносили от родных жестокие побои за дружбу с Фатиной, однако их запрет только усиливал нашу привязанность, и мрачное грязное жилище девочки было единственным местом, где мы проводили свой досуг в играх и развлечениях.

Но не это я хотел рассказать о Фатине, и жизнь ее не имела бы ценности, если бы не событие, которое поставило ее рядом с великими дочерьми родины и заставило людей, ранее презиравших и унижавших ее, относиться с уважением, любовью и почтением к ее памяти.

В один из жарких июньских дней Фатина, я и еще несколько ребят из нашего квартала шли вслед за колоннами демонстрантов, направлявшихся от Большой мечети к зданию правительства. Мы не имели никакого представления о цели этой демонстрации, но увязались за ней, рассчитывая увидеть что-то новое и интересное и ожидая, что демонстрация завершится как-то необычно. Иначе, рассуждали мы, зачем всей этой толпе, состоящей из стариков и молодых, студентов, женщин и детей, идти единой процессией и призывать купцов и торговцев закрывать свои лавки? Патриотические призывы, которые мы слышали из уст демонстрантов или читали на белых полотнищах, говорили нам о том, что могут произойти очень серьезные и даже опасные события.

Но несмотря на то, что мы уже понимали это, все же нас увлекала веселая, интересная прогулка — и ни-

что иное. Держась друг за друга, чтобы не потеряться в толпе, мы, глотая пыль, пробирались между демонстрантами.

Демонстрация росла и увеличивалась по мере приближения к центральной площади. Хотя шум, крики и свист оглушали нас, но они придавали нашему походу еще большую занимательность.

— Что написано на этих плакатах? — спросила меня Фатина.

Я прочитал ей: «Да здравствует свобода! Долой империализм!»

— А что такое свобода и империализм?

Меня смутил ее вопрос, и я замолчал. Но, так как она настаивала, я ответил, как умел:

— Империализм — это то, что в нашей стране находятся французы... А свобода — это то, что надо их изгнать.

— Значит, свобода — это борьба?

— Вроде этого.

— Как же бороться без оружия, пушек и самолетов? Разве для этого достаточно камней и палок?

— Вполне достаточно. Нас ведь намного больше, чем их.

Она посмотрела на меня с сомнением, затем сильно сжала мою руку и ускорила шаг.

Мы вышли на главную площадь, где перед зданием правительства столпились демонстранты, перелезли через каменную ограду сада и встали под тенистой акацией, откуда можно было все видеть и слышать.

Помню, мне очень нравилось смотреть на площадь, которая представляла собой колышущееся море человеческих голов в чалмах, фесках, шляпах, ермолках и шапочках всех цветов и форм. Это было действительно великолепное зрелище.

Двери правительственного здания были заперты и охранялись небольшим отрядом полиции и жандармов. Растерянные, испуганные чиновники толпились у окон верхних этажей, с беспокойством посматривая на площадь. Вдалеке, на соседней улице виднелось здание французской администрации, перед ним расположился отряд сенегальцев с бронемашинной. Остальные улицы были почти пусты.

Атмосфера накалилась, повсюду раздавались пламенные призывы, сердца людей были полны гневом. В это время к демонстрантам приблизился французский броневик. На нем были установлены три пулемета и сидело несколько человек солдат-сенегалцев под командой французского офицера с револьвером в руке. Машина въехала в толпу и стала кружить по площади.

— Видишь? Их семеро, а нас больше пяти тысяч. Если захотим, мы действительно сможем забросать их камнями! — сказала мне Фатина.

Захваченный зрелищем, я не ответил. Вид солдат, направлявших пулеметные дула на толпу, наполнил мою душу ужасом и предчувствием катастрофы. Я повернулся к Фатине, чтобы вместе с ней бежать домой. Каково же было мое изумление, когда я не увидел ее рядом! Вдруг издали донесся ее голос. Я взглянул в ту сторону, и то, что я увидел, запомнилось мне на всю жизнь. Фатина стояла в нескольких шагах от броневика и с трудом поднимала огромный камень, собираясь ответить на насилие насильем. Как сейчас помню ее бледное лицо, блестящие глаза, растрепанные ветром волосы, порванное голубое платье, обнажившее грудь и спину, каштановую прядь волос, свесившуюся на высокий лоб.

Все последующее произошло с необыкновенной быстротой. Не успел упасть на бронемашину брошенный Фатиной камень, как загревели выстрелы, послышались отчаянные крики раненых. Люди бросились враспынную, в панике давя друг друга. Я едва смог добраться до дому. Бледные, дрожащие от страха женщины стояли на дороге, с тоской и надеждой спрашивая о судьбе своих мужей и сыновей. Не отвечая, я проходил мимо.

Подойдя к дому Фатины, я остановился, ожидая, что кто-нибудь спросит меня о ней. Никого... Молчание...

На следующее утро я и несколько ее маленьких друзей проводили Фатину туда, откуда нет возврата. Она была в голубом платье, запятнанном кровью...

Перевод Г. Лебедева.

Стихи посвященные
ОАР

Над человеческой весной борьбы пролей свой свет,
Чтоб цепи сбросили рабы и засиял рассвет
Иной над Тигром величавым,
Над Амманом,
Чтоб наш народ навек свободным стал
От скорби, гнета и печали.

Пусть горы засверкают перламутром
И расцветут в долинах нежные цветы!
Пролей вино надежды в гимнах утра,
Пусть разнесет их буря на весь мир,
И пусть услышит их сквозь стон и раны огненный Алжир!

О родина моя!
Из своего далекого изгнания вернулся я.
Спешил к тебе нетерпеливо,
Но встретили меня твои дома, как тюрьмы,
Как боль ночей тоскливых.

Вернулся я в печальную страну.
О виселицах память здесь свежа на каждом перекрестке;
Я слышу посвист плети хлесткой,
И голоса убийц, и жертвы стон,
И кандалов печальный звон.

Я шел к тебе и воспевал весну,
Твои зеленые просторы и зарю,
Что дремлет, как ребенок, на холмах,
И от олив любимых тени, и землю, призывавшую к освобождению.
О милый край, я был всегда с тобой.
Когда ж над родиной моей прольется свет иной?¹

Перевод Т. Трофименко и Г. Лебедева.

¹ Стихи написаны поэтом после образования Объединенной Арабской Республики, до революции в Ираке.

Рашид Ясин

(Ирак)

Багдад

Как ветер от гнезда уносит птиц,
Чтоб бросить их разбитыми в пустыне,
Я брошен вдаль, отторгнут от родных границ,
До той поры, пока небытие придет и кровь моя застынет.

Декабрь, штыки, огонь, надежды лик,
Бушующий народ у стен тревожных зданий,
Предательство работорговцев и владык
И пробуждение здесь — на отмели воспоминаний.

Багдад! О родина! Земля моих отцов!
Какое изобилие красок, воздуха и песен!
Плетенье улиц, пальмы у зеленых берегов
И мост¹, который стал врагам и патриотам тесен.

Здесь память перелистывает повесть о борьбе,
В бездействии томится сердце на чужбине.
О родина, поломанные крылья тянутся к тебе
И падают без сил, но кровь не стынет.

Дорогой памяти проходит молодежь,
Теперь томящаяся за решеткой тюрем.
Она росла в безвременье. Возненавидя ложь,
Открыла грудь навстречу бурям.

Сквозь строй страдания гнев неся, она поет:
«Тюрьма не для таких, как мы: мы непокорны.
Она тиранов ждет!» Да, — это так: она тиранов ждет,
Чтоб завершить их путь и век позорный.

О родина моя, восстань! Восстань, Багдад!
Народ в сетях предательства томится.
Подонки человечества твою судьбу вершат. —
Восстань, страна! Восстань, моя столица!

В огне Восток. История не движется назад.
В эпоху бурь, в эпоху революций
Восстань, моя страна! Восстань, Багдад!
Пусть звезды правды над тобой зажгутся!

Перевод Г. Лебедева и Г. Солоницкого.

¹ Мост в Багдаде, на котором 27 января 1948 года происходило сражение между иракским народом и английскими войсками во время народного восстания в Ираке.

Дзюндзо Ватанабэ
(Япония)

Ненависть

1 марта 1954 года на атолле Бикини американцы взорвали водородную бомбу. Радиоактивной пылью, образовавшейся при взрыве, была осыпана японская рыболовецкая шхуна «Счастливый дракон», находившаяся неподалеку от места испытаний бомбы. Весь экипаж шхуны — 23 человека — получил тяжелые лучевые поражения. Радист Айкити Кубояма, несмотря на все попытки спасти его, скончался через полгода. Остальные рыбаки продолжают находиться в тяжелом состоянии.

О смерти Кубояма
Кричат неоновые знаки,
Сверкают, торопливо гаснут
И вспыхивают снова.

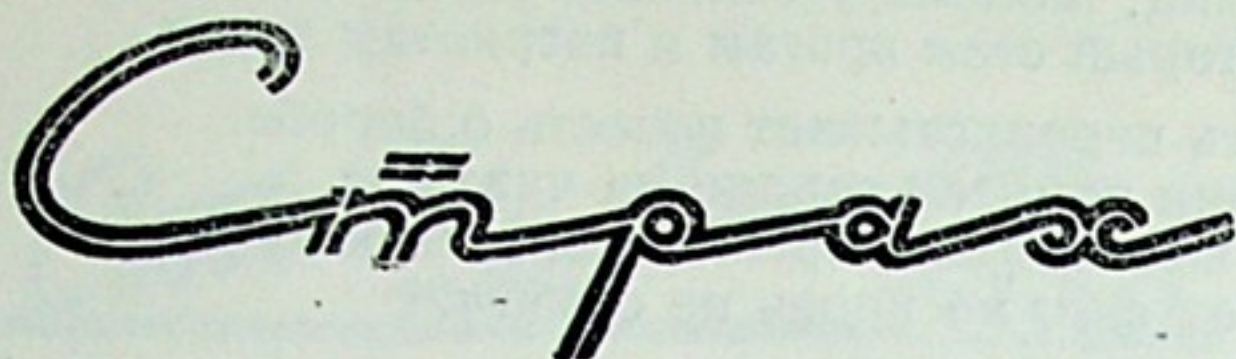
О эти знаки,
Поток кипящих мыслей!
Айкити Кубояма
Сегодня умер.

Ненавижу
Водородную истерию!
Ненавижу

Надменных янки врачей,
Презирующих наш народ!
И когда душит ненависть,
Перед мысленным взором
Встают
Жирные щеки Даллеса.

Я молюсь о том,
Чтобы смерть пощадила
Остальных рыбаков.
И снова меня охватывает ненависть.

Перевод А. Струтацкого.

РАССКАЗ

Ему все-таки повезло: в одной больнице для него нашлось место кладовщика. Он так долго был без работы, что обеими руками ухватился за эту должность. Пусть жалованье всего сто двадцать лир, пусть придется одновременно исполнять и обязанности делопроизводителя, лишь бы не отняли работу. Как он боялся! Если вдруг открывалась дверь или слышался сердитый голос главного врача, у него начинали трястись руки и ноги, и ему казалось, что вот сейчас на его бедную голову свалится беда.

Он хлебнул горя: единственный кормилец в семье — без работы. Как страшно возвращаться домой ненастными дождливыми ночами!

Он виновато стучался в дверь, ему открывали с надеждой... и, пропустив в комнату, безмолвно закрывали за ним. Скинув полушубок с истрепанными полами, он проходил в комнату.

Жена ни о чем не спрашивала. Сын тоже ни о чем не спрашивал. Мальчик, уткнувшись в колени матери, прятал свои огромные, ввалившиеся черные глаза, чтобы не встречаться взглядом с отцом, и тихо играл материнскими пальцами.

Отец страдальчески морщился; он даже не мог принести сыну маленькую шоколадку. Украдкой смотрел он на шею ребенка, которая, казалось, стала еще тоньше, и думал о том, что сын, вероятно, скоро заболеет чахоткой. А если вдруг заболеет? У них ведь нет денег, чтобы спасти ребенка.

Ему представилась толпа бедняков, ожидающих у дверей благотворительного общества по борьбе с чахоткой. Разве там добьешься помощи? Жена, та, наверное, и не предполагает, о чем он думает, отчего страдает. Но женщина, словно догадываясь о чем-то, убаюкивала сына, глядя ему мягкие, светлые волосы...

А на улице разгулялась непогода, неумолчно шумел дождь, завывал ветер... Вот, чего он боялся, — этих страшных дней... Ведь ему так мало нужно. Нет, он не будет требовать увеличения жалованья, как разные политические крикуны в погоне за популярностью, он не собирается стать главным врачом в больнице. Он согласен приходить в эту маленькую комнату, где стоит стол с изогнутыми ножками да старая табуретка. Вот уже два месяца он ходит сюда пешком, по темным улицам, к которым успел привыкнуть; и ходить ему очень далеко. Но он согласен уставать, мокнуть под дождем, простуживаться... Он согласен на все, лишь бы не отобрали у его семьи хлеб и было бы на что купить маленькую шоколадку для сына!

Однажды под вечер, уже к концу рабочего дня, когда он был занят составлением месячного отчета, в комнату вдруг бесцеремонно вошел какой-то незнакомец — маленький, сухопарый человек.

— А, Муаммер, здравствуй!

Да, его зовут Муаммер, но откуда его знает этот человек? Может быть, это старый школьный товарищ или сосед, живущий на их улице?

— Что же ты, Муаммер, не приглашаешь меня? Предложи стул, прикажи подать кофе!

— Да, да... Но откуда мы знакомы?

— Это не важно. Важно другое... Знаешь что? Мы ведь кормимся по одной и той же статье бюджета!

— Любопытно.

— Могу сказать кое-что любопытнее! Жизнь в городе в этом году страшно вздорожала. И особенно в сравнении с Анкарой.

— Ну?

Маленький сухопарый человек придвинул скамейку и сел, закинув ногу на ногу.

— Вот что, прикажи-ка прежде подать кофе!

Ошарашенный Муаммер покорно вышел, заказал кофе и вернулся.

— Ну, а теперь дай сигарету! — скомандовал незнакомец.

Взяв одну сигарету, он небрежно сунул всю пачку в карман.

— Забыл, когда и покупал сигареты, — процедил он. — Гм... О чем я говорил? Да... А жизнь тут очень дорогая. Э-э-э... Приехал я с семьей. У меня отпуск, вот мы и пробудем здесь месяц. Но семья есть семья: ее нужно кормить. Ты ведь тут и кладовщик и делопроизводитель? Значит, твои дела неплохи. И, наверное, ни с кем не делишься...

Маленькие зеленые глазки незнакомца поблескивали, внимательно следя за растерявшимся Муаммером.

Муаммер в недоумении молчал. О чем он говорит? С кем он должен делиться? Почему этот тип считает, что работать делопроизводителем и кладовщиком неплохо? Может, все так считают? Хорошо, но кто же он такой?

Между тем, незнакомец говорил уже категорическим тоном:

— Слушай, Муаммер. Короче, я здесь проведу свой месячный отпуск... с семьей... а ты будешь нас снабжать.

— Это как?

— А вот так! Маслом, рисом, горохом, чечевицей, мукой, крупой. Ясно?

У Муаммера неприятно засосало под ложечкой. Может, это инспектор, проверяет?

— Ты что-то долго думаешь, Муаммер-бей!

— Послушайте, кто вы такой?

— Не важно. Сказано тебе, что мы кормимся из одной кормушки. Себя-то ты не обижаешь. Разве за молчание не надо платить?

— За какое молчание? Знаешь, ты что-то перепутал.

Незнакомец подмигнул:

— Твой предшественник говорил то же самое!

Муаммер бессмысленно таращил глаза на сидевшего перед ним человека с большим носом и запавшими глазами, обведенными синевой.

— Как хочешь, Муаммер-бей. Смотри, дело хозяйское... Вот я сейчас пойду да пожалею, как прошлым летом на твоего предшественника, кому следует.

— И тебе поверят?

— Обязаны поверить.

Муаммер молчал; не получив ответа, незнакомец встал. Значит, не клюнуло! А может быть, этот Муаммер и впрямь честный? Ну, ладно, довольно тянуть, а то еще накличешь беду.

— Что ж, счастливо оставаться! — сказал он и вышел.

Муаммер застыл на месте. В ушах звенело. А что, если этот человек пойдет и скажет кому следует: «Известно ли вам, что кладовщик таскает домой...» Или же пошлет записку в министерство... И его, Муаммера, лишат места. И опять он останется без работы! Ненастные, дождливые ночи... Возвращение домой... Робкий стук в дверь. Ему открывают с надеждой... И безмолвно закрывают за ним. Сняв драный полушубок, он пройдет в комнату в мокрых носках, его проводят черные, ввалившиеся глаза сына...

Что делать? Что предпринять?

Муаммер бросился вслед за незнакомцем. А тот шагал вдоль улицы, на которой уже зажглись фонари, и думал: «Не клюнуло. Вот так же, как и с Хюсю в Анкаре... Но Хюсю тогда стал звонить, поднял шум. А этот, слава аллаху, оказался кротким. Кроткий! Но быть кладовщиком и делопроизводителем!.. У самой кормушки... И не пользоваться?..»

На углу улицы он оглянулся. Странно, за ним гонится Муаммер. В висках застучало. Значит, бомба взорвалась. А вдруг он сообщил в полицию?

Юркнув за угол, незнакомец прибавил шагу, потом побежал. Он бежал все быстрее и быстрее. И вдруг путь ему преградил ров, полный воды. Он прыгнул и ушиб ногу... Вот еще несчастье! Сейчас его поймают и за шантаж отправят в тюрьму. Как он презирал свою грязную работу! Но уже привык... Разве проживешь на нищенское жалованье? А теперь уже вторая осечка... Дьявол! Нога нестерпимо болит! Как бы не онемела совсем от холода, тогда не то что бежать, — с места не сдвинешься.

Он свернул влево, нырнул в открытую дверь какого-то заброшенного хлева. Здесь пахло теплым навозом. Притаился у окна со сломанной рамой. Голова кружилась, но было дышать. Вдруг он увидел...

что Муаммер перебежал улицу и направился к проспекту.

Добежав до проспекта, Муаммер остановился. Он тоже задыхался. Куда же исчез тот человек, ведь только что он был впереди, в каких-нибудь пятидесяти метрах. Зачем он не окликнул его?

Муаммер взглянул на небо: только звезды да узкий серп луны. И там аллах. Он-то знает об его честности: ведь даже то, что можно было, Муаммер не брал.

Почему он не спросил у незнакомца имени! Впрочем, если бы даже и спросил, разве тот сказал бы правду?

«Мы кормимся по одной статье бюджета...» В Анкаре он, что ли, работал, в министерстве? Значит, это он моего предшественника уволил. И пойдет он сейчас к главному врачу и скажет: «Ваш кладовщик то-то и то-то». А лупоглазый главврач возьмет да и поверит! И уволит. Снова без работы, снова возвращаться домой с пустыми руками?..

...Он постучал в дверь.

Жена ждет хлеба к ужину, ребенок надеется получить шоколадку. Робкие удары в дверь заставили женщину насторожиться. Это не тот уверенный, громкий стук, к которому она так привыкла в течение двух месяцев. И женщина вспомнила зиму, когда муж бродил без работы. Сердце ее ёкнуло, она открыла дверь. Муж вошел, пряча глаза, как в дни безработицы. Сняв туфли, проскользнул в комнату. И как в те страшные дни, его ни о чем не спросили.

Даже про ужин забыли. Каждый был погружен в свои думы. Потом ребенок положил голову на колени матери и закрыл глаза. Мать гладила светлые, мягкие волосы сына...

Проворочавшись всю ночь без сна, ни свет ни заря Муаммер отправился на службу.

Вот сейчас придет главврач и начнется... Главврач не верит ни в бога ни в черта и всегда приходит в ярость, если кто божится. Разве его убедишь словами?

— Доброе утро, Муаммер-эфенди. Что-то вы сегодня уж больно мрачны?

Он вздрогнул. Старшая сестра, улыбаясь, подходила к нему. Она, казалось, хотела сказать: «Я знаю, о чем вы думаете. Мне все известно!»

— Бросьте, дорогой. Мрачные мысли не приводят к добру!

«Что она хочет сказать? Что все кончено и уже ничем не помочь?»

— Вы, наверное, нездоровы, Муаммер-бей?

— Да нет...

— Ну тогда и не расстраивайтесь. Положитесь на волю аллаха...

Сестра направилась к прачечной.

Муаммер смотрел ей вслед. Значит, ей все известно? Хорошо, но была ли она у главврача? Наверное, была. Он знал, что главврач — холостяк и, по слухам, в близких отношениях со старшей сестрой. Наверное, вечером они опять были вместе; к ним заявился тот тип и сказал: «Так и так, ваш кладовщик таскает».

Муаммер зашел в свою комнату и устало опустил на стул.

Главный врач, огромный, пузатый мужчина, бомбой влетел в больницу. Старшая сестра, администратор и другие устремились за ним через приемную, в которой линолеум был так густо смазан лизолом, что даже скрипел под ногами. Из-под очков в массивной оправе главный врач на ходу придирчиво оглядел все, ища повода к чему-нибудь придраться и устроить разнос, но ничего не находил.

Только когда они гуськом, медленно поднимались по лестнице на второй этаж, он, наконец, увидел торчащий в последней ступеньке гвоздь и сердито приказал:

— Прибейте здесь!

Третий этаж — палата. Врач набросил белый халат, который ему подала старшая сестра, и начал обход больных. Больные завтракали. Главный врач спросил, довольны ли они едой.

— Довольны. Все хорошо. Спасибо аллаху... — нестройным хором ответили все, и только какой-то старик простонал:

— Не наедаемся, бей, не наедаемся. Желудок к ребрам прирос.

Главврач был вспыльчив с подчиненными, но не с больными... Он обещал увеличить порции. Через час, закончив обход, он спустился к себе в кабинет и, прежде чем заняться бумагами, приказал:

— Позовите-ка кладовщика, я ему растолкую, как надо заботиться о больных.

Старшая сестра передала приказание санитару.

Муаммер по-прежнему сидел, обхватив руками голову, и предавался

своим безрадостным мыслям, когда на пороге появился санитар.

— Тебя главврач вызывает.

Муаммер мгновенно растерялся.

— Главврач сердит?

Санитар не помнил еще дня, когда бы главврач не был сердит.

— Сердит.

— Все! Значит все, Байрам-эфенди...

— Чего это ты, что случилось?

— Байрам-эфенди! За что уволили кладовщика, что был до меня?

— За воровство — таскал домой...

— И он действительно таскал?

— Я лично не видел, аллах — свидетель. Но об этом чужой человек сказал.

— И главврач сразу же прогнал его?

— Сразу. Ты еще не знаешь нашего врача. Он шутить не любит!

— Но, Байрам-эфенди, я уже два месяца здесь работаю. Все вы видите: таскал я что-нибудь домой? Каждый вечер, как только кончается работа, я прошу сторожа убедиться, что со мной ничего нет.

— Да что случилось?

И Муаммер рассказал все, что случилось с ним вчера. Но санитар Байрам понял одно: «Нет дыма без огня» — и тут же направился к сторожу больницы.

— Ты знаешь, у твоего нового кладовщика тоже нос в табаке.

Сторож вытаращил глаза.

— Говорят, что он домой таскал!

— Послушай, Байрам, что ты мелешь?

— Мне — что, я с ним дружбу не водил. А тебя он в свидетели выставляет. Говорит, что после работы всегда говорил с тобой. Правда?

Сторож забеспокоился:

— Что из того, что говорил? Выходит, я соучастник в преступлении, что ли? Мне какое дело... Постой, Байрам! Но вчера вечером этот кладовщик, как ветер, пронесся через ворота. Если меня вызовет главный врач и спросит, я так и скажу. Что он мне, брат?

Санитар увидел Муаммера у дверей кабинета главврача — он стоял и грыз ногти.

— Чего неходишь?

— Значит, говоришь — он очень сердит?

Санитар ухмыльнулся:

— Очень. Твой предшественник так же трясся. Неужели вам мало жалованья и обязательно надо воровать?

Муаммер чувствовал, что теряет сознание.

— Неправда, — простонал он. — Клянусь аллахом, неправда.

Санитар вошел в кабинет главврача.

— Там кладовщик пришел. Стоит и трясется. Видно, такой же, как и его предшественник. Говорят, преступники трусливы. Всемогуший аллах всегда настигает грешных.

Главврач надел очки.

— О чем ты говоришь? — спросил он.

— Да ничего... Сначала натворят дел, а потом...

— Что потом?

— Сторож Хидает говорит, что если главврач его вызовет, он все скажет. Вчера вечером Муаммер, как молния, пронесся через ворота! А Хидает — честный парень.

— Выходит, и этот, как тот?

— Тебе лучше знать, бей.

— Ну-ка позови его.

Муаммер вошел ни жив, ни мертв. Он уже слышал завывание бури, чувствовал ужас дождливых, ненастных ночей, на него с тоской смотрели черные глаза сына.

Он приблизился к столу главврача, не в силах унять дрожь во всем теле.

— Что будем делать, кладовщик? Когда положим конец вашему воровству? Почему вы не можете довольствоваться жалованьем?

Он молчал, словно проглотив язык, потом с трудом взял себя в руки и вдруг, словно его прорвало, выложил все, что накопилось у него в душе.

Но главврач процедил:

— Твой предшественник говорил то же самое, — и, встав из-за стола, приказал вошедшей старшей сестре: — Передайте администратору, пусть он рассчитается с этим типом.

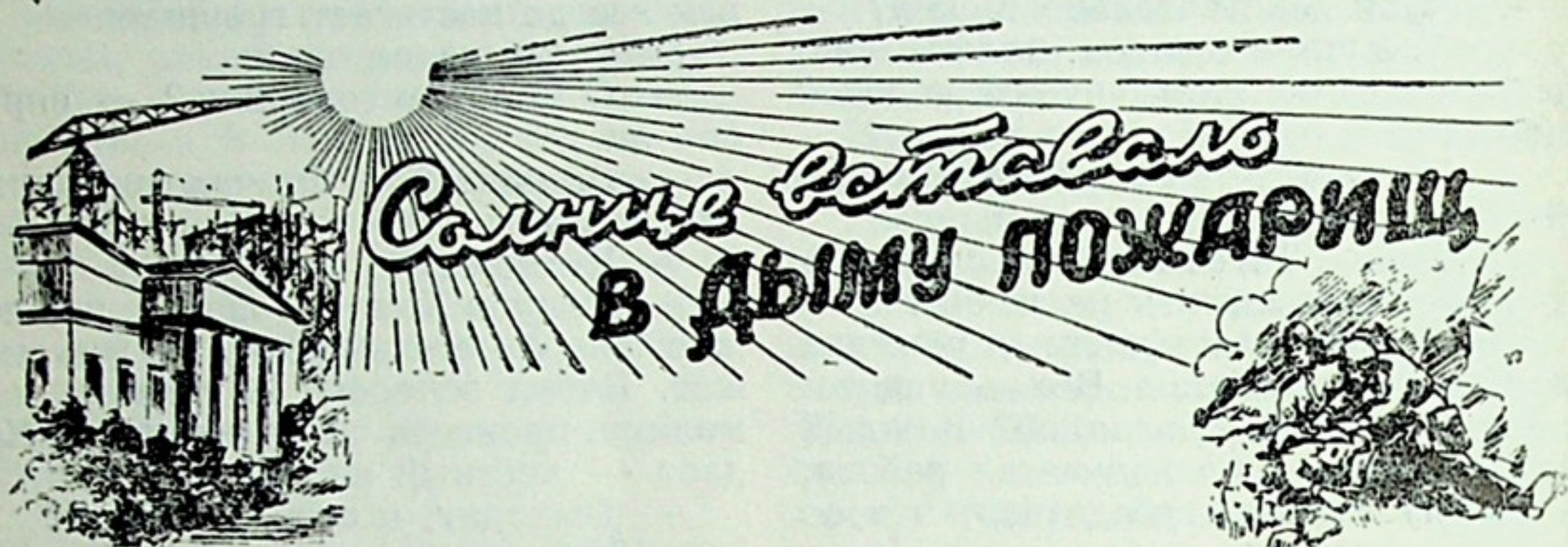
— Слушаюсь, эфенди.

— Ну, а теперь займемся делами. Муаммер вышел.

Ненастные, дождливые ночи, рваный полушубок, ввалившиеся огромные черные глаза сына, темные улицы, завывание ветра...

Все начиналось сначала...

Перевод В. Джалавяна.

ПОЭМА

Перевод с грузинского Ю. Вронского

Посвящается 1500-летию Тбилиси

ВСТУПЛЕНИЕ

Давно затосковал я о поэме —
О вас, друзья, была моя тоска! —
И вот нашел я ключ к заветной теме,
Ваш дом средь новостроек отыскав.

Я знал давно: поэма где-то близко,
Но проходила стороной она,
Покамест мне средь суеты тбилисской
Не посветили ваши два окна.

Сегодня я судьбою осчастливлен,
Сегодня мне открылась ваша дверь!
Благодарю тебя, тбилисский ливень,
Хоть ты и гнал меня, рыча, как зверь!

Тбилисский ливень!.. Кто из нас похвастан,
Что ярости твоей не испытал!
За кем потоки не гнались гривастые,
Бурлящие средь зданий, как средь скал!

Под деревом, у освещенных окон,
Поспешно от дождя укрылся я
И любовался пенистым потоком,
Когда вы дверь открыли мне, друзья.

Хозяин улыбнулся, приглашая,
И я вошел уверенно вполне
И сразу понял: то не дверь простая,
А дверь в поэму отворилась мне.

Я сразу понял: в комнате сидящих
Томит желанье услышать рассказ,
И мой хозяин (он же и рассказчик)
В поэму как герой войдет сейчас.

А майский дождь зарядами дробинок
Хлестнул по крышам, громом пригрозил,
И, как всегда, покинул поединок,
Не исчерпав запаса буйных сил.

И снова ясно. Но я счел за лучшее
Не уходить теперь уже домой.
И повесть безыскусственную слушая,
Сижу среди молодых один седой.

А окна в темень устремили взгляды —
Дела былые, может им видны?..
Весна хмельна от влаги и прохлады,
И я хмелен от свежести весны.

Рассказчик говорит. Он строг, спокоен.
— Войною наша юность началась!
Любой из нас поэмой быть достоин,
И славу заслужил любой из нас!

Я слушаю, и странно мне, не скрою,
Что я решился на подобный шаг —
Сейчас впервые получилось так,
Что автор внемлет своему герою.

I

— Все вы знаете, мои хорошие,
Как наш город гомонит с утра,
Как, седые волосы ероша,
Все о чем-то говорит Кура.

Берега Куры, Мтацминды склоны
К сердцу прирастают навсегда.
Тот, кто слушал голос их влюбленно,
Речь их понимает без труда.

Солнце встало, землю обласкало,
Таёт дымка сизая над ней,
И дома, стоящие на скалах,
Стелют бурки синие теней.

Этажи растут все выше, выше,
И лесов одежда им тесна!
Новизна на штурм с рассвета вышла,
Небеса штурмует новизна!

В поднебесье, в золотистой выси,
Виснет в люльке мастер молодой —
Он узор на новом доме высек
И теперь любитесь резьбой.

И со всеми вместе, утром рано,
Я включаюсь в это торжество,
Чтоб железный гул подъемных кранов
Слился с гулом сердца моего...

Я Тбилиси строю!..
Страстной жаждой
Жаждал я сегодняшнего дня,
Каждым домом, улочкою каждой
Город мой родимый звал меня.

И все дальше уходя на запад,
Я все ближе подходил к нему,
Очага родного мирный запах
Я ловил в пороховом дыму...

В лютые морозы я купался,
Грелся у пожарищ деревень,
Сотни раз я падал, подымался,
Чтоб войти в прекрасный этот день.

Помните, Самгори обещали
Вы цветенье буйное вернуть?
Мы в тот бой стремились без печали,
И мечты нам согревали грудь.

Помните, фруктовыми садами
Засадить решили мы страну?
Жили и дышали мы мечтами,
Пронесли их через всю войну.

Отзвучал войны железный хохот —
Придушили мы ее в бою...
Вспомните, мы прожили неплохо,
Не бесславно молодость свою!

Я смотрю на строящие руки —
Их стрелять заставила беда...
И опять я думаю о друге,
В жизнь мою вошедшем навсегда.

Словно время двинулось обратно,
Встречей с ним я снова потрясен...
Пусть и вам, как мне, он будет братом,
Пусть Арчилом назовется он.

Посмотрите в городские дали,
Где-то здесь, я знаю, мой герой,
Стоя на незримом пьедестале,
Небо задевает головой...

Я его увидел в синей бездне,
По лесам на небо восходя.
И теперь тот образ не исчезнет
Ни в тумане, ни во мгле дождя...

Словно в сказке, вырастали стены,
Дятлами стучали молотки...
Как прекрасен труд самозабвенный,
Как движенья четки и легки!..

И железным хоботом ворочал
Кран могучий, тоненько звеня...
Вдруг в разгар труда один рабочий
Появился около меня.

Появился и сказал с улыбкой:
— Инженер! Там спрашивают вас! —
И, как будто был он тенью зыбкой,
Повернулся и пропал он с глаз...

К лестнице пошел я недовольный —
Посторонних я совсем не ждал. —
Но ведь это Лали!..
Я невольно
Вскрикнул и навстречу побежал.

Дорогие, если бы вы знали,
Как непостижимо хороша,
Как проста и грациозна Лали!..
До сих пор горит моя душа...

Если б знали, как я это пламя
Погасить хотел в груди моей,
Как страдал бессонными ночами,
Как пытался позабыть о ней!..

Мы стояли с ней в орлиной выси,
Нас пьянил безбрежностью простор
И внизу шумел родной Тбилиси
Теплым сердцем среди холодных гор.

Голубели дальние вершины,
Словно в дымке юношеских грез...
Вдруг я слышу:

— Кто такая Инна? —
Будто гром с небес,
Ее вопрос...

Кто такая Инна?

По просторам
Прошлого пронесся света луч,
По просторам дымным, по которым
Мы, как ветер, гнали стадо туч.

Увидал я Терека стремнину,
Бешено бурлящую меж скал,
И на берегу изрытом

Инну

И Арчила взглядом отыскал...

И пока ревниво ждет ответа
Лали черноокая моя,
О другой вам расскажу, друзья,
О глазах совсем другого цвета.

II

Не обжѣг мне сердца этот взор
Волнами полуденного зноя,
А заморозил голубизною,
Глубиною северных озер.

Я пошел за этими глазами,
Не спросив у них, зачем, куда...
Черный дым, как траурное знамя,
Развевала по небу беда.

Был ноябрь ненастный на исходе,
Брел по крови год сорок второй,
Даже рассказать об этом годе
Нелегко, друзья мои, порой...

Я не думал ни о чем на свете.
Жгла мой мозг одна война, война..
Лишь война..
Но как-то на рассвете
На войне мне встретилась она...

Шум ручья... Свинцовая усталость...
Я сидел, недвижимый, как во сне...
Вдруг я встал.
Тропинкой приближалась
Девушка какая-то ко мне...

Женственность похитить не посмели
Сапоги и грубое сукно:
Сказочная фея и в шинели—
Сказочная фея все равно.

Подошла ко мне, остановилась...
— Вы грузин? — спросила вдруг она.
На губах улыбка появилась,
Робкая, как ранняя весна.

— Да, грузин!.. —
На целое мгновенье
Позабыл я, что война вокруг...
Преисполненный благоговенья,
Я коснулся нежных, тонких рук.

Эти руки! На моей ладони
Обе умещались без труда...
Но заметил я — в печали тонет
Слабая улыбка без следа.

Наконец, молчание нарушив,
Девушка спросила напрямик:
— Можете пойти со мной? —

И в душу
Тот вопрос доверчивый проник.

Мы пошли. А всюду так безлюдно,
Словно вымер весь простор земной.
Поначалу медленно и трудно
Говорила девушка со мной.

Тишина встречала нас дорогой,
Будто умерла сама война.
Тишина царила, и тревогой
Наполняла душу тишина.

Мертвой тишины не нарушали,
Делали ее еще страшней,
Шарящий в квартирах ветер шалый,
Гулкий лай распахнутых дверей.

III

Здесь лежало все мертвым-мертво,
И по этим траурным руинам
Шла своей походкой легкой Инна,
Хрупкое живое существо.

Я следил за нею неустанно,
Я встречал ее пытливый взор...
Вдруг сквозь плотный занавес тумана
Тяжкий взрыв до нас донесся с гор.

Я остановился... Сердце сжала
Подозренья жесткая рука.
«Ну теперь мне не уйти, пожалуй,
Это все подвох наверняка!..»

А рука к нагану... Недоверье
Вмиг сменилось яростью, друзья.
Но перед распахнутою дверью
В ту секунду оказался я...

Торопясь предупредить вопросы,
Пригласила в комнату она...
На меня смотрел мужчина рослый,
Стоя, словно в раме, у окна.

Как Атлант, несущий своды зданья,
Незнакомый парень был сложен.
Скрыть от взоров тяжкие страданья,
Показалось мне, старался он.

Видел я: мое здесь появление,
Средь руин, где ни души кругом,
Вызвало не меньше удивленья
В этом парне, чем во мне самом.

Но глазами встретились, и сразу
Здесь, в чужом разбитом городке,
Раздались взволнованные фразы
На родном грузинском языке.

В звуки речи вслушивалась Инна,
Выросшая в северном краю.
Видел я: за этого грузина
Северянка жизнь отдаст свою.

И легко уразумел теперь я
Всю ее доверчивость со мной —
Вызвал в этой девушке доверье
Попросту грузинский облик мой.

Но зачем вести меня с собою
В этот дом понадобилось ей?
Для чего и сами эти двое
Приютились здесь, меж двух огней?

Почему же в бой, к горам высоким,
Парень не спешит из городка?
Почему огнем пылают щеки
И висит, как плеть, его рука?

Отошел он от окна и гостю
Левою рукою подал стул...
За окном, кипя смертельной злостью,
Нарастал артиллерийский гул.

Берегами Терека гористыми
Огненная двинулась пурга.
Он промолвил, вглядываясь пристально:
— Это начался конец врага!

Наконец-то двинулись мы к цели!..
Сразу стало на душе светлей!..
А меня, поверишь ли, хотели
Заточить в стенах госпиталей!

Говорят, отдай на отсечение
Нам десницу, а не то беда...
Я сбежал от них... В таком спасенье,
Сам подумай, что мне за нужда?..

Он стоял, бледнея от истомы,
Лоб его
Обильный пот смочил...
— Я солдат. Зовут меня Арчил.
Дай мне руку... Вот мы и знакомы...

IV

Мне была близка его тоска
И понятно было исступленье.
Весь он там, где бой, где наступленье,
Где по склонам движутся войска!

Но туда, как в жизнь киноэкрана,
Проникали только лишь глаза...
А его подтачивала рана.
На тахту присел он и сказал:

— Встретиться у Терека... Об этом
Раньше и помыслить я не мог...
Если бы родился я поэтом,
Это было б темой лучших строк...

Рев и грохот Терека вначале
Называл я праздною гульбой.
А теперь он верный мой печальник,
С ним теперь мы связаны судьбой....

Полюбил его любовью братской
Я в ту ночь, когда меня скосил
Автомат врага...

К воде добраться
Я старался из последних сил...

Полз к реке я, твердо убежденный:
Чтоб не оборвалась жизни нить,
Надо хоть глоток воды студеной
Из потока горного испить...

И дополз я, кровью истекая,
И припал к воде, закрыв глаза...
То была вода...
Вода!..
Живая!..
Милых гор студеная слеза!..

Был друзьями найден над рекою..
На плечах меня несли в ту ночь....
Но с тех пор не ведал я покоя —
Смогут ли мне медики помочь?..

Я пылал неуголимой жаждой,
Жаждой жить — и таял, как свеча...
И надежда рухнула...

Однажды
Мне сказал об этом взор врача.

Что мне жизнь, что делать мне с собою,
Если без руки останусь вдруг?
Мне для схватки с вражеской ордою
Не хватало и обеих рук!

И пока живу, еще немало
Я злодеев уложить смогу,
Посмотри-ка сколько их упало
Здесь, внизу, на этом берегу!

Шли они цепочкой по тропинке.
Я залег. Мой верный автомат
Говорил с врагами без запинки.
И уговорил их. Всех подряд.

Видел «Тигра»? Тоже встречен мною.
Под дождем ржавеет он теперь.
Здесь существование земное
Завершил стальной фашистский зверь.

Черную дымящуюся душу
Отдал он, окончив черный век...
Побеждает и стальную тушу,
Если верит в правду, человек!

Слышишь залпы? Враг теперь не страшен!
Слышишь, гул растет в земной груди?
День счастливый вижу впереди,
Ясно вижу день победы нашей!

Встал Арчил. От Терека до гор
Весь простор окинул гордым взором...
Я решил пронять его укором,
О врачах затеял разговор...

— Об одном прошу: оставь в покое
Эту медицину, дорогой!
Не хочу я госпитальных коек,
Противопоказан мне покой...

Верю я в грядущую победу,
Греюсь у грядущего огня...
Мама ждет: когда же я приеду?
Мама ждет с победою меня...

Но ведь если отсекут десницу,
Значит, побежденным я приду?..
Нет, таким я к матери явиться
Не хотел бы даже и в бреду!

С девушкой простился я в Тбилиси...
Ничего не ведаю о ней...
Беспокойным роем выются мысли,
С каждым днем тоска прызет сильнее!..

Ну зачем, зачем мне возвращаться? —
В сотый раз я думаю опять.
Встретиться с безруким — что за счастье!
Даже не смогу ее обнять...

Ты скрипишь зубами, терпишь молча,
А в награду — жалостливый взгляд...
Есть тут от чего завывать по-волчьи...
Лучше вовсе не вернись назад!..

Не смогу я с гордостью расстаться,
Сделать душу нищенской сумой!
Лучше победителем остаться —
Как и все, кто не придет домой...

Улыбался он усилием воли:
Только, дескать, слабым не сочти!
Но в улыбке было много боли,
Бодрости же не было почти...

Яд смертельный, вместе с жаркой кровью,
Злобствуя, спешил по тропкам жил.
Чтоб помочь хоть чем-то, в изголовье
Я Арчилу руку подложил.

Да, сгорала жизнь, сгорал товарищ.
Да, спасать — и времени в обрез.
Да, спасать. Но здесь, среди пожарищ,
Что придумать, ждать каких чудес?

Ясно, слушать некогда Арчила!..
Ясно, надо действовать скорей!..
Инна меня взглядом торопила,
Всею любовью, всею тоской своей.

Лишь Арчил противился упорно,
Левою рукой меня обняв.
Вздых его — подобен вздоху горна,
Жар его — пылание огня.

— Как домой вернешься ты с победой,
Маме про мое житье-бытье
Только лишь хорошее поведай...
Ты уж не расстраивай ее.

Если я умру, то это с нами
Пусть умрет... Не бойся этой лжи —
Там, в селе, моей старушке-маме
Говори одно всегда: он жив!

Я ушел... Не вспомнить мне теперь,
Что сказал Арчилу я при этом.
За порог ступил — за мною следом
Инна птицей выпорхнула в дверь.

Мы шагали в тягостной печали —
Снова до того же родника.
Снова нас молчанием встречали
Черные руины городка.

Я смотрел на тоненькую Инну,
Про Арчила думая в тоске.
Инна, карандаш из сумки вынув,
Путь мне начертила на листке.

— Здесь ходьбы на два часа, примерно.
Буду ждать вас тут же, у ручья.
Ведь не все потеряно, наверно,
Ведь его спасет рука врача?

Как друзья, мы попрощались с нею,
И ее печальные глаза
Показались мне в тот миг синее,
Чем весною ранней небеса...

Улыбнулась, сумку открывая.
Я заметил, что лежала в ней
Белых треугольных писем стая,
Словно стая белых голубей.

Пошутил:

— Как много птиц ютится
В небольшом, сравнительно, гнезде.
Вас, как видно, любят эти птицы,
И, видать, родня у вас везде!

— Что вы! Я совсем не так богата!
Где же столько наберешь родни!
Это он в палатке медсанбата,
Чтоб тоску прогнать, писал все дни...

Матери в деревню. И в Тбилиси
Девушке какой-то письма шлет...
Много я отправила им писем,
А до этих не дошел черед...

Не подумал я, спеша в дорогу,
Одержимый думою иной,
Отчего девичий голос дрогнул
Невзначай задетою струной.

А по небесам зловещий рокот
Снова надвигался, словно рок...
До сих пор терзаюсь я жестоко:
Как ее одну оставить мог?

Я весь день, всю ночь провел в пути.
В шуме ветра слышались мне стоны,
Но лишь утром, через все препоны,
Удалось мне до ручья дойти.

Солнце поднялось в дыму пожарищ...
А на берегу встречал меня
Только ветер, в пепелищах шаривший, —
Не найдется ль пищи для огня...

Что это? Не сбился ль я с дороги?
Не набрел ли на другой ручей?..
И смотрели на меня в тревоге
Трое приведенных мной врачей.

Бросились мы к дому, где вчера еще
Был Арчил... Но где же этот дом?
Тишиною душераздирающей
От развалин веяло кругом...

И окаменелое рыдание
Было в этой жуткой тишине.
Груды глыб и пыль на месте здания
Обо всем без слов сказали мне...

Мы стояли, онемев от ужаса...
У остатков этой вот стены.
Инна и Арчил,
Любовь и мужество,
Рядом навсегда погребены...

Как спешили мы! — и опоздали.
Две весны под глыбами лежат...
Молча у могилы из развалин
Мы стояли — четверо солдат...

Крутизной к реке спускался берег,
Там извечный слышался мотив,
Там рыдал, как плакальщица, Терек,
По камням седины распустив...

Сколько ни встречал с тех пор геройства,
Сам не понимаю, почему
Все воспоминанья, как не ройся,
Тропками опять ведут к нему.

И опять горящими глазами
Мой Арчил глядит на берега,

И опять я слышу предсказанье:
— Это начался конец врага!..

Не ст взрывов небо расколосось
В день девятый мая, в три утра...
Различил я и Арчила голос
В грохоте победного «ура!»

Но Арчила нет сегодня с нами.
И опять я слышу:
— Этой лжи
Ты не бойся. И скажи: он жив!
Там, в селе, скажи старушке-маме...

VII

По дороге, среди волн травы,
Как корабль, плывет моя машина.
Сорок пятый. Лето. Мчится мимо—
Море зелени и синевы...

Руки правят точно... Только шалый
Ветер мне шумит, шумит в окно:
— Кляत्व, Арчилу данных, ты, пожалуй,
Не исполнишь, парень, все равно!

Мимо мчатся речки и деревни,
Проплывает голубая даль,
Пролетают с шелестом деревья,
Улети и ты, моя печаль!

Вот и речка... Мельница... В запруде
Ловят рыбу несколько ребят.
И рыбешки, вздетые на прутья,
Словно слитки серебра, горят...

Крикнул я, приотворяя дверцу:
— Дом Арчила далеко ль, друзья?—
А у самого забилося сердце,
И никак сдержать его нельзя...

— Дом Арчила? Вон он, возле рощи!
Там спросите, скажет вам любой!
Прямо, влево!.. Нет, направо проще!..—
Загалдели дети всей гурьбой.

Я на дверцы показал им глазом,
И вся стая шумная галчат
На сиденьях разместилась разом...
Глазками сверкают и молчат...

Но едва машина проскочила
Рощицу и начался подъем,
Снова загалдели: «Дом Арчила!
Стойте, стойте! Вот Арчилов дом!...»

А навстречу, из-за поворота,
Белая решетка, легкий мост...
И резьбой покрытые ворота,
И костры огромных алых роз...

С журавлем колодец возле дома,
Лозы винограда на стене...
И с улыбкой, будто мы знакомы,
Женщина с крыльца кивает мне...

Вот она идет, совсем седая...
Ох, нелегкий будет разговор!..
Как бы я хотел быть в этой стае,
Упорхнувшей, щебеча, во двор!

Никогда труднее мне, поверьте,
Не было, чем в этот ясный день.
Как же мне прокаркать здесь о смерти,
Как на жизнь и радость бросить тень?

Там, где пламя билось, словно в кратере,
Где кругом стонало и рвалось,
Нежно вспоминал Арчил о матери,
Видел серебро ее волос...

И с войны, где смерть мы вместе видели,
Только радость он хотел принести...
Он просил, чтобы не весть о гибели
Я принес, а радостную весть...

Дворик я окидываю взглядом.
Вижу старый дом. Арчил о нем
Говорил мне на войне. А рядом
С удивленьем вижу новый дом.

— Этот новый дом — мечта Арчила! —
Говорит хозяйка.

— Сам не мог...

Но село помочь ему решило...
Вот приедет, обновит порог!

В старый дом вошли мы. И вот тут-то
Я всю чашу осушил до дна!
Говорю спокойно я как будто,
И спокойно слушает она...

О войне, о сыне, как умею,
Я повествование веду,
Радуюсь, пугаюсь вместе с нею...
А к концу никак не подойду...

Вдруг она перебивает: — Это
Было возле Терека... Потом
На Дону Арчил сражался где-то... —
И в шкатулку лезет за письмом.

Неужели он живет и дышит?
Не схоронен грудю камней?
И, пройдя Россию, письма пишет
Из Берлина матери своей?

Что его за силы воскресили,
Вырвали из пасти тьмы слепой?
Может, перед ним и впрямь бессилең.
Злобный призрак с острою косою?

Я смотрю на дату и на почерк,
И на штамп солдатского письма...
А старушка у стола хлопочет,
Вся она — заботливость сама...

VIII

И пока хозяйка у плиты
Занялась едой, расставшись с гостем,
Мы у старой книжной полки спросим
Про Арчила, про его мечты...

Пусть расскажет свиток пожелтый
И тетрадей стопка на окне,
Что ему бумага шелестела
Летними ночами в тишине.

Вот река Кура чертой неровной
Нервно пробегает по листу...
На Мтацминде белою короной
Здание стремится в высоту.

И на нем, как будто для полета,
Руки в небо юноша простер,
И томит его одна забота —
Улететь в неведомый простор.

Синий свиток с полки я снимаю —
Это море, а не чертежи,
Море планов, без конца и краю...
В нем взлетают волны-этажи...

Я брожу по довоенной дали,
По страницам записей и книг...
Увидав случайно надпись «Лали»,
Я над ней задумался на миг...

Вдруг, мою задумчивость нарушив,
Мать сказала:

— Вот идет она,
Наша Лали! —

Я взглянул наружу,
Виноград раздвинув у окна.

Мать мне шепчет:
— Если бы не Лали,
Я не знаю, как бы я жила...
К нам еще в войну ее прислали...
Педагог и лучший друг села!..

Да, в войну... И с самого начала
Вместе ждем Арчила моего...
Вместе ждем... А ведь она узнала
Лишь по фотографии его...

Дверь открылась, и за Лали следом
Словно свежесть утра ворвалась,
Черный блеск ее огромных глаз
Озарил весь дом горячим светом.

IX

Кто не знает в городе горы,
Той, что возле площади Героев?
За века ни дома не построив,
Только ветер жил там до поры...

А теперь вскарабкался на склоны
Новый дом... Отныне каждый взор
Там ласкают стройные колонны
И на камне выбитый узор.

Это зданье строил вместе с нами
И Арчил карандашом своим —
Ведь на доме высечен орнамент
По эскизу, созданному им!

И когда резец из камня высек
Легкие, как воздух, кружева,
Мне хотелось петь на весь Тбилиси,
Что мечта Арчила ожила.

Но позвольте мне вернуться снова
К деревушке в горной стороне,
И пришедшей девушке два слова
Посвятить еще позвольте мне.

Если ей поверить, то в селенье
Просто случай девушку привел.
Госэкзамены. Распределение.
И одна из школ в одном из сел...

По приезде в школу, выпускница
У старушки обрела приют,
И они успели так сродниться,
Что недели врозь не проживут.

Видя их заботу друг о друге,
Без труда я мог в тот день понять,
Что для сына о такой супруге
День и ночь мечту лелеет мать.

Ничего совсем еще не зная
Про ее сердечные дела,
Понял я, что горлица лесная
Не случайно здесь, в гнезде орла.

Помню, свежесть веяла сквозь окна,
Шарф ее прозрачный теребя;
Я смотрел на этот шарф и локоны —
И стыдился самого себя.

И чтоб скрыть непрошенное пламя,
Сделал вид, что к книгам я приник.
Лишь украдкой показал глазами
Надпись «Лали» на одной из книг...

Девушка, как маков цвет, зарделась...
Тут же книгу вырвала она
И смутилась: ей, мол, что за дело,
Лали ведь на свете не одна!..

Но собрались гости. И случилось
Все, как я в пути предполагал:
Здесь, в доме Арчила, за Арчила
Подняли мы первый свой бокал.

Чтоб воспеть грузинский стол, изыскивать
Я не стану нынче новых слов,
Но не видел тот стола грузинского,
Кто не слышал пенья стариков!

Песнь гремела, как раскаты грома,
На закате и ночной порой...
Песнь гремела... Ведь хозяин дома
Был не трус презренный, а герой!

... Провожали, в гости приглашали,
Обещал приехать как-нибудь...
Мне не фары освещали путь —
Очи Лали в темноте пылали...

Х

Ниточкой бежит издалека
По горам навстречу мне дорога,
То она крута, а то полого,
Вьется, словно горная река.

Заглушить бы сердца гул тревожный.
Скорость, постарайся мне помочь!
Если время обогнать возможно,
Обгоню его я в эту ночь!

Мой багаж — любовь...

И утро раннее
Я спросить хотел бы кой о чем.
Мой багаж — мечта...

Она туманнее,
Чем низины перед ясным днем.

Я люблю... Но что это такое?
Сердца замирающего стук?
Оглянись! Не ведая покоя,
Плещет море юности вокруг!

Юности гудит сердцебиенье.
Надо, чтобы с ним твое слилось!
Позабудь пустое искушенье
И мечту бесплодную отбрось!

Но однажды, в суете тбилисской,
В лабиринте этажей, лесов,
Был я этой девушкой разыскан
И услышал фразу из трех слов:

— Кто такая Инна? —
И заметил
Бледную улыбку на устах...
— Инна? Нет, не знаю! — я ответил,
Ощущая непонятный страх.

И тогда рукой дрожащей Лали
Вынула из сумочки письмо.
Чье оно? Зачем его послали?
Пусть оно расскажет нам само.

«Я решилась писать потому,
Что утаивать дальше нечестно.
И хоть я вам совсем неизвестна,
Не дивитесь письму моему.

Колебалась я долго... И вот
Посылаю письмо вам, в надежде,
Что живете вы там же, где прежде,
Что письмо вас в Тбилиси найдет.

Мы чужими на свете живем,
Нас случайно судьба породнила —
Повстречались мы в сердце Арчила —
И скорбеть суждено нам вдвоем...

Боль утраты и ныне остра,
Снова страшное вижу мгновенье...
Не вините Арчила в измене,
Протяните мне руку, сестра!

Вы, наверно, живете мечтой,
Голубой и безбрежной, как море.
Мне ж мерещится черный, как горе,
Только Терека берег крутой...

Вы следили за взлетом орла,
И лелеяли сладкие грезы,
Я у Терека горькие слезы
На разбитые крылья лила...

Вы подумать вольны, что Арчил
Позабыл вас, увлекся другою.
Я же слышала, — с болью, не скрою! —
Как он нежно о вас говорил...

Но об этом уж поздно сейчас...
Я хочу сообщить вам, родная,
Что фашистских стервятников стая
Навсегда обездолила нас...

Случай вырыл могилу ему
Возле Терека утром осенним...
Случай дал мне в то утро спасенье,
Для чего — до сих пор не пойму...

На войне посылала с пути —
Пусть для вас это будет не тайна —
Письма к матери — те, что случайно
Мне с собою пришлось унести.

Верно, ждет, что придет он домой...
Не пишите ей, Лали, про сына!
Ну, прощайте. Я с вами душой,
Где б вы ни были. Ваша Инна».

XI

Нету в человеческом языке
Слов, чтоб описать, как сердце сжалось!...
Чувствуя беспомощную жалость,
Я стоял, держа письмо в руке.

— Это правда... Да... Арчила нету...
Но мужайтесь, Лали! — Я сказал,
А слова звенели, как монеты,
Словно жалкий нищий горсть разжал.

Так стояли мы в переплетенье
Этажей и солнечных лучей,
Словно отгороженные тенью
Прошлого от света этих дней.

Вниз спустившись, за руки взялись мы
И пошли по городу пешком —
Может быть, удастся тяжесть мыслей
Растерять в просторе городском...

Вечерами шепчут тополя.
Здесь, на берегу, стихи влюбленным
У Куры нас встретили поклоном
Тополя, пушинками пыля...

Повисая между берегами,
Изогнулся мост невдалеке.
Это не болнисский желтый камень —
Это тигр окаменел в прыжке...

Вышли мы к проспекту Руставели,
К тротуарам в кружеве теней.
Ласково чинары шелестели
Шелковой одеждою своею.

А толпа могучею рекою
Проходила, за волной волна.
— Поспешим, пускай возьмет с собою:
В путь и нашу молодость она!

Так сказал я Лали, но сверкнули
Две слезы росинками тоски...
И с проспекта молча мы свернули,
Словно в речку из большой реки.

Иногда в молчанье пламя зреет —
Вспыхнет и замечется в крови!..
Но в тот раз я умер бы скорее,
Чем сказал хоть слово о любви.

—Все-таки с Арчилом я останусь...—
Лали поднялась... Ее слова
Я и не подумал счесть за странность.
Да, конечно, девушка права...

На вокзале мы при расставанье
На часы смотрели без конца.
Но не скорость и не расстоянье
Разделили наши с ней сердца...

Я остался в городе... А ветры
Пахли дымом... Где-то там, вдали,
Поезд, пожирая километры,
Повторял извилины земли...

В юном сердце Лали черноокой
Здесь, в родных горах, живет Арчил,
И на севере, в краю далеком,
В голубых очах живет Арчил.

Камни, став изящною резьбою,
Разве жизнь его не берегут?..
И не зря поспорил он с судьбою
На крутом, на взрытом берегу.

Где ж тут смерть с ее косою извечной?
Что же значит — навсегда уйти,
Если, усмиряя жар сердечный,
Сам я ухожу с его пути?

Друга моего Арчилом звали,
А меня Георгием зовут...
Но о том же он сказал бы тут,
Если б я лежал среди развалин...

★ ★ ★

На этом он рассказ закончил свой.
Все так же лампы-светлячки горели
И тополь в мокрой лиственной шинели
Стоял у окон, словно часовой.

А окна в темень устремили взгляды —
Дела былые, может, им видны?
Весна хмелела от ночной прохлады,
И я хмелел от свежести весны.

Земля под звездным небом опочила,
Лишь город звездным озером мерцал.
А здесь сидели сверстники Арчила —
Взволнованные, юные сердца...

Любой из нас — и труженик и воин.
Войною наша юность началась,
Любой из нас поэмой быть достоин,
И славу заслужил любой из нас!

Нам застил солнце горький дым пожарищ,
Но победили мы, а не они...
И много лет спустя куски брони
В траве найдешь, когда рукой пошаришь.

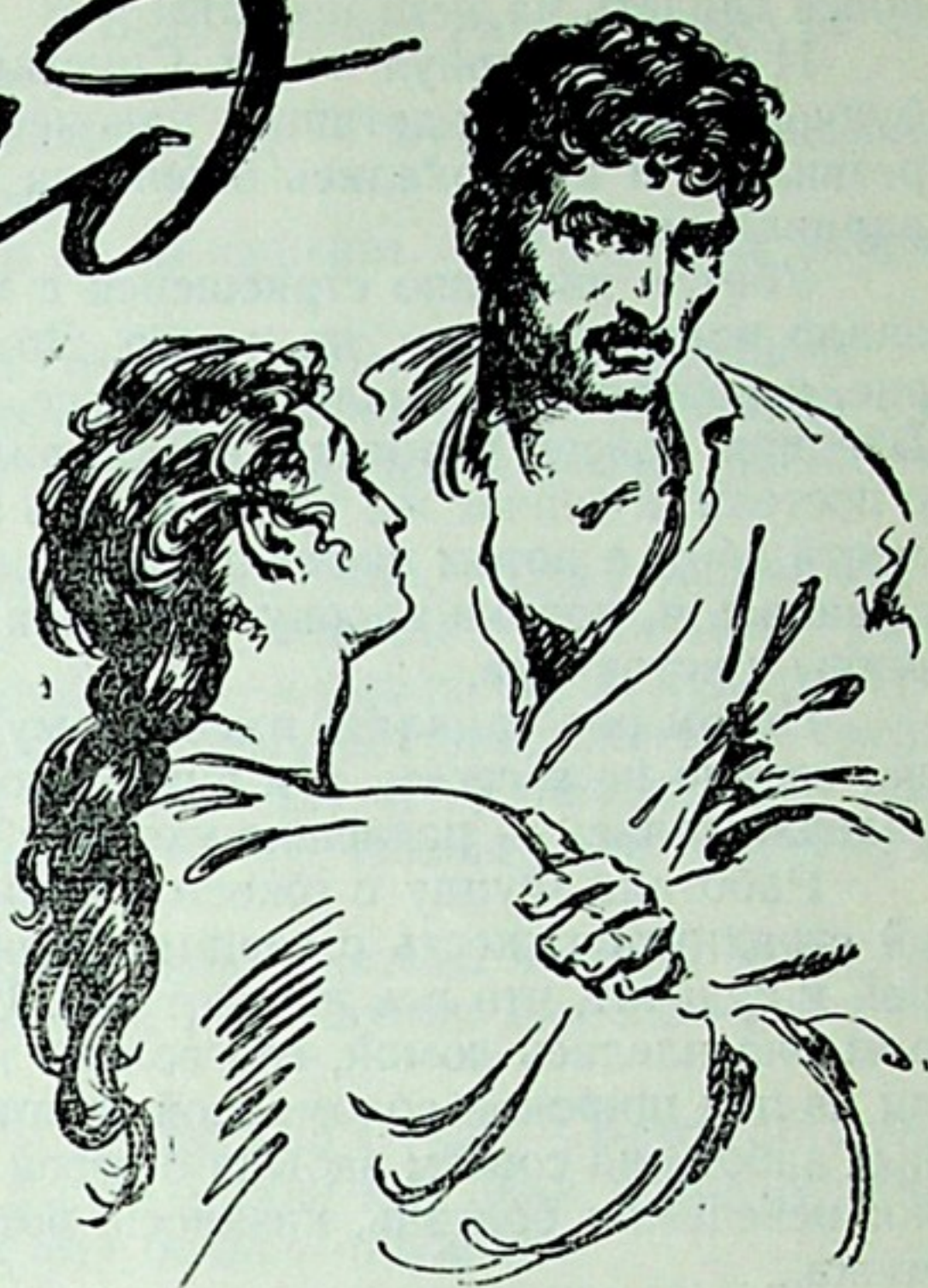

კლად

ПОВЕСТЬ

(Окончание)

Авторизованный перевод с грузинского
Э. Ананишвили

Х

Шло время.

Саулия исхудал, оброс бородой. Целыми днями сидел он дома один, сумрачный и угнетенный. Лишь в редкие минуты Саулия оживлялся и становился прежним—хоть грубоватым, но общительным и душевным человеком. Он был неприветлив и неприступен, все больше замыкался в себе, упорно молчал, и никто не мог догадаться, что его мучает, какая забота гложет его сердце. Раньше жене с трудом удавалось оторвать его от любимых им полевых работ и упросить потрудиться на плантации; теперь же Саулия, напротив, торчал там целыми часами без дела. В полном одиночестве сидел он под кривой смоковницей, о чем-то напряженно думая, и думы эти явно тяготили его.

В конце концов Саулия совсем отдалился от людей, чурался их, и отчуждение его стало таким глубоким, что даже забота и сочувствие односельчан раздражали его. Он сторонился соседей, не пускал к себе врача. Даже председатель колхоза и члены правления не могли к нему подступить.

Отия был сам не свой от горя. Жалость к бедняжке Фунду жгла его сердце — ведь девочка выросла у него на руках!.. Наконец, Отия дошел до того, что впервые в жизни среди бела дня оставил без присмотра свой участок и отправился в деревню. Ковыляя на своих тощих, длинных ногах, пробирался старик по проулку так неловко (он привык ходить по ровному, усыпанному галькой полотну!), будто ступал босыми ступнями по колючкам. Худое, восковое лицо его с узкой, как косица, белой бородой и ястребиным носом вытянулось еще больше, приняло землистый оттенок...

Вот уже подъем позади, он стоит у калитки и не решается войти. Раз-

ве Фунду выскажет свою печаль? Скрытная она — старому Отии лучшие всех это известно! Как же быть, какие придумать слова, чтобы утешить ее? Давно уже не по сердцу Отии этот увалень, муж Фунду, а сейчас и вовсе глядеть на него неохота!

И Отия повернул назад. Спустившись с горки, он заперся у себя в будке. Проказники-детишки, наконец, дождались своего часа — весь день резвились и кувыркались вволю на полотне, никто не гнал их, не выговаривал им...

Убитая внезапно стрясшейся с мужем непонятной бедой, Фунду не знала покоя ни днем, ни ночью. До самого утра ворочалась она в полусне, и неотвязные мысли мучили ее, сплетаясь в тяжелые сновидения. Бледная, совсем разбитая, раскрывала она глаза на рассвете, вскакивала с постели и сейчас же принималась за дело. Выходила кормить кур, подмести двор, а потом наскоро плескала себе на лицо холодную воду, причесывалась и, подоив корову, отводила ее в стадо, а заодно наполняла кувшины у источника.

Потом она садилась вместе с мужем завтракать. Ела без охоты, молча, словно не в своем, а в чужом доме, и, убрав со стола, ни минуты не задерживалась — поспешно уходила на плантацию собирать чай.

Работала Фунду с ожесточением, до темноты, но и это не помогало ей стряхнуть тяжесть с сердца. Бедняжке казалось, что соседи только о ней и судачат, что все жалеют ее... И от этого было ей еще горше. Вечером она плелась домой, еле волоча ноги от усталости; безучастно глядели из-под широкой соломенной шляпы потухшие глаза. От этих неизбывных забот она совсем забыла о своей беременности — да и до того ли было: неведомая болезнь, казалось, вот-вот отнимет у нее полного сил мужа...

В тот вечер, как обычно, Фунду сдала собранный чай в приемный пункт и молча направилась к дому. Задумавшись, медленно шла она вдоль полотна железной дороги. Не повстречав нигде по пути Отию, она испугалась. Не захворал ли старик? Скинув с плеч корзину возле будки, вошла на цыпочках. Долговязый старик, согнувшись в три погибели над стоящим на полу фонарем, осторожно наполнял его керосином, готовясь к ночному обходу.

При виде Фунду изможденное лицо его сразу просветлело. Поставив на пол бидон, он медленно вытер паклей руки.

— Дай тебе бог счастья, дочка, за то, что еще помнишь меня!

Старик уперся себе в колени, с трудом выпрямился и вышел на крыльцо, чтобы помыть руки, а Фунду быстро подмела пол в крошечной каморке, и, как раньше, проворно убрала заваленный разным хламом столик. Тем временем Отия вернулся в комнату и молча уселся на тахту против Фунду. Воцарилось неловкое молчание — ни хозяин, ни гостья не произносили ни слова.

— Давно я собираюсь к тебе, да все никак не выберу время, — сказала, наконец, Фунду. — Сам ведь знаешь, какие у нас дела...

— Знаю, доченька, как не знать... — сказал Отия с грустью и, помолчав, спросил:

— Что он?

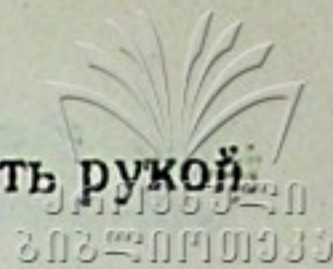
— Хуже некуда! — вздохнула Фунду. — Молчит, ножом зубы не разожмешь. Не пойму, что с ним, чем его так пришибло...

— Не унывай, дочка, держись... Мужчина ведь он — осилит горе, придет в себя!

Глаза у Фунду наполнились слезами.

Отия опустил голову и сказал как бы невзначай:

— Вчера я шел к тебе...

— Ну и что же? — спросила Фунду, стараясь незаметно утереть рукой слезу.

— Дошел до самой калитки и повернул назад. Ты ведь с детства скрытная, не любишь жаловаться... Я подумал: все равно ничего не скажет... напрасно только буду доносить ее...

Старик умолк. Только теперь заметил он — Фунду успела подмести его каморку, поставила в угол фонарь.

— Помнишь, Фунду? — сказал он со вздохом. — Ты всегда заправляла мне фонарь...

Молодая женщина взглянула на старика с вымученной улыбкой.

Направляясь сюда, она собиралась раскрыть перед дедушкой свое наболевшее сердце, но теперь слова почему-то не шли с языка. Да и о чем говорить, все и так яснее ясного...

— Не изводись, доченька! — снова начал Отия, словно продолжая ее собственную мысль. — Ты вот не знаешь, девочка... Если меня, упаси бог, оторвать от железной дороги, навернсе, — с ума сойду! И муж твой так. Человек он работающий — конечно, трудно ему без крестьянского труда... Потерпи, погоди еще немного... Ты еще молодая, и не знаешь, что сила у земли большая, земля для крестьянина — все. Позовет она твоего мужа, настанет день... Земля его исцелит.

Слушая старика, Фунду вспомнила, как однажды вечером нашла она под чайным кустом тыквенный побег, и как Саулия любовно говорил о земле...

— И я ведь сам такой, дочка! — продолжал Отия. — Здесь, на линии, я крепок, как скала, а отойду подальше — грош мне цена, всего пугаюсь...

Старик умолк. Не о чем было ему больше говорить.

Они вышли из будки и остановились около шлагбаума.

— Так я пойду, дедушка, — сказала Фунду тихо. — С утра собираю чай, пропадаю на плантации. Кто знает, как там бедняга обходится без меня...

— Ступай, доченька, ступай.

Фунду пошла вдоль речки, как бы чувствуя у себя на спине пристальный взгляд старого Отии, который все еще стоял у шлагбаума и не сводил с нее глаз.

Закат алел. Кругом было тихо, и речка журчала, перекачиваясь через нанесенную ею же гальку.

— Постой! — вдруг услышала Фунду и оглянулась. Старый будочник все еще стоял, ссутулясь, возле шлагбаума и глядел на нее. Видно, душа у него была не на месте — и оттого позвал ее. Фунду сразу поняла и то, что Отии ничего не нужно, — только еще раз ее увидеть. Бросив корзину, она со всех ног кинулась к нему. Обняв его, она молча повисла на шее у доброго старика...

Растроганный Отия кашлянул, как бы поперхнувшись, и нежно поцеловал Фунду в глаза — да, да, она ведь ему дорога, как родная дочь... Потом коснулся губами ее лба, подтолкнул ее:

— Ступай, девочка, присмотри за своим мужем!

И, повернувшись к ней спиной, вбежал в будку.

XI

Две недели не выходил Саулия на работу, но это бы еще не беда. Хуже было другое — труд вообще утратил в его глазах ценность, потерял всякий смысл. Он и к жене стал приставать: незачем ей надрываться на работе — Саулия и так в состоянии содержать ее, как царицу.

Фунду не хотела и слушать этот вздор.

Однажды, впрочем, она спросила:

— Что это ты заладил? Или сокровище нашел?

— Почем знать — может и нашел! — и Саулия захихикал так, что Фунду охватил страх: «Рехнулся, право, рехнулся!»

С этого дня Фунду еще больше замкнулась в себе. Рано утром уходила на плантацию и оставляла мужа на весь день одного.

А он изводился от безделья. До вечера слонялся по усадьбе, старался выдумать себе занятие. То возится в сарае, то ковыряется на огороде, а на душе все неладно. Попробовал он побродить по чащобам с отцовским ружьем, завернул раза два и в столовую — да никому до него не было дела. Это одиночество сводило Саулию с ума.

Мало того, что он не знал покоя днем! Эти короткие весенние ночи казались ему бесконечными — никак не дождешься рассвета! Ах, в недобрый час ступил он на то проклятое место, на беду свою нашел этот клад! Лишь бы ему снова обрести покой, — и пусть эти деньги провалятся в преисподнюю, он согласен — да, пусть провалятся, и он сам вместе с ними! И во сне ему снилось, и наяву мерещилось это дьявольское золото. Мучился Саулия, всю ночь ворочался и вздыхал, не смыкал глаз — и жене не давал уснуть...

— Спи, Саулия, спи! — умоляла его Фунду сквозь одолевавшую ее дремоту.

Но до сна ли ему было? Эх, какой спокойной, безмятежной жизни он лишился! Что может быть лучше — ранним утром, когда роса блестит серебром на траве, умыться холодной водой и глянуть на посевы, темнеющие в далекой долине, а потом — мотыгу через плечо, вздеть на рукоятку приготовленную женой с вечера корзинку с провизией — и в путь, туда, в эти поля...

Так ясно представилась Саулии эта картина, что он не удержался, вздохнул с сожалением.

Фунду проснулась. В доме было темно.

— Что это тебе почудилось? — спросила она, но сон опять смежил ей веки.

— Не могу я больше так, Фунду! — вскричал Саулия.

Когда Фунду открыла глаза, комната была слабо озарена коптилкой. Саулия, одетый, сидел около очага.

— С ума сойду, право, с ума сойду! — бормотал он. Потом вдруг закричал жене: — Вставай, слышишь? В поле иду, приготовь мне еду на день!

Фунду вся вспыхнула от радости.

— Сейчас, мой Саулия! — она вспомнила слова Отии и вскочила. — Ступай, Саулия, в поле — и на душе у тебя станет легче!

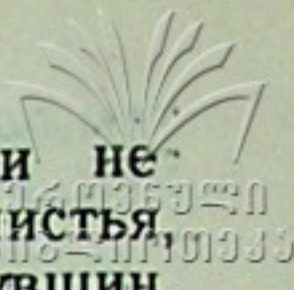
Она поспешно одевалась, глядя на мужа просиявшими глазами.

— Что уставилась? — Саулия посмотрел на жену так сердито, словно она была виновата во всех его злоключениях. — Не вечно же мне так мучиться! Уложи завтрак. На рассвете я должен быть в поле.

Фунду быстро натянула платье, пригладила рукой волосы.

— Да, да, иди, Саулия, мой милый! — воскликнула она, снимая с гвоздя корзину. — Иди, жизнь моя, ступай — может, вся твоя болезнь оттого, что ты дома сиднем сидишь... Давно бы тебе догадаться! Побудешь среди людей, тоску разгонишь... Дело крестьянина — поля мотыжить, так у него на роду написано! Иди, трудись... Будем жить, как жили до сих пор!

На глазах у нее заблестели слезы. Она не знала, как выразить свою радость.

Вот уже смешанный с мятой, варенный в молоке молодой сыр и не остывший еще с вечера хрустящий мчади завернуты в тыквенные листья, уложены на дно корзинки. Рядом с ними теснится небольшой кувшин, наполненный вином.

Тем временем Саулия вышел во двор, попробовал пальцем железный край мотыги. Потом провел ладонью по рукояти и прислонил мотыгу к стене, около двери.

До утра было еще далеко. Чернело пасмурное, беззвездное небо. Собирался дождь.

— И погода как назло испортилась! — проворчал Саулия и вошел в дом. — Сейчас польет!

Сон, по-видимому, опять одолел Фунду — она свалилась на постель, как была, в платье.

— Еще рано, Саулия! Ложись, поспи — до утра прояснится.

Но Саулия, боясь пропустить рассвет, так и не ложился. Молча сидел он у погасшего очага и ждал утра — а оно все не приходило. Казалось, весь мир заснул вместе с Фунду. Даже Пацурия, волчья сыть, не подавал голоса.

К сырости земляного пола добавилась промозглая прохлада пасмурной ночи, и в хибарке стало свежо.

Саулия разворошил угли в очаге, подсыпал сухого хвороста.

Зазмеились черные струи чадного дыма среди сухих веток, потом пламя вдруг вспыхнуло, искры с треском взлетели к лоснящемуся от копоти потолку. Заплясали теплые отблески по углам, и тусклый свет коптилки потерял силу...

Саулия положил голову на скамью. Еще несколько минут он размышлял, спорил с собой, тревожился... Потом усталость и бессонные ночи взяли свое. Не успел Саулия сомкнуть веки, как черный туман мягко окутал его, и он сразу провалился в темную яму. Ему пригрезилось, что он вместе с женой куда-то едет на грузовой машине — машина мчится, и Фунду пронзительно кричит от страха. Саулия не знал, что это мимо дома прогрохотал ночной поезд; во сне он вдруг, неизвестно каким образом, очутился в районном центре. Какие, однако, тяжелые эти золотые монеты — оттянули карманы до самой земли, тащат его куда-то в преисподнюю! И откуда взялся здесь, посреди города, этот высокий стеклянный дом? Там, внутри, то ли за стеклом, то ли за туманным облачком, Саулия приметил колченового колхозного счетовода Карамана Саландия — счетовод сидит и считает золото. Саулия сует руку в карман, хочет обменять старинные золотые монеты на новые, но понимает, что не должен показывать свое богатство... А Саландия, хоть и не видел, что у него в карманах, все же спрашивает: «Откуда у тебя столько золота? Дай-ка сюда!». Но тут все меняется. Как Саулия очутился в этой лавке и что ему нужно от старого ювелира? Вдруг откуда-то доносится крик: «Держи вора!», и со всех сторон бегут люди, гонятся за ним с дубинами, швыряют камнями, орут... А Саулия бежит по вспаханному полю, ноги у него вязнут, он не может бежать; золотые монеты тянут его книзу, они так тяжелы, что земля разверзается под его ногами, и он проваливается в глубину, но тут старик-ювелир хватается его за плечо и вытаскивает наверх. «А, так это ты, дружок?» — спрашивает он отечески ласково, и Саулия видит, что это не ювелир, а будочник Оття...

Саулия проснулся. Он порядком озяб, но лоб его был влажен. Огонь в очаге погас. Коптилка тоже вся выгорела, и в комнате было темно.

«На что мне это богатство, если я должен его скрывать и не могу им воспользоваться? — спросил себя Саулия и отер пот со лба рукавом. — Зачем мне деньги, если их нельзя тратить? Нет, не пойду в поле! Какое

там поле! Я знаю, куда надо пойти! Сегодня же выкопаю клад — и поминай, как звали».

Он пошарил в темноте, нашел в углу большой кувшин, вскинул его и припал к нему с такой жадностью, что чуть не выломал себе зубы. Чем больше он пил, тем сильнее становилась жажда, вино струйками стекало по его заросшим бородой щекам. На мгновение он отнял кувшин от губ, передохнул и снова прильнул к узкому горлышку. Хмель не брал его, как он ни был обессилен усталостью и измучен заботой.

Наконец, насытившись, он отбросил кувшин. Видно, посудина упала набок: он слышал, как, булькая, текло из нее вино, но даже не взглянул в ту сторону. Потом встал, осторожно открыл дверь, вышел во двор и зашатался. На свежем воздухе хмель сразу ударил ему в голову.

На востоке, по краю затянутого облаками неба, высветилась водянисто-зеленая полоса.

XII

Запах вина защекотал Фунду ноздри, разбудил ее. Не от него ли и эта страшная головная боль? Она приложила руку ко лбу. Да нет, откуда бы взяться вину — просто она беременна, и ей мерещится то одно, то другое. Может, и разбудил-то ее не этот запах, а гомон проснувшихся голодных кур? Крепко же она спала — и не слыхала, как Саулия ушел в поле!

В доме было холодно — Фунду решила даже, что на дворе ненастье.

В дощатой пристройке гоготали гуси, им вторило кряканье уток, надсадно визжала и хрюкала проклятая свинья — хоть затыкай уши!

Сквозь щели дощатых стен проникал в хижину слабый свет утра, который, однако, не мог рассеять потемки. Винный запах снова ударил в нос Фунду. Она опять подумала, что ей почудилось. Но, услышав мычанье коров в загоне возле дома, она удивилась. То, что Саулия забыл выпустить свинью и птиц, можно еще понять. Но почему он не отвел к пастуху корову? Впрочем, она тут же успокоила себя. Сегодня Саулия в первый раз после своей долгой болезни собрался в поле — мудрено ли, что он позабыл о домашних мелочах? Эх, слава богу, жизнь их, кажется, снова налаживается, мир и любовь опять войдут в этот дом. А там, родится у них ребенок... И Фунду, как всегда при большой радости, крепко зажмурила глаза и сразу открыла их.

Смотри-ка — она и сама за эти три недели отвыкла от повседневных забот! Только сейчас вспомнила, что сегодня надо отнести мужу обед. Она скинула одеяло, голыми ногами нащупала под лежанкой обувь. Поживаясь от холода, отыскала в темноте платье, второпях надела его задом наперед, рассмеялась своей ошибке, сняла и снова надела... Потом кое-как пригладила волосы и выбежала во двор.

Сколько хлопот в доме поутру! Надо выпустить гусей, уток, свинью, потом накормить кур... Управившись с этим, Фунду умылась, схватила большой кувшин, подобрала с земли прут и погнала корову в стадо. Спустившись к ручью, она подставила кувшин под струю родника, бывшего из заросшей кустарником скалы, и не ожидая, пока он наполнится, пошла дальше. Около железнодорожной линии собиралось стадо. Фунду подогнала к нему и свою корову. Домик Отии был пуст: старик уже ушел на участок.

Рассчитывая побыстрее приготовить для мужа обед и отправиться на плантацию собирать чай, Фунду заторопилась домой. Тем временем и кувшин у источника успел наполниться: кто-то уже отставил его в сторону.

Головная боль прошла от свежего воздуха. И на душе стало легко — снова начиналась жизнь!

Фунду вскинула на плечо влажный кувшин и направилась к дому. У ворот ей повстречалась соседка — она уже спешила на плантацию. Добродушная болтуня Кесанэ, едва успев выпалить приветствие, сразу засыпала вопросами: что Саулия, как он чувствует себя.

— Хорошо, моя Кесанэ, совсем хорошо! — вызывающе отрезала Фунду и продолжала, сама того не желая, тем же тоном: — Сегодня чуть свет пошел в поле с мотыгой.

И Фунду повернулась спиной к смущенной Кесанэ, одним духом взбежала по тропинке, толкнула калитку... Но вся радость ее была мгновенно отравлена... Лишь теперь она увидела мотыгу, прислоненную возле дверей, и чуть не уронила кувшин. Ошеломленная, внезапно лишившись сил, еле вошла она в дом. Корзина с провизией висела на крючке, там же, где Фунду повесила ее ночью. Около очага валялся кувшин; пролитое вино впиталось в землю, от него и шел хмельной дух...

Что-то жгучее и тяжелое навалилось на сердце Фунду. Она рухнула ничком на постель и лежала так молча... Долго ли? Она и сама не знала. Наконец, кое-как поднялась...

— Куда же он ушел? Где запропастился? — вскричала она, выбегая из дому.

В одно мгновение обегала, обшарила она весь двор и примыкавший ко двору огород... Саулии и след простыл. В недоумении вернулась она в дом, подняла и поставила в угол кувшин, опустилась на трехногую скамейку... Множество мыслей и подозрений закружилось у нее в голове.

«Не ушел ли он опять на гору, в Надарбазеви? Что-то в последние дни зачастил туда... А впрочем, что ему могло там понадобиться спозаранку?»

Утопающий хватается за соломинку... И Фунду была сейчас, словно утопающая.

«Как знать, может, он и в самом деле на плантации?»

Она вскочила, выбежала из дому, хлопнув дверью.

XIII

Фунду шла по тропинке среди молодого ольшаника, раздвигая шелестящие ветви. Вот она уже недалеко от плантации. Около перелаза она оперлась об изгородь. Нет, не от быстрой ходьбы бьется так ее сердце — это та, знакомая и желанная одышка... Но сейчас Фунду не до того. Она шагнула через перелаз, но мужа не оказалось и здесь. Без особой надежды найти его, на всякий случай, побежала она к старым развалинам. Лишь сейчас заметила она, что давешний тыквенный побег за эти две недели разросся, налился соком, словно радовался жизни.

Добежав до кривой смоковницы, Фунду вдруг застыла на месте, схватилась обеими руками за голову.

На разрытой земле валялся Саулия — недвижный, как труп.

Фунду вскипела.

— Палач мой, кровопийца, что ты тут делаешь? — впервые, обращаясь к мужу, повысила она голос, бросила резкое слово.

Но Саулия, казалось, спал — он даже не пошевелился.

Тогда Фунду села на землю около мужа. Удивительно — почему у него руки измазаны глиной? Неужели он рыл землю ногтями?

— Саулия! — она запустила руку ему в волосы и ласково приподняла косматую голову. Саулия испустил глубокий вздох, и опять на Фунду пахнуло вином.

— Вставай, Саулия! Вставай, как это ты здесь заснул?

— Оставь меня в покое, — пробурчал Саулия и вдруг, испугавшись,

как бы жена не увидела выкопанной ямки, лег всем телом на разрытое место, распластался, закрыл его.

Но Фунду почуяла — причина всех ее несчастий здесь, где-то поблизости. Она искала взглядом, смотрела по сторонам — и ничего не видела.

«Зачем он копал? И зачем лег здесь?» — мелькнула мысль. Она сказала умоляюще:

— Вставай, Саулия! Земля сырая, простудишься! — и подсунула руку ему под плечо, чтобы помочь подняться. Но Саулия обнял ее за шею, повалил навзничь и, приподнявшись, взглянул на нее сверху. При виде Фунду, разметавшейся в своем черном платье, кровь бросилась ему в голову.

А Фунду глядела вверх, в это лицо и в небо над ним, такое же хмурое и ненастное...

— Фунду! — сказал, наконец, Саулия и придвинул ее лицо вплотную к своему. — Ну-ка, взгляни мне в глаза! — Он впился пристальным взглядом в ее зрачки. — Никому не разболтаешь, если я тебе кое-что скажу?

— Нет! — сказала Фунду ласково и невольно улыбнулась.

— Обещай мне!

Фунду схватила его голову, притянула, прижала к груди. Потом дрожащей рукой погладила по волосам.

— Зачем же, Саулия, зачем я буду болтать? Лишь бы тебе было хорошо, — а я все, что хочешь, обещаю. Ты же мне дороже всего на свете! — Так говорила Фунду и прижималась к мужу, обвив руками его шею — словно падала куда-то и ждала от него спасения. — Я так тебя люблю, Саулия!.. Обещаю тебе... Хоть и не знаю, что тебе нужно...

Саулия с силой сжал ее в объятиях, нашел жадными губами ее губы... Как безумный, целовал он ее рот, глаза, лицо и повторял шепотом:

— Любишь? Все равно любишь? После всего, что перенесла из-за меня, все-таки любишь?

В сердце у него все же шевелилось сомнение.

— Люблю, Саулия! Сам знаешь, что люблю! — шептала Фунду, все крепче прижимая к себе его голову. — Лишь бы ты был здоров, лишь бы тебе было хорошо...

И опять этот упрямый, холодный взгляд впился в ее глаза, опять послышался повелительный, полный угрозы голос:

— Так, значит, обещаешь?

— Обещаю, Саулия, обещаю! Что бы ты ни попросил — обещаю! — Губы у Фунду дрожали и вся она трепетала. — Все равно, что бы ни было... Я всегда, всегда буду тебя любить, Саулия.

— Ну, ладно... — сказал Саулия. — Ладно!

Холодно и отчужденно прозвучал его голос. Саулия отодвинулся, открыл ямку, прохрипел иступленно:

— Смотри! — и вдруг засмеялся: — Видишь, какие мы богачи!

Черная, зияющая пасть земли открылась перед Фунду, и она вскочила, словно ужаленная. Не сразу поняла она, в чем дело, — лишь понемногу сознание ее прояснилось.

— Что это такое? Что? Чье это? — вся дрожа, повторяла она почти беззвучно.

Фунду задыхалась.

— Как это — чье? — загремел в ярости, взорвавшись, Саулия. — Наше все это, наше!

От жадности у него так перекосилось лицо, запавшие глаза загорелись таким жутким зеленым огнем, что Фунду содрогнулась. В первый раз показался ей Саулия таким чужим и отталкивающим. И она пронзительно закричала:

— Так вот в чем дело... И это свело тебя с ума? Несчастный, на что тебе чужое, бог весть как нажитое, добро?

Саулия поспешно зажал жене рот измазанной рукой и огляделся испуганно — не слышал ли кто-нибудь?

— Тише, ты! — прошептал он. — Как бы нас не услышали, а то — сама ведь знаешь...

Потом, уразумев, наконец, что она сказала, повысил голос:

— Как это — на что? Ты в уме? На что мне золото? На что деньги? Нет, этого и враг не посмеет сказать! Да, да, заклятый враг такого не скажет!

Он в ярости ударил себя по голове кулаком. Лицо его исказилось, он взревел:

— А-а! Знаю, знаю, ты меня предашь! Но я заставлю тебя проглотить язык... Посмотрим, как ты тогда запоешь!..

И он добавил такое грязное, похабное ругательство, что Фунду вся вспыхнула от стыда.

«Животное! Настоящее животное! Где были до сих пор мои глаза?» — думала она, но не успела опомниться, как ей показалось, что поднялась буря, — инжирное дерево и кусты покачнулись, полетели куда-то... Руки у Фунду онемели, кровь застыла в жилах.

Она хотела бежать, куда попало, чтобы только скрыться от этих холодных зеленых глаз. Но Саулия, рассвирепев, в самом деле превратился в зверя, набросился на нее, ударил изо всех сил ногой в живот, бросил на кучу выкопанной земли...

Словно хмель, постепенно овладевала Саулией ярость. Он уже не владел собой.

— Что-о-о? Для чего золото? Посмотрите-ка на нее — для чего, мол, тебе золото!

Фунду и звука не проронила. Может, он уймется? А то озверееет, бог знает, что еще может натворить! Страшно ей было за свой живот, за ребенка. Лицо у нее стало землисто-серым, губы дрожали. Она беспомощно валялась на земле и отводила взгляд, старалась не смотреть на мужа. Спокойные, всегда лучистые глаза ее потухли, лицо выражало твердую решимость. Она была полна такого глубокого презрения, что даже не чувствовала боли и ни разу не застонала.

Но Саулию только еще больше распаляла ее покорность. От бессильной ярости у него потемнело в глазах, он бросился ничком на землю, дрожащими руками скреб ее, хрипел, как умирающий.

Наконец, он затих, поднял залепленное глиной лицо и закричал.

— Убирайся! Скорей убирайся отсюда! Не вводи меня в прех!

Фунду кое-как поднялась, с трудом разогнула спину. Бледная, с сухими глазами, двинулась она, шатаясь, вниз по крутой тропинке. Колени у нее подкашивались, она боялась упасть.

Саулия проводил ее тяжелым взглядом.

«Что я наделал?» — громом поразила его внезапная мысль; дрогнувшим голосом стал он звать жену:

— Фунду! Фунду! Постой!

Но Фунду шла, не поднимая головы.

XIV

Еле-еле плелась Фунду по спуску. Ей казалось, что она мертва и только каким-то чудом идет вперед. В конце концов она ведь не каменная — вот и сломилась... Не помогли заботливые соседи, тщетной оказалась отеческая ласка доброго Отии. Не рассеялось, не исчезло ее горе...

Мучения, тревога, и вот, наконец, побои... Все, все припасла для нее судьба! И что же погубило ее? Золото! А она и не знала! Скрытая, невысказанная печаль иссушила ее за две недели, и ничто уже не может ее обрадовать. Эх, какой хороший у нее был муж, как она была счастлива... А теперь? словно мельничные жернова перемололи ее счастье! Разве могла она подумать, что Саулия окажется таким жадным и черствым, что он без сожаления променяет ее любовь на какие-то блестящие кружочки? Спросить его — общая радость и общее горе ему так же близки, как собственные, а ради семьи он и себя не пожалеет... А на поверку оказалось вот что! Зависть, злоба, ненависть... Нет, нет, — этот человек не ее Саулия, это кто-то другой, его подменили. И вот почему душа ее мрачна, как это хмурое, низко нависшее, ненастное небо...

Она услышала окрик Саулии, но даже не обернулась — только застыла: закололо в боку так сильно, что пресеклось дыхание, она не могла идти.

Небо все больше и больше хмурилось перед дождем. Поднялся влажный морской ветер, студеное дуновение его коснулось горячего лица Фунду — как будто хлопнуло по щеке мокрое полотенце.

Вдали, за Риони, двигалась гроза. Вот она прошла над озером Палеостомы, похожая на темно-серую тучу пыли, и стала быстро приближаться. Мельница замолчала — должно быть, в предвидении паводка кто-то отвел воду из мельничного ручья.

Под горой, на линии, маячила одинокая фигура Отии. Старик по-видимому, испугался надвигающейся грозы и спешил с опущенной головой к своей будке.

Фунду потянуло туда, к нему... Но что она расскажет Отии? Что муж бил ее, топтал ногами? Что жизнь ее кончена? Нет, этого она не могла сказать старику, не могла так растерзать его сердце...

Она крепко стиснула руками живот и, согнувшись от боли, продолжала путь.

А вокруг все шло своим чередом, как будто ничего и не случилось. Соседи, прибежавшие с поля перед ненастьем, не теряли времени, занимались неотложными делами. Один приставил лестницу к дому и поправлял камышовую крышу. Другой схватил мотыгу и рыл во дворе канавы для потоков. Сухощавая жена Карамана Саландия снимала с веревки развешанное белье. Ребятишки мастерили в старом русле игрушечную мельницу — для них и гроза была поводом к забаве! Тут же, у забора собрались женщины в платках и, должно быть, сплетничали... Хорошо им — всегда-то найдется о чем поговорить! А Фунду больше ничего не нужно, она уже отговорила свое, и все для нее потеряло смысл. Что же дальше? Соберутся вот так, скажут: мы же были рядом, почему она с нами не поделилась? А того не скажут, что об этом нельзя говорить, и жить через силу тоже нельзя... Да и что тут говорить? Потом станут оправдываться: дескать, Фунду была такая скрытная, мы ничего не знали, ничем не могли помочь. Да я никого ведь и не виню...

Она закрыла глаза ладонями и прислонилась к забору питомника. Потом провела по лицу дрожащими руками, словно хотела стереть с него печаль...

Боль усиливалась, ей все труднее было идти. У заднего двора, возле самого перелаза, догнала ее — этого только не хватало! — Кесанэ. Она возвращалась с плантации. Лицо Фунду казалось почти прозрачным, полные губы белы, как полотно, глаза глубоко запади и обведены синевой. И все же, охваченная горем, казалась она такой гордой и неприступной, что у старой девы язык не повернулся что-нибудь сказать — она с невольным почтением прошла мимо, поторопилась скрыться за кустами...

Лохматый пес при виде хозяйки обезумел от радости, забегал по двору, бросался от калитки к дому и от дома к калитке с громким лаем и визгом... Но хозяйке было не до него.

Внезапно полил дождь. Фунду едва успела укрыться от него — кинулась со всех ног к дому, второпях ударилась всем телом о дверь.

Не зажигая огня в очаге, опустилась она со стоном на трехногую скамейку. Обняла рукой колени и, положив на них щеку, печально глядела через открытую дверь на свинцовое небо и сплошную пелену дождя.

Надоедливо шуршал и шлепал ливень в листве огромного платана. По камышовой крыше стекала вода, крупные капли падали вниз, плескали по луже, и Фунду казалось, что вся ее душа заляпана грязью.

В ту ночь она была вот так же, как сегодня, одна... Саулия ввалился, рванул дверь. Лицо его было перекошено. И сегодня он был такой, как тогда.

«Как же я была слепа, что не распознала его до сих пор! Но если это так, — зачем я здесь? Можно ли жить под одной крышей с чужим человеком?»

Третьего дня, когда она собирала чай, погруженная, как обычно, в печальные мысли, — на плантации неожиданно появился председатель колхоза; конечно, он только сделал вид, что завернул случайно. Начал он издалека, наплел с три короба, а потом вдруг спросил — что скажет Фунду, если ее с мужем пошлют куда-нибудь отдыхать.

Фунду и слушать его не захотела. Она тогда еще не потеряла надежды, верила в свое счастье...

А Саулия даже вышел из себя, услышав об этом. Как говорится, подбросил камень и подставил голову. Оказывается, ему не хотелось расставаться с этим проклятым золотом, вот в чем было дело!

На дворе, не переставая, шумел дождь. Печальные деревья за водяной пеленой были похожи на огромных нахохлившихся птиц.

«Да, да! — мысленно крикнула кому-то Фунду. — Такая уж я — никому не хочу говорить! Что делать — не могу, не могу жаловаться, унижать себя! Разве можно цепляться за то, что потеряно? Да утраченного и не воротишь!»

Внезапно небо засверкало, раскололось на тысячу кусков, загрохотало. Где-то рядом ударила молния.

За открытой дверью, свернувшись у самого порога и не смея войти в комнату, трясся всем телом Пацурия.

Фунду встала, бросила псу кусок мчади и закрыла дверь. Потом кинулась ничком на постель.

«Нет, нет, не все же еще кончено, в самом деле! Жизнь впереди! Еще немного, и Фунду станет матерью. Вокруг люди, деревня, весь мир — не покинут же на произвол судьбы несчастную женщину? Да и дедушка Отия ведь тут, рядом...»

Незаметно подкралась дремота. Усталость смежила Фунду веки, но и во сне боль не давала покоя.

XV

Шумная весенняя гроза пронеслась с барабанным боем и грохотом над деревней, окутала ее сумраком, наполнила шорохом и плеском. Дороги размякли, огромные лужи блестели, словно озера, среди кукурузных полей. Вдосталь нашумевшись и набуянив, ливень, как ни в чем не бывало, прекратился — так же внезапно, как начался.

Небо просветлело. Тяжелые капли на листьях заблестели под солнечными лучами. Черными островками рассыпались в синем небе клочья

дождевых туч и разбежались в разные стороны, исчезли. Одна такая туча, побольше других, проплыла над Надарбазеви, омрачив его своей широкой тенью. Еще раз побрызгал легкий дождик. Яркое полуденное солнце пробиралось среди толчеи рваных облаков, умываясь дождем. Ручьи мчались с гор, сломя голову; журча и воркуя, стекали они по склонам, а внизу, в овраге, диким зверем ревел бешеный поток.

Над остатками разрушенного дарбази сидел, согнувшись, Саулия. От его спины шел густыми клубами пар.

Где это слыхано, чтобы уважающий себя мужчина поднял руку на женщину? Да как ему глядеть на белый свет после этого? Горячая волна крови захлестнула сердце Саулии. Воображение снова и снова рисовало ему, как он пинал ногами свою любимую Фунду. А она лежала, беспомощно сжавшись, под градом жестоких побоев, и не издала ни звука — такая гордая и упрямая — молчала, сжав зубы...

— Кто меня проклял? Кто напустил на меня эту порчу? — вскричал Саулия и вперил мрачный взгляд в кувшин, полный доверху дождевой воды.

— Вот эта нечисть загубила счастье двух людей, разрушила семью... — вырвалось у него со стоном.

Он стал вычерпывать ладонью из кувшина желтоватую, илистую воду.

Но когда в песке на дне кувшина вдруг загорелись красно-желтым огнем монеты, Саулия закрыл ладонью глаза. На мгновение, показалось ему, даже потемнело. С минуту царила ночь, и бедная Фунду глядела на него из темноты большими, полными слез глазами. Он не выдержал ее взгляда, воскликнул с дрожью в голосе:

— Фунду! Сколько мук я тебе причинил, Фунду!

Саулия вытер грязные руки о листья ближайшего куста. Словно обезумев, задавал он сам себе вопрос за вопросом, препирался с собой.

«Что это с ним делается? Или совсем не имеют цены жизнь, труд, любовь? Если все это пустяки, зачем он вступил в колхоз? Зачем всего несколько минут тому назад вот здесь, на этом самом месте, так страстно ласкал свою Фунду?»

Солнце сверкало в небе. Вымытые дождем листья чайных кустов блестя, словно кусочки зеленой жести, слепили глаза своим блеском.

А внизу, в кукурузных полях, не видно было ни души.

Саулия доставал из кувшина пригоршни золотых монет и поспешно, — чтобы, упаси бог, не увидел кто-нибудь, — рассовывал их по карманам.

— Вот что меня погубило! Вот что свело меня с ума! — приговаривал, или, скорее, причитал он.

С мокрых монет стекала вода. Она просочилась сквозь карманы, холодной струйкой коснулась его ног.

«Может, пересчитать? — подумал Саулия. — Нет, лучше сосчитаю там, на месте».

Наполняя карманы золотом, он вздыхал, кряхтел и в спешке выронил один золотой.

— Пускай! — сказал Саулия. — Пусть не хватит одного, невелика печаль!

Он еще долго шарил на дне опустевшего кувшина, но там больше не было ничего.

Он встал, с трудом распрямился. И тяжелое же оно, это чертово золото! Как бы не оборвало карманы. Ну да, ведь и во сне так было!

Саулия махнул рукой и, не засыпав ямы, не закрыв кувшина, пустился бегом по спуску.

Около перелаза он вдруг остановился — вспомнил что-то.

«Нет, не хочу! Не нужно мне ни одного!» — подумал он вслух и повернул назад. Через минуту он очутился на том же месте, откуда только что ушел. Завидев его, большая лягушка грузно шлепнулась в кувшин.

Недолго искал Саулия забытый золотой. Монета глядела на него из-под куста, похожая на глаз самого дьявола. Саулия схватил ее, сунул в карман, потом плюнул в сторону ямы — «тьфу!» — и снова затрусил вниз, к перелазу. Выйдя на тропинку, он вдруг испугался, что передумает, схватился обеими руками за карманы и пустился бегом.

Задыхаясь, замедлил он шаг перед двухэтажным зданием школы.

Наконец-то он решился перевести дух! Только сейчас почувствовал Саулия, как дрожат у него колени. А проклятое золото тянет книзу все тяжелей и тяжелей!

Мутный поток в овражке очищался у него на глазах, с каждой минутой становился прозрачней. Какая-то пичужка, прячась в густой листве, щебетала, звала подругу.

Уже миновав ручей, Саулия почувствовал, что в горле у него пересохло, но не стал возвращаться — побрел дальше, волоча ноги по еще мокрой тропинке.

Вот и мельница — ручей перекрыт, вода не журчит в желобах, жернова умолкли, словно навсегда. Саулия вышел на железную дорогу и чуть подальше белого домика наткнулся на Отию.

Старик хмуро ответил на приветствие, окинул подозрительным взглядом мужа своей Фунду — «Что с ним? Весь перемазан глиной и явно не в себе!»

— Спокойней, спокойней, сынок, не делай ничего сгоряча! — сказал после некоторого молчания Отия. — Обдумай все, рассуди хорошенько, не то натворишь такое, что век потом будешь каяться.

Но не это хотелось ему сказать. Отия провел обеими руками по своей седой бороде и продолжал:

— Так вот, сынок, гляжу я на девочку мою, на твою жену, и не по себе мне... Высохла, истаяла бедняжка... Скрытная она, ты ведь знаешь! Ничего не скажет — сам должен догадаться. Вижу я, сынок, хорошо вижу — горе какое-то ее точит, а спросить не могу, не решаюсь... Ведь она выросла у меня на руках, как дочку ее люблю!

Этого еще не хватало! Нет, Саулии сейчас не до разговоров со стариком. И он прервал излияния Отии, не заботясь о вежливости.

— Знаю, знаю, мой Отия, все хорошо знаю... А сейчас, сделай милость, оставь меня в покое, мне и своих забот хватает!

И, не дожидаясь ответа, продолжал путь.

Вот и столовая. Саулия прошел мимо, не взглянув на нее. Вот, наконец, он и у правления колхоза.

XVI

В просторном кабинете председателя колхоза, плечистого, коренастого Кирилла Канкава, было тихо.

На длинном, покрытом сукном столе стояла большая стеклянная пепельница, полная окурков. Вода в графине отливала синеватым цветом. Окна были широко распахнуты, но табачный дым еще не успел выветриться и висел под потолком густой сизой пеленой. По-видимому, здесь только что заседали. Не все члены правления успели разойтись — в кабинете, кроме председателя и счетовода, оставались еще три человека. Канкава сидел за своим письменным столом, уткнувшись в какие-то чертежи. Развернутые листы синьки топорщились перед ним.

Заведующий фермой, старый Каплан Барамия, судя по его красному сердитому лицу, по-видимому, с чем-то решительно был не согласен. Совсем молоденький, но выглядевший уже зрелым мужчиной, пастух-животновод Серапион Кигурадзе скромно стоял за спиной председателя и через его плечо внимательно вглядывался в чертеж. Мать девятерых детей, доярка Саломе Телихе, смуглая, как цыганка, все еще красивая женщина, сидела, подперев подбородок ладонями и уставившись на Карамана Саландия. А тот, ежеминутно поправляя очки на своем горбатом носу, перебрасывал пожелтевшим от самосада пальцем костяшки на счетах и бормотал:

— К сорока шести прибавим девять, потом накинem еще шестнадцать...

Но не успел он накинуть эти шестнадцать, как председатель заметил у дверей неслышно вошедшего Саулию и нарочито громко обратился к нему:

— А, вот это кто! Привет нашему Саулии!

Все обернулись с просветлевшими лицами к неожиданному гостю.

— Иди сюда, друг, поближе! Что ты там прячешься? — сказал председатель, осторожно складывая чертеж, и вполголоса бросил Саландии: — Посчитаем потом, сейчас не время!

Саулия глядел исподлобья бегающими, как у пойманного волка, сверкающими глазами. Он не знал, куда девать руки, — они не помещались в карманах, доверху набитых золотом...

Чувство неловкости, овладевшее им, передалось и председателю колхоза.

— Так вот, мы только что постановили... — сказал Канкава чересчур громко и заерзал на стуле. — Поедешь в Гагры, Саулия, и Фунду возьмешь с собой, отдохнете вместе. Я там четыре года работал агрономом и скажу тебе — это рай, настоящий рай!

Он не знал, что еще добавить, и ухватился за первый попавшийся предмет разговора:

— Ух, и ливень же разразился, а? — он отодвинул в сторону сложенную синьку. — Уже месяц, как с неба ни капли не падало. Эта гроза — прямо-таки благодать для земли!

Снова заговорили о Гаграх.

— Надо тебе поехать, Саулия! В самом деле, не может же так продолжаться!

Но Саулия оставил его слова без ответа.

«Какие там Гагры? При чем тут Гагры?» — подумал он и широкими шагами подошел к столу.

Наполнив стакан водой, Саулия в два-три глотка опорожнил его, отставил графин и сказал Караману:

— Сделай милость, запри двери, я должен кое-что вам сказать.

Караман удивленно глянул на него, пошел, плотно затворил дверь, накинул крючок.

Каплан сразу понял, что предстоит что-то необычное, и, будучи тут на ухо, поторопился пристроиться поближе, придвинулся со своим стулом вплотную к столу. Потом еще раз переменил место, сел рядом с Саулией и приложил ладонь к уху, чтобы не пропустить ни слова. Саломе, напротив, отодвинулась от стола и внимательно поглядела снизу на великана-горца. Серапион Кигурадзе скромно отошел к окну, а Караман Саландия отложил счета и водрузил на нос очки.

Председатель колхоза низко наклонил голову и снова развернул чертеж.

Воцарилось неловкое молчание.

Саулия не торопился. Он внимательно оглядел всех присутствующих, потом прокашлялся и хмуро спросил:

— Что вы на меня смотрите? — тон его стал насмешливым. — Небошь? Думаете — «бедняга», а?

Саломе не вытерпела, выпалила прямо в лицо ему:

— Как же не жалеть тебя, сынок! Был ты лучший работник в деревне, все мы тобой гордились, а теперь... — и она смущенно замолчала.

— А теперь? — переспросил Саулия. — А теперь спятил, так ведь?

Саломе не растерялась.

— Болен ты, сынок, болен, поверь нам! Да ты и сам хорошо знаешь — что ж меня спрашиваешь?

У Саулии перекосилось лицо — казалось, он собирается чихнуть. Он подошел к окну, взял за локоть стоявшего там Серапиона и подвел к столу, посадил на стул.

— Ну так вот... — сказал он, вздернув плечи и разводя руками. — Что же мне делать, соседи? Неужто нет для меня пощады? Вот до чего доводит проклятая жадность! Видите — я уже и не человек больше!

И вдруг неожиданно для самого себя заорал:

— Не могу больше! Не вынесу!

Он рванул полы своей длинной рубахи и стал выворачивать карманы брюк. Пригоршнями сыпал он на стол золотые монеты, выкрикивая с отчаянием:

— Вот оно, что меня погубило! Вот из-за чего я разума лишился, честь и счастье потерял! Если пожелаете простить — воля ваша... А нет... так... Ну что ж, тоже ваша воля...

При виде этого золотого дождя, все разом поднялись на своих стульях, потом снова сели. Удивленные взгляды скрестились на желтых кружочках, разбросанных по темному сукну.

Саулия собрал посередине стола всю эту кучу диковинных старинных денег, глянул — высокая получилась горка! — и усмехнулся.

Кирилл Канкава покручивал усы с задумчивым видом, как бы не веря глазам. Серапион Кигурадзе потер глаза кулаком, прежде чем взглянуть на горку золота. Саломе прищурилась. А Караман стал прикуривать папиросу и второпях чуть не спалил себе усы.

Капкан прокашлялся, прикрыв рот рукой, прочистил горло.

— Горит ведь, как огонь, чертова штука! — сказал он и протянул к золоту ладонь, словно хотел погреть руки.

— Этот огонь жег мне душу до самого нынешнего дня!.. А вы думали, я рехнулся! — вскричал Саулия, рванув ворот рубахи так, что полетели пуговицы.

— Нет, поглядите-ка, что это такое! — воскликнул председатель колхоза и обернулся к Саулии: — Где ты нашел столько золота?

Саулия усмехнулся.

— «Проклятое место» знаете? Там оно было. В земле зарыто, в кувшине... А вы мне — Гагры!

Он расхохотался. Потом вдруг умолк, оглядел сидевших за столом.

— Проняло, а? Небошь и вас тоже, правда?

Он оперся обеими руками о стол, наклонившись, заглянул в глаза каждому по очереди. Но ничего, кроме удивления, не мог прочесть на этих лицах: ни следа жадности или корысти...

— Что, взяли верх надо мной? — сказал он огорченно. — Людьюми оказались — не то что я! Я-то ведь разум потерял. Все потерял — самого себя!

Он упал на стул.

Немного помолчав, он поднял голову, крикнул Саландии:

— Считай, что ты смотришь? Считай, говорю! Все это золото, до последней монеты, сдаю государству по счету!

Саландия не долго думал — поправил очки на носу и пересчитал монеты. Потом сосчитал еще раз и, увидев, что оба раза получилось одно и то же, сел писать акт.

— Немалая сумма, — проговорил он, протягивая перо Саулии, и показал пальцем место в конце листа:

— Подпишись вот здесь!

Саулия взял перо, спросил озабоченно:

— Хорошо сосчитал?

Не дожидаясь ответа, он нетвердой рукой старательно стал выводить свою фамилию.

— Нет, не мое дело писать, — улыбнулся он и поднял голову. — Плохой из меня Руставели. Трехфунтовую мотыгу дайте мне в руки — с ней я сумею управиться! — попытался пошутить он, поглядев на неровные буквы подписи. Потом отбросил перо и тяжело вздохнул.

Когда все поставили свои подписи под актом, Саулия встал, потянулся, раскинув могучие руки, — в комнате сразу стало тесно.

— Ну, теперь пойдем! — сказал он и огляделся, ища шапку.

Но шапки не было. «Небось, обронил ее там, в Надарбазеви», — подумал Саулия и повторил:

— Так пойдем же, выпьем по стакану вина!

Через полчаса Саулия сидел во главе стола по соседству, в дощатой столовой, и заставлял своих гостей осушать стакан за стаканом.

XVII

Фунду проснулась. В испуге поглядела она по сторонам. Шума грозы больше не было слышно. Все тело ее было пронизано ноющей болью. Она хотела приподняться, но не могла разогнуть спину; силы покинули ее. Слабая искорка надежды, та, что теплилась в ней, когда она засыпала, теперь погасла. Все существо ее было объято какой-то мертвой тишиной, навалившейся свинцовым грузом на сердце...

Она положила руку себе на живот. И там — глухое, беспросветное молчание. Смерть поселилась в ее обескровленном, обессиленном теле. Казалось, в жилах у нее нет больше ни кровинки.

«Мой ребенок! Мое дитя!» — хотела она закричать, но с губ ее сорвался лишь еле слышный шепот.

Внезапно она осознала, что уже нет спасения, и ледяной озноб охватил ее.

«Погибаю! Спасите!» — взывало все ее существо, но голоса уже не было, она не могла издать ни звука.

Собрав последние силы, она сползла с постели, кое-как дотащилась до двери, с трудом приотворила ее.

Солнце садилось. Надвигались сумерки.

Она еще раз попыталась позвать на помощь, но дремота охватила ее, она провалилась в темноту и уже не чувствовала, как с каждой каплей крови уходят из нее остатки сил — нет, не сил, а самой жизни.

Откуда-то издалека, кажется, из столовой, доносился громкий голос Саулии, выводивший пьяную песню.

Фунду теперь все было безразлично. Ничто уже не касалось ее.

Медленно и неслышно затворилась сама собой дверь ее дома.

XVIII

Саулия вышел из столовой.

Ночь цеплялась за подол дня, грустно прощалась с ним. Черные телеграфные столбы гудели свою песню и брели куда-то к морю, вздымая

молочно-белые стаканчики изоляторов. Уронив на грудь отяжелевшую от вина голову, Саулия поплелся следом за ними, потом махнул рукой и около будки свернул в сторону, пустился с пьяным бормотанием вдоль горной речки.

«Простит, конечно, простит, как же иначе? Я уверен — простит! Войду в дом, обниму ее, прижму к груди... Знаю я мою Фунду — засмеется: «Ребра мне переломаешь, медведь!» — и замрет на моей груди, обо всем позабудет... Нет, нет, сегодня я такое натворил, не знаю, как ей в лицо взглянуть! Эх, взмолюсь — женщина ведь она, поймет... Скажу: «Это не я, это мое безумие, зверем я был, не собой...»

Саулия почувствовал комок в горле, утер рукавом слезы. Хотел сказать: «Фунду, золото мое», — но не мог выговорить это слово, неприятная дрожь прошла по телу.

Сейчас она, верно, дома, одна. Истерзанная им, страдавшаяся, сидит в одиночестве и не знает, что Саулия уже не тот, каким был в это утро, не знает, что любовь с этой минуты начинается сызнова... Господи, что с этой птичкой? Совсем, кажется, сошла с ума! Сидит на ветке и поет — как будто весь мир принадлежит ей! И чего она так самозабвенно щебечет?.. Верно, есть у нее своя Фунду...

Саулия взмахнул рукой. Пичуга вспорхнула с ветки и улетела куда-то со своей большой любовью...

«Глупая!» — подумал Саулия и продолжал путь. Вот и мосток через речку. Рыбка мелькнула в быстрых струях, испуганная его тенью, скрылась под корягой.

Саулия крикнул ей:

— Эг-гей, дружок, ты что там делаешь?

Потом проворчал про себя:

«Как знать, — может, и у нее есть зазноба там, в глубине!»

На свежем воздухе хмель все больше одолевал Саулию. Он брел, пошатываясь, по залитому сумерками проулку и мысленно упрашивал Фунду:

«Фунду, Фунду, моя хорошая, ты не думай, — я ведь не тот Саулия, который так обидел тебя нынче утром! Неужели тебе не жалко меня? Да, да, я знаю, и тебя жалко, Фунду... Вот я иду к тебе, иду и прошу прощения... Прости меня, Фунду! Ты же видишь — ты у меня одна, не к кому мне больше идти.... Ты же обещала мне сегодня... Ты же сказала, что сделаешь все, о чем я попрошу... Я знаю, знаю, ты простишь меня, ты непременно простишь меня... А потом...»

Так бормоча себе под нос, подошел он к своему двору.

Удивительно, почему не выбежала навстречу собака? Он глянул на дом. Дверь закрыта — видно, жена пошла к соседям. Чего этот проклятый пес так уныло съежился на пороге? Он сердито пнул Пацурию, но пес даже не взвизгнул. Умными, тоскливыми глазами глянул он на хозяина, отошел в сторонку и снова улегся.

Недоброе предчувствие кольнуло Саулию в сердце. Он нерешительно отворил дверь и застыл, окаменел на пороге. У ног его, едва различимая в густой полутьме, лежала, распростершись на земляном полу, недвижная женская фигура. Маленькая, светлая ступня, четко отграниченная от загорелой лодыжки, беспомощно белела в сумраке. У Саулии потемнело в глазах. Он вскрикнул диким, нечеловеческим голосом, и грохнулся наземь.

Протянув к ней дрожащие руки, касался он безжизненной плоти, ощупывал застывшие черты...

СТИХИ *Табидзе*

Галактион Табидзе

Ты дорог нам — и юный и седой!

Перевод с грузинского А. Патара я

О город мой!
Я вновь гляжу на эти
Ряды домов
И золото аллей:
Ты — цитадель
Пятнадцати столетий,
Ты — колыбель
Грядущих светлых дней.

Гордишься ты
Пятнадцатью веками:
Разбился враг
О каменную грудь.
Незыблем твой
Краеугольный камень
И от него
Идет великий путь...

В твои сады
Не вторглось вырождение,
Как в древний храм,
Разрушенный ордой,
И дни борьбы
Не преданы забвению.
Ты дорог нам —
И юный и седой.

Хочу, чтоб ты
И впредь, мой город-феникс,
Не знал беды
И пламени войны.
Иные дни,
Ряды иных строений
Нам с высоты
Веков твоих видны:

Узор и вязь
На камне. В их сплетеньи
Я вижу предков
Подвиг трудовой;
Я вижу связь
Ушедших поколений
С творением
Эпохи молодой.

Под ясными своими небесами
Гремит Кура
Кипящей быстриной.
Ночь со двора
Ушла навек.
Над нами
Зарницы блещут,
Город мой родной.

Иосиф Нонешвили

Столица Грузии моей

Перевод с грузинского В. Соколова

Священная земля Тбилиси,
Грузинская моя земля,
Люблю твои крутые выси,
Закаты, зори, тополя,

Твои сверкающие дали,
Фабричных труб твоих ряды,
Мосты, летящие над Мтквари,
Как радуги;
Твои сады,

Где плещут майских листьев речи,
Мне дорогие искони,
Твоих старинных улиц плечи,
Что распрямились в наши дни.

Очаг весны, отчизна мая,
Нет у тебя скончанья дней,
Земля родная, мать родная,
Столица Грузии моей!

Николай Заболоцкий

С каждым годом город краше!

Загремев на всю округу,
Некий витязь, полный сил,
Драгоценную кольчугу
С неба наземь уронил.

Звезды в небе засветились,
Наклонились близко к ней,
И в кольчуге отразились
Миллионами огней.

Полтора тысячелетья
Пролетело с той поры,
Как упало то наследье
У Давидовой горы.

Поднимись глубокой ночью
На верхи окрестных скал,
И увидишь ты воочью
То, что бросил Горгасал.

С каждым годом город краше —
Час за часом, день за днем.
В нем мы будущее наше
Без усилия узнаем.

Здравствуй, славный город юга!
Здравствуй, вечно молодой!
Здравствуй, древняя кольчуга
С пятикрылою зрездой!

ვესტრენა
ს. ტბილისი

Авторизованный перевод с греческого И. Дадiani

Недавно нашу республику посетил известный греческий прогрессивный писатель и борец за мир Алексис Парнис. Во время пребывания в столице Грузии он написал поэму, посвященную Тбилиси.

Мы публикуем фрагменты из этой поэмы.

Древнее саламури
Это — Тбилиси.
Пятнадцать столетий
Звенят его напевы.
Древняя домовая книга
Это — Тбилиси.
Пятнадцать веков
В нем прописаны,
Как постоянные жители.
Огромное квеври
Это — Тбилиси.
Пятнадцать веков
Кипят в нем соки.
Я слушаю,
Я жадно слушаю
Голос города.
О, я хорошо понимаю
Этот голос
Многовековый.
Как же мне не понять его?
Я ведь приехал из Греции,
Из Афин.
Когда я родился,
Века склонились
Над моей колыбелью,
Как добрые великаны из сказок.
Они взяли меня за руку,
Помогли сделать первый шаг,
Научили меня ходить

По странам
И среди людей.
Да, я понимаю,
Понимаю язык Тбилиси,
Потому что я понимаю
Язык Афин.
Эти города беседовали еще тогда,
Когда я был для них
Далеким, неопределенным
будущим.
Ведь Тбилиси знает Афины
Лучше, чем я.
Так же,
Как лучше, чем я,
Знают мою мать
Подруги ее детства.
...Ночью поднялся я
На Мтацминду.
Надо мной
Безмолвствует звездное небо.
Чуть шелестит оно,
Словно цветущая ветка яблони,
Которую каждый вечер
Трясет рука города,
И падают белые лепестки
На его плечи.
Вон, внизу раскинулся город —
Сборщик звездного урожая.
Пусть всегда

Он будет таким же радостным,
Как в эту ночь,
Когда на него гляжу я.
Пусть никогда
Не настанет для него черный день,
Которого так ждут злые люди.
Я так люблю этот город,
Как солдат любит руку,
Перевязавшую его раны.
Я люблю этот город,
Как путник,
Идущий ночью,
Любит свет в окне,
Осветивший ему дорогу,
Как любит он родник,
Утоливший его жажду,
И крышу,
Которая спасает его
От дождя одиночества.
Я люблю этот город,
Как любят соседа,
Который стучится к тебе
И спрашивает:
— Не нужно ли чего-нибудь?
Люблю,
Как изгнанник,
Лишенный крова,
Любит все,
Что напоминает ему
Далекую родину. X
Пусть мир
Поселится навеки
В этом городе.
Люди никогда не станут
Его обижать.
У них всегда найдется
Свежевыпеченный хлеб,
Чтобы его накормить,
Доброе вино,
Чтобы его угостить,
Много песен,
Чтобы он никогда не скучал,
Сильные руки,
Чтобы его защитить.
Я хочу вновь
Посетить этот город.
Хочу посетить его,
Имея в кармане
Билет с надписью:
«Афины — Тбилиси».

Я приеду сюда
И привезу с собой
Фляжку с афинским вином,
А сердце мое
Будет полно афинскими песнями.
Я хочу приехать сюда,
Как строитель,
Чтобы вместе с сынами Тбилиси
Восстановить тот великий мост
дружбы,
Который соединял наших предков.
В руках моих будет не мастерок,
А солнце Афин,
Я буду смешивать
Волны Эгейского моря,
С янтарной землей Афин.
Так замешу я глину,
Чтобы построить этот мост.
Я привезу с собой
Все краски неба Греции,
Чтобы его окрасить.
Я приеду работать
Вместе с сынами Тбилиси,
Я стану
Плечом к плечу рядом с ними.
В руках у них будут
Их вековые инструменты:
Их солнце,
Их море,
Их земля,
Их небо.
Да,
Я приеду, приеду,
Я еще много раз приеду в Тбилиси! Y
Я буду приезжать сам —
Пока я жив,
Дружба народов
Будет меня приводить сюда —
И когда я умру.
Потому что
Я тоже трудился
Ради этой дружбы
Вместе с поэтами моего поколения.
Я приехал в Тбилиси.
Я всего лишь случайный путник.
Но моя мечта
Постоянна.
До свиданья, Тбилиси.

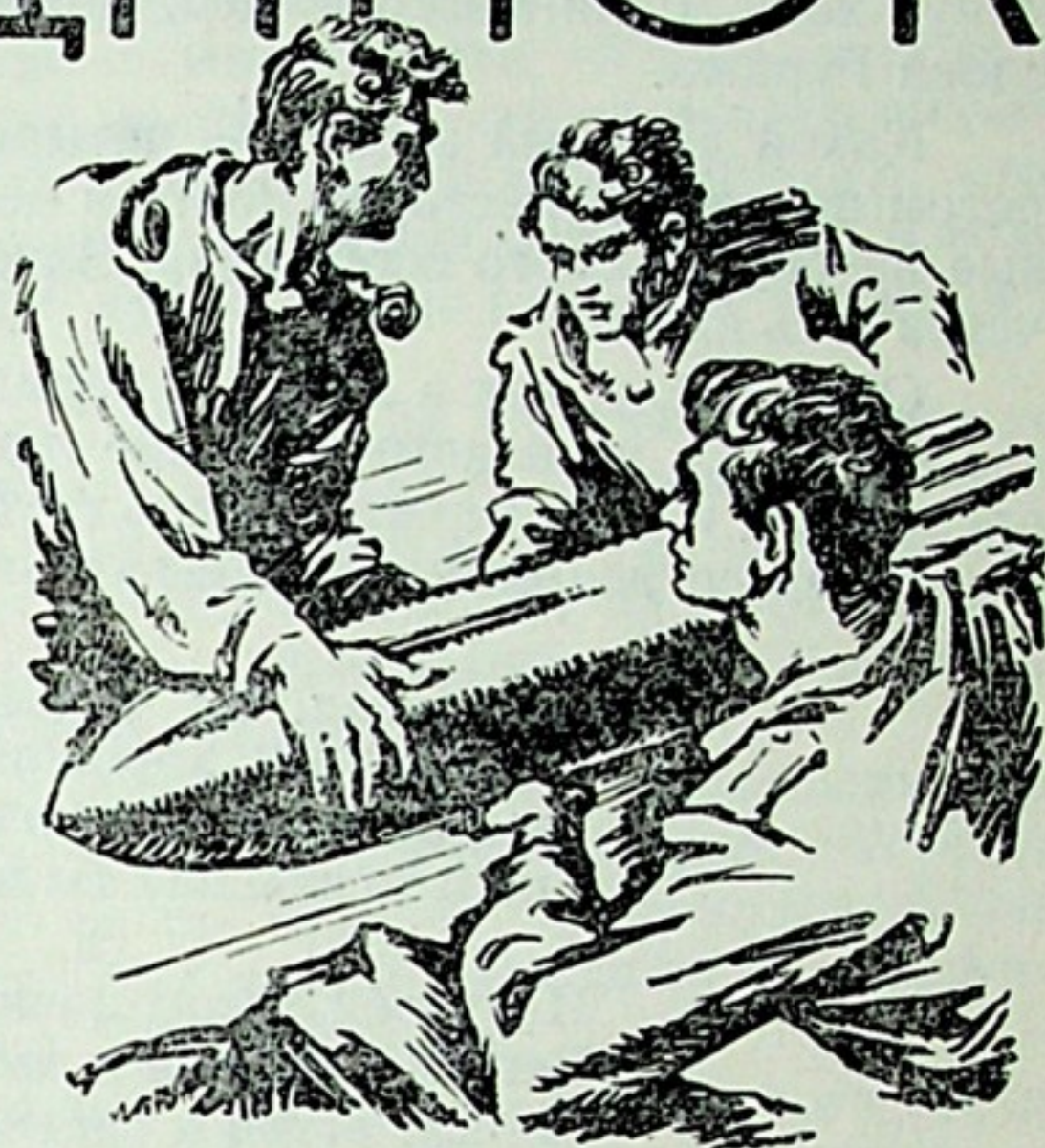
Сентябрь 1958 г.

Алиш Таиш

ПОЕДИНОК

ПОВЕСТЬ

(Окончание)

Валя решила попросить внеочередной выходной день, а отработать в воскресенье. Не потому, что сегодня уезжает Гурам, а просто накопилось много домашних дел. Если бы она хотела его проводить, то незачем и выходной брать. Поезд отходит в шесть, а она кончает в пять. В крайнем случае, можно было отпроситься на час раньше.

Получив разрешение, Валя вернулась домой, помыла полы, кое-что постирала, прибрала в комнате. Чем заняться еще, — она не знала. Странно: казалось, так много дел, а вот забыла. Память какая-то стала...

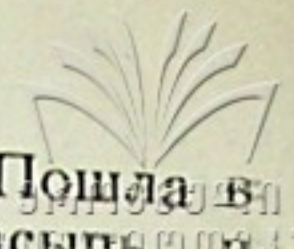
Ну что ж, сегодня в столовую она не пойдет, а сварит себе обед на два дня. Если заглянет подруга, хватит и ее накормить. Пожалуй, на первое придется сварить суп с фасолью. Гурам прав: это очень вкусно.

В магазин она шла медленно, оглядываясь, но как только завернула за угол, начала торопиться. На счастье, в это время покупателей мало, и она не задержалась. По дороге домой вспомнила, что давно уже у нее лежит подворотничок Гурама. Машинально ускорила шаг. Ей теперь безразлично, будет ли у Гурама еще один чистый подворотничок, и, конечно, он не придет за этой тряпочкой, но постирать ее все-таки надо. Если явится, пусть не считает ее мелочной.

Подворотничок оказался чистым и лежал в ящике комода. Но раз уж она его достала, решила немного освежить и подкрахмалить...

Когда обед сварился, было уже четыре часа. Обычно Валя обедала в два. Но сегодня есть почему-то не хотелось. Валя присела отдохнуть у окошка. То ли она сильно устала, то ли просто задумалась, но когда взглянула на ходики, был уже шестой час. Ей пришла мысль пойти прогуляться. В самом деле — почему она должна сидеть дома в свой выходной день?

Надев платье, подходящее такому дню, она вышла, еще не зная, куда направиться. В центре можно встретить знакомых, начнут расспраши-

вать, почему сегодня не работала, а объясняться не хотелось. Пошла в сторону железнодорожного полотна. Взобралась на высокую насыпь, и здесь ее внимание привлек вокзал и перрон, заполненный людьми.

Присев на пенек, Валя, помимо воли, начала всматриваться в толпу. Но в это время подошел поезд и все загородил. На каждом вагоне табличка: «Москва—Батуми».

«За два часа до Батуми станция Ланчхути. От станции до дома десять минут ходу. Если много вещей, можно взять такси...», — вспомнила она слова Гурама.

Какой длинный состав — четырнадцать вагонов! Первый багажный, потом почтовый. Ресторан почти в центре, а в обе стороны от него спальные вагоны прямого сообщения. Зачем, интересно, такие большие буквы, через весь вагон?

Она видела, как в купе и в коридорах вагонов суетятся пассажиры, и все это были незнакомые, чужие люди. Каждого, наверное, кто-нибудь провожает, и всем уезжать очень грустно.

Ей вдруг вспомнились где-то прочитанные стихи:

«О вокзал, ты часами размеченный,
Бестолковый, хороший и злой.
Ты с людскою тревогой обвенчанный,
Сколько слышал ты искренних слов.

И в твоей лихорадочной сутолоке
Беготни, багажа и звонков
Сердце остро и горько стучало
И прижалось у горла комком...»

Нет, не всем грустно. Есть такие, которых ждут. Эти с радостью едут. Гурама тоже ждут...

Интересно, в каком он вагоне?.. Когда приедет домой, вторую кровать, приготовленную для нее, вынесут из комнаты.

Гулко раздались два звонка. В тамбурах стало тесно, и теперь ничего не увидишь. И почему они все толпятся в проходах?

Мелькнула и скрылась за чьими-то спинами фигура солдата...

«Сердце остро и горько стучало
И прижалось у горла комком...»

Со стоном тронулся поезд. Валя пошла, не отрывая глаз от вагонов, всматриваясь в каждое окно. А они уходили быстро, потом побежали, и вот уже в мелькающих стеклах все слилось. Только отчетливо видна фигурка кондуктора с флажком на последней площадке.

Валя остановилась у маленькой березки, обхватив рукой ствол.

Поезд набирал скорость, извивался на стрелках. Потом вытянулся в прямую линию, несколько минут удалялся, и вдруг паровоз нырнул куда-то вправо, исчез и втянул за собой весь состав.

Стройная, худенькая, с выбившейся прядью волос стояла Валя, держась за березку, и смотрела на длинные нити опустевших рельсов. Что она здесь делает и почему стоит? Из-за того же поворота, куда нырнул поезд, показался паровоз, а за ним красные вагоны. Товарный состав быстро приближался.

Бездумно сорвала она с березки ветчку, за которой от молодого, неокрепшего ствола потянулась полоска коры, и пошла обратно. На краю насыпи обернулась. Товарный поезд подходил к станции.

На стволе березки остался белый след, как свежая рана. Заживет она, или погибнет березка? Но Валя не смотрела на березку и не видела раны. Она спустилась с насыпи.

На улице было оживленно. Взад-вперед шли люди, проносились автомобили, автобусы, трамваи.

Валя смотрела по сторонам и видела незнакомый, чужой город. Ей вдруг стало жаль маму. После смерти отца она осталась совсем одинокой.

Откуда-то доносилась музыка, кто-то громко смеялся у нее за спиной, весело кричала мороженщица, выхваляя свой товар.

Она, Валя, живет в этом большом шумном городе, ей здесь весело, а мама совсем одна. Если в самые ближайшие дни к ней не переедет брат, как он собирался, Валя сама отправится к маме. Нельзя допускать, чтобы человек был одинок. Все можно перенести, кроме одиночества. А если у мамы будет все хорошо, со спокойной душой можно ехать в Комсомольск или на целину.

Незаметно Валя подошла к дому. Вот здесь, на крылечке, они всегда прощались. Часто, сидя здесь, она ждала его. Старые, покосившиеся ступеньки, жиденькие перильца. Он все хотел поправить, да так и не выбрал времени. Ваня Махалов оказался прав. «Ты, — говорил он, — от Гурама не дождешься, чтобы он что-нибудь починил... Вот поломать он — мастер». Гурам горячился, отшучивался, а сделать так и не сделал.

Идти в дом она не могла. Сидеть сейчас в комнате невыносимо. К девчонкам тоже не хотелось. Хорошо бы — Ваня и ребята зашли. Но разве теперь они придут! Без Гурама никто из них никогда не приходил. А как их повидать? Не идти же ей в казарму. Она бы, конечно, пошла, но стыдно...

Она медленно и тяжело поднялась по ступенькам.

Хозяйка еще не вернулась, в комнате было темно. Не зажигая света, Валя села на кровать. На аккуратную, беленькую девичью кровать.

Как же она теперь будет жить?

* * *

Есть среди минеров непревзойденные мастера, обладающие не только знаниями, но и каким-то особым чутьем, интуицией. В их числе и полковник Сныков. На его груди несколько рядов орденских ленточек и два значка военных академий.

Все тайны мины, плоды самой изощренной фантазии вражеских «королей» минного дела он познал не только в академиях, но, главным образом, в жизни. Он уже не молод, в движениях его пальцев, возможно, нет былой микронной точности, но обмануть его на минном поле невозможно.

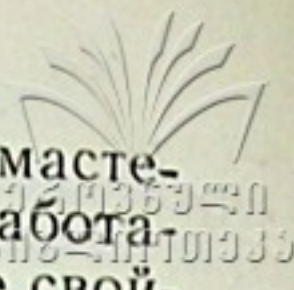
По приказу командующего Воронежским военным округом, полковник Сныков вылетел в Курск. По пути с аэродрома Диасамидзе подробно рассказал о создавшемся положении. Ему не терпелось узнать мнение Сныкова. А минер торопиться не может.

— Есть китайская пословица, — улыбнулся Сныков в ответ на вопрос Диасамидзе, с которым давно был знаком. — «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». — И уже серьезно добавил: — Я должен посмотреть сам.

У ямы собрались три полковника: Диасамидзе, Сныков и начальник политотдела Тарабрин. Наступил решающий момент и решающий осмотр. Так проходит консилиум, когда врачи выносят приговор: останется человек жить или умрет.

Смотрели долго и тщательно. И вот, наконец, заговорил Сныков:

— Яму готовили очень опытные и умные люди. Разбирать пирамиду, бесспорно, содержащую еще и скрытое минирование, даже немедленно по-

сле закладки ее, очень рискованно. Такая операция под силу только мастерам. Но прошло пятнадцать лет, и каждый год, каждый день и час работали против нас. Против нас были дожди, грунтовые воды, физические свойства металлов и многое другое...

— Так какой же вывод? — не вытерпел Диасамидзе.

— Вывод ваша комиссия сделала правильный, — твердо сказал Сныков. — По всем законам, по логике событий, надо тщательно подготовить и осуществить взрыв на месте... Но меня поражает другое, — помолчав, продолжал Сныков, — поражает, как проведена разведка и вскрытие грунта. Я думаю, что даже академическая разработка опытных военных инженеров не предложила бы лучшего решения. Мне кажется, что схема работ может служить образцом для офицерской учебы. И, что еще более важно, — точность и чистота, с какой выполнена схема и произведено вскрытие. Это очень большой и важный этап. И он уже пройден. Вывод о людях, я думаю, ясен, — закончил он.

Наступило долгое молчание. Каждый углубился в свои мысли.

Диасамидзе был горд оценкой, которую получили офицеры. В нем нарастала уверенность в их силе, в том, что они с честью пройдут и следующий, наиболее важный этап.

О многом задумался и полковник Тарабрин. Если бы еще день назад его спросили, кто лучшие люди части, наиболее дисциплинированные и знающие, на которых можно положиться, которые выполняют любое задание, он, не задумываясь, назвал бы капитана Горелика, старшего лейтенанта Поротикова, лейтенанта Короткова, старшину Тюрина и еще многих воинов. Если бы предстояли какие-то всесоюзные испытания, он со спокойной душой послал бы этих же людей. Почему же сейчас он так задумался?

Политотдел организовал изучение боевого и партийно-политического опыта роты Горелика во всех подразделениях части. На занятиях, конференциях и собраниях звучали призывы партийных работников равняться на эту роту.

И вот пришло испытание. Может ли он сейчас с такой же спокойной душой и совестью повторить свои слова о том, что они выполняют любое задание? И полковник вдруг чувствует, что не может.

Так что же — выходит, это была только шумиха?

Полковник начинает придирчиво перебирать в памяти биографии и дела этих людей...

При тайном голосовании на выборах партийного бюро Горелик получил самое большое число голосов. Почему за него все голосовали? Потому, что он любит людей, дорожит ими, учит их, потому, что он скромн, исполнительн, потому, что в наиболее опасную минуту он удалил подчиненных и один разминировал бомбу, потому, что так он поступает всегда.

А вот вспомнился большой портрет младшего сержанта Ивана Махалова и очерк о нем в городской молодежной газете. Это его, полковника, спросила редакция, кто является лучшим воином части. И перебирая в памяти два года службы Махалова, он видел лишь примеры героизма на минных полях, мастерского владения техникой, подлинного патриотизма.

А почему рисковал своей жизнью незаметный на первый взгляд Камил Хакимов? В тот памятный день в одном из районов Белгородской области заложили в канаву несколько десятков снарядов, извлеченных с колхозных полей и подожгли огнепроводный шнур. И вдруг из леса, где, казалось, и легковой машине не протиснуться, выскочил грузовик и направился к канаве. Хакимов бросился к снарядам и вырвал горящий шнур за несколько секунд до взрыва.

Чем придиричливее разбирал полковник биографии людей, тем тверже становилась вера в них. Нет, не пустые слова говорил он раньше, не просто ради агитации поднимал авторитет роты. Так почему же он сейчас в нерешительности? Это ведь те же самые люди. Что же — он испугался проверки, когда до нее дошла очередь?

С той или иной оценкой можно пройти любую проверку. Но здесь цена проверки — жизнь людей. Есть же предел и человеческим возможностям! Выполнима ли вообще поставленная перед ними задача? Люди, которым он глубоко верит, берутся за нее.

— Что будем решать? — нарушил молчание Диасамидзе.

— Давайте принимать решение после разговора с ними, — предложил Тарабрин.

— Прежде чем составить окончательное мнение, мне надо задать им несколько вопросов, — добавил Сныков.

Разговор состоялся в том же кабинете директора гипсового завода, где теперь установили круглосуточное дежурство старшего по оцеплению.

— Понимаете, лейтенант Иващенко, этого очень мало — жертвовать собой, — повторил свои слова Диасамидзе, когда офицеры вошли.

Теперь тон его был не официальный, а товарищеский, даже дружеский:

— Если вы готовы во имя Родины жертвовать собой, это хорошо. Но готовы ли вы жертвовать другими? Может быть, десятками людей! Ведь если придется производить взрыв на месте, не погибнет ни один человек. Вывезут оборудование предприятий и, хотя ущерб будет огромен, при данных условиях он будет минимальным. Если же вы начнете работать, и произойдет взрыв... Сами понимаете, что это значит.

— Так мы же не на смерть идем, товарищ полковник, — сказал Горелик. — Ну, к чему мне сейчас умирать? — он улыбнулся. — Мы с женой ждем ребенка, к празднику получаем квартиру, еду на курсы, о которых давно мечтал. Вот и Поротиков получает комнату в новом доме... Нет, — заключил капитан решительно, — мы выполним задание.

— На чем основана ваша уверенность? — вмешался Сныков. — Как вы собираетесь действовать? Понимаете ли, что пирамида внутри минирована?

— Разрешите доложить? — спросил Горелик.

— Прошу вас.

— Мы понимаем, что яма может быть минирована, — начал он, — но люди у нас опытные. Работать будем не спеша — не под обстрелом же, как на войне. Значит, будет время во всем спокойно разобраться. Просчета мы здесь не допустим. Главная опасность, по-моему, — разрушения, причиненные снарядам. Но сейчас они не взрываются. Значит, и не взорвутся, если делать все аккуратно.

— Очень важная мысль! — заметил Сныков. — Это самое главное, капитан. Если, извлекая снаряды, вам удастся сохранить их в том же положении покоя, в каком они находятся, задача будет выполнена. — И, помолчав, спросил: — Ну, а если в глубине полуразрушенного взрывателя обнаружится сыпь гремучей ртути?

— Мы думали об этом, товарищ полковник, — ответил капитан. — Решили так: снаружи на взрыватель наложим пластинку из глянцевого картона и забинтуем так, чтобы она не могла двигаться. Тогда внутрь не попадет ни одна пылинка. Такой снаряд придется перевозить, держа на руках...

— А вообще как думаете перевозить?

— В прицепе с песком. Мы отказались от первой мысли буксировать прицеп танком. Правда, в танке, на случай взрыва в пути, не пострадают

люди. Но более вероятен взрыв от сильного сотрясения. Думаем, что бронетранспортер на резиновом ходу надежнее.

Полтора часа продолжалась беседа. Были обсуждены мельчайшие детали, предусмотрены десятки возможных неожиданностей. Полковник Сныков привел много примеров из своей богатейшей практики, рассказал о наиболее выдающихся образцах работы минеров в подобных случаях.

Пока это была лишь беседа; еще никто не сказал, что офицерам позволят взяться за это дело, но такая мысль уже не казалась абсурдной, как раньше.

Через час в кабинете председателя облисполкома Черепухина было принято решение: снаряды вывозить.

С этого момента все резко изменилось. Раздумья и сомнения окончились. Все пришло в движение. Как в бою, напряженно работал специально созданный штаб. Оказалось, — надо решить уйму проблем, ответить на десятки вопросов, предусмотреть все возможные случайности, чтобы в ходе работ уже не было никаких задержек.

Руководство всей организационной работой взял на себя полковник Диасамидзе. Техническое руководство операцией легло на полковника Сныкова и его помощника подполковника Склифуса. Были разработаны конструкции многих приспособлений, инструмента, выбраны дорога для транспортировки снарядов и место их подрыва, вычерчены схемы различных промежуточных операций, определены средства и методы связи.

Готовились железнодорожники, работники предприятий и учреждений, находившихся в опасной зоне.

В это время в Воронеже собирался актив военного округа для обсуждения решений пленума ЦК КПСС об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте. Командующий округом разрешил полковнику Диасамидзе, ввиду чрезвычайных обстоятельств, не присутствовать на активе, а начальнику политотдела Тарабрину приказал немедленно выехать в Воронеж, оставив заместителя.

Политическую работу возглавили партийные и советские организации города, так как ее предстояло вести главным образом среди населения.

В середине дня капитан приказал собрать роту в Ленинской комнате. Он стоял на плацу и смотрел, как потянулись туда солдаты.

Что скажут они сейчас? Как поведут себя?

На глаза вдруг попался рядовой Урушадзе. Капитан подозревал солдата.

— Вы разве не успели уехать? — спросил он, и, не дожидаясь ответа, мягко добавил: — Вы уже отслужили, Урушадзе, можете заканчивать свои дела и ехать.

Слова командира переполнили чашу терпения Гурама Урушадзе.

— За что, товарищ капитан? — спросил он, побагровев.

«За что?» — этот вопрос мучил Гурама весь вчерашний день. Он перестал понимать, что происходит. Началось с Вали. Чем больше он думал о ссоре с ней, тем более нелепым казался ему их разрыв. Что с ней случилось? Ее упрямство просто непонятно. А он вскипел, и, как мальчишка, ушел. Что же это, игрушки? Надо пойти к ней и серьезно поговорить.

Пойти к ней? Нет, этого он не сделает ни за что. Почему должен идти он? Ссору затеяла она. Отказалась ехать она. Что же он — должен бежать за ней? Нет, пусть будет все, что угодно, но первого шага он не делает. Если она поняла, что натворила глупостей, пусть найдет и способ исправить их. А если не поняла, значит, нет в ней души, и жалеть о ней нечего.

Первую половину вчерашнего дня Гурам только об этом и думал. Но последующие события вытеснили даже мысли о Вале.

Группу солдат вызвали на разведку опасного и сложного объекта. А его не позвали. Это впервые за годы службы. Он всегда считался опытным разведчиком минных полей, и первым неизменно посылали его. Если направлялось два или три солдата, Гурама назначали старшим. Он ни разу не подвел командира.

Что же случилось теперь? Почему от него отказались? Почему вдруг перед самым отъездом он стал никому не нужен?

Солдатский день заполнен до отказа. Кто из солдат не мечтал в трудную минуту получить хоть один свободный часок? А если целый день? И отоспался бы вволю, и на речку б сходил, и в кино... Но это только мечты, которые никогда не сбываются. В зной и в чудесные летние вечера он в сапогах, часто с полным снаряжением, несет свою солдатскую службу.

И вот, у Гурама совершенно свободный день. Но он не знает, куда себя девать. О нем все забыли. Он никому не нужен. Оговорили его, что ли? Он вдруг начинает понимать, что и отношение товарищей к нему резко изменилось. Все смотрят косо, почти не разговаривают...

Ну, хорошо, этой девчонке любая блажь в голову может прийти, а как же здесь? Он три года служил. Его называли лучшим пулеметчиком и отличным минером. А теперь ему выразили недоверие.

Гурам несколько раз пытался обратиться к лейтенанту или старшине, но никого целый день нет. На несколько минут появился командир взвода, но страшно торопился и разговаривать не стал. «Некогда, некогда, Урушадзе», — бросил он на ходу и убежал.

Что же — так и уезжать домой? Поставить в штабе печать, тихонько собрать пожитки, и так уйти из казармы, с этого плаца, где пережито столько горестных и радостных минут?..

На вечерней поверке, когда назвали его фамилию, он ответил особенно четко. Потом дежурный по штабу послал его со срочным пакетом к генералу на квартиру. Там долго сидел, пока генерал рылся в своих бумагах и что-то писал. В казарму попал после отбоя, ребята уже спали.

Даже это маленькое задание немного подняло настроение. С важными документами к генералу первого попавшегося не посылают.

Ночью его снова одолевали мысли о Вале. А утром, когда, наскоро позавтракав, все быстро разошлись, его снова охватило противное чувство ненужности. Есть ли более горькое чувство, чем сознание, что ты не нужен! Вот и сейчас собирают всю роту, а его не назвали. О снарядах он был уже наслышан и понимал, что сбор роты в такое необычное время связан с особым заданием.

Таково было состояние Гурама, когда его остановил командир.

— За что, товарищ капитан? — повторил Гурам. — За что не доверяете?

— Отставить, Урушадзе, — спокойно и даже ласково сказал капитан. — Вы один из лучших солдат, но вы отслужили свой срок, а люди пойдут на задание, связанное с большим риском.

— Пока я не сдам в военкомат своих документов, до тех пор я солдат, — твердо сказал Гурам. — Так вы меня учили.

Капитан улыбнулся. Конечно, в тоне Урушадзе было что-то такое, чего не должно быть в разговоре с командиром, какой-то вызов. Но было в словах солдата и столько обиды, такое неподдельное горе, что офицер не мог сделать ему замечания.

— Хорошо, рядовой Урушадзе, идите.

Словно мать приласкала обиженное дитя. Пулеметчик, силач, солдат Гурам Урушадзе проглотил тугой комок, улыбнулся, и, козырнув —

«Слушаюсь, товарищ капитан», — совсем счастливый пошел к казарме. Через несколько шагов он обернулся, взглянул украдкой на капитана и побежал, точно боясь опоздать.

Такое привычное, незаметное и простое слово «рядовой» будто согрело душу. Да, он рядовой, он в рядах, вместе со всеми, со всей великой армией.

Капитан подробно объяснил солдатам создавшуюся обстановку. Он не сгушал красок, но и не скрывал опасности.

— Нам надо шесть человек, — закончил он. — Пойдут только те, кто добровольно изъявит желание.

Первым поднялся младший сержант Иван Махалов. Вид у него был, как всегда, добродушный, на щеках ямочки. «Раз надо, — сделаем, о чем разговор», казалось, выражал его взгляд.

Вторым встал Дмитрий Маргишвили. А кто был следующим, уже нельзя было разобрать, потому что поднялась вся рота.

В помещении стало тихо. То, что произошло, не было неожиданностью для командира роты. И все же он с волнением ждал этой минуты. Она настала. Лучшего результата не могло быть, а сердце продолжало колотиться, и он ничего не мог произнести.

Со стороны каждый бы решил, что он думает, кого отобрать. Но этот вопрос у него был уже давно решен. Он лишь ждал, чтобы мысленно намеченные им люди пошли добровольно. И они поднялись первыми. Капитан обвел взглядом присутствующих.

— На выполнение специального задания, — сказал он, отчеканивая каждое слово, — назначаются следующие товарищи:

старшина **Тюрин Михаил Павлович**,
сержант **Голубенко Василий Иванович**,
младший сержант **Махалов Иван Аркадьевич**,
рядовой **Хакимов Камил**,
рядовой **Маргишвили Дмитрий Иванович**,
рядовой **Урушадзе Гурам Серапионович**.

Названным товарищам остаться, остальным разойтись!

Через несколько минут прибыла еще одна группа воинов-добровольцев, выделенных в распоряжение капитана из других рот. Это были:

специалист по взрывам электрическим способом —

лейтенант **Селиванов Анатолий Антонович**,

лучший водитель бронетранспортера —

рядовой **Солодовников Николай Макарович**

и радисты-отличники —

рядовой **Чекрыгин Александр Николаевич**,

рядовой **Бочаров Иван Васильевич**.

Капитан начал инструктаж. Последний инструктаж перед завтрашним днем.

... Уже темнело, когда он возвращался домой. До чего же глупо все получилось! Дома его ждут гости. Наверное, уже все собрались. Они принесли подарки ко дню его рождения. Они будут поздравлять его. Они хотят веселиться.

Ну что ж, придется веселиться. Иначе он поступить не мог. Рассказать все Полине в ее состоянии — бесчеловечно.

В комнату он вошел веселый, улыбающийся, встретили его шумными приветствиями. Никто не догадался остановить патефон, и все старались перекрычать ансамбль песни и пляски имени Александрова.

* * *

Старшина Тюрин поднял группу в пять тридцать. Вся казарма спала. Только этим и отличался сегодняшний подъем от остальных. Так же, как.

всегда, тщательно заправляли койки. Так же быстро умывались и ели ту же нехитрую солдатскую пищу. И все же что-то особенное было в на-
чавшемся дне. Построились во дворе, на краю огромного учебного плаца.

Хмуро, туманно, зябко. Маленькая группа советских воинов. Люди шести национальностей из шести советских республик, воспитанные партией и комсомолом, спаянные солдатской дружбой и дисциплиной, единые в стремлении выполнить свой долг перед Родиной.

Все ли они вернутся на этот плац?

Командир роты сказал последние напутственные слова. Он еще раз напомнил об осторожности. Он говорил о воинском долге, о присяге, о боевых традициях части.

Капитан не отличался красноречием; и все, что он сказал, Иван Махалов слышал не один раз. Но сегодня эти знакомые слова звучали иначе, в них открывался новый, особый смысл.

Если разобраться, то Иван был не очень доволен службой. Уже с первых ее дней секретарь партийного бюро Баскалов рассказал солдатам о древнем русском городе Курске. Может быть, здесь, где стоит их казарма, русские бились против татар, монголов и половцев, где-то здесь шла кровавая междоусобная резня князей, с этим городом связана история русского государства.

Неисчислимое количество битв происходило на курской земле. Но больше всего от бесед Баскалова осталось в памяти «Орловско-Курское направление». 15 октября 1919 года Ленин и партия указали на его перво-степенное значение и послали сюда лучших своих людей. Войска молодой Красной Армии наголову разбили Деникина, рвавшегося к Москве. Вот это были схватки! Но и их превзошли сражения на Орловско-Курском на-правлении во время Великой Отечественной войны. Здесь рождались ге-рои, здесь умирали герои, покрывая себя бессмертной славой. А кто в де-вятнадцать лет не мечтал стать героем!

И грустно было Ивану Махалову, что ему досталась только учеба, строевая подготовка, караульная служба, а, если нет провинившихся, то и очередные наряды на кухню. Сиди и чисть картошку.

Иван Махалов словно видел весь боевой путь своей части, полный героики, подвиги ее шести Героев Советского Союза. Он живо представлял себе картину, как, окруженные со всех сторон гитлеровцами, насмерть сражались его однополчане, как в самый трудный момент комиссар Ермаков, оставаясь во главе группы бойцов, передал старшине Суровову зна-мя и приказал вынести святыню части из огненного кольца.

Здесь, на плацу, где стоял теперь Иван Махалов, он принимал прися-гу под этим боевым, простреленным знаменем.

Да, было время... Сражения, штурмы, пороховой дым... А ему и вспомнить нечего будет. И все-таки он думал: «Ну, что ж, и я бы смог...»

За два года службы Иван Махалов стал мастером своего дела, отлич-ником боевой и политической подготовки. Это был уже зрелый солдат, опытный воин. А вот сейчас, слушая командира, он снова вспомнил о боях, которых ему не довелось видеть...

Капитан подал команду «вольно», но приказал не расходиться.

Всем, кто был сегодня на плацу, приходилось участвовать в парадах, смотрах, от них всегда требовали подтянутости, чистоты, аккуратности, и они старались выполнять эти требования. Да, попробуй,—не выполни: старшина, командир взвода, командир роты или старшие командиры — уж кто-нибудь да обязательно заметит несвежий подворотничок или дру-гой непорядок. Будет стыдно.

В эту минуту на плацу едва ли кто сделал бы им замечание. Но все машинально подтягивались, поправляли друг на друге одежду, ремни. Во

всей обстановке плаца, такой знакомой и привычной, было сегодня что-то новое, неизведанное.

Приглушенно, точно перед выходом в бой, гудел мотор бронетранспортера. Машина стояла неподалеку, и сквозь туманную дымку виднелся лишь ее уродливый угловатый силуэт. На фоне тяжелого серого неба одиноко поднимались два высоких столба с толстой перекладиной, и недвижно спускались вниз кольца на длинных веревках. Немного дальше — черные глыбы одетых в брезент танков...

— К машине!

Быстро и бесшумно заняли места в бронетранспортере. Рядом с водителем Солодовниковым сел командир роты.

Тишина.

— Все на местах? — оборачивается капитан.

— Так точно! — отвечает старшина Тюрин.

— Поехали!

Будто прожектора, ударили светом фары. Сильнее загудел мотор, машина тронулась, медленно обогнула здание и осветила у шлагбаума одинокую фигурку с автоматом.

Часовой прикрылся рукой от света, и Солодовников тут же погасил фары...

Туман рассеивался. Начиналось хорошее осеннее утро. Бронетранспортер выехал на улицу Дзержинского. Она пересекает две огромные сопки, на которых стоит город. Первые трамваи уже спускались с этой крутизны, миновав седловину, карабкались вверх к центральной площади города — площади Ленина.

Тормозя двигателем, Солодовников спустился вниз, а потом долго выбирался на гору. Преодолев подъем, быстро миновали короткую прямую улицу Ленина, и перед солдатами открылся, как на ладони, Кировский район.

Со всех улиц и переулков шли люди, и, точно горные ручейки, стекались на широкую центральную магистраль, к которой приближался бронетранспортер.

Десять тысяч человек покидали опасный район.

Из дома в дом, из квартиры в квартиру шли агитаторы, терпеливо объясняя людям необходимость оставить жилища, поторапливали, помогали престарелым. Жители и раньше знали о том, что им придется временно эвакуироваться. Трижды в день по радио передавали наименования улиц, переулков, площадей, попавших в опасную зону. И все-таки в полной мере эвакуация ощутилась только теперь.

С горестным чувством уходило население.

Вот красивый особняк. В большой комнате на столе посуда, остатки завтрака. Девушка перед зеркалом, торопясь, пудрится, красит губы.

— Верочка, — говорит женщина лет сорока пяти, — выпей хоть стакан чаю... Что сегодня за наказание!..

— Некогда, мам, трамваи не ходят, я на работу опоздаю.

И, схватив чемоданчик, девушка убегает.

Женщина идет в соседнюю комнату. Возле письменного стола с выдвинутыми ящиками — высокий, энергичный человек в пенсне. Это может быть врач, инженер, преподаватель... Он укладывает в чемодан бумаги.

— Боже мой, второй чемодан! — всплескивает женщина руками. — Ты же сам сказал: «Все будет цело, ни одной тряпочки не брать».

— Да, да, да, — ни-че-го. Ничего, кроме рукописи.

— А черновики зачем? — кивнула она на нижний ящик. — Ты их уже десять раз переписал.

— Надо! — в сердцах говорит он. — Это плоды всей моей жизни. Пойми ты, наконец.

Раздался звонок, женщина выходит.

Человек в пенсне бросает в чемодан бумаги из ящиков, со стола, и вдруг взгляд его останавливается на фотографии жены. Воровато оборачиваясь, он кладет карточку в чемодан, быстро накрывает пачкой бумаг.

Входит жена.

— Это агитаторы, просят поторопиться...

В соседней квартире идет спор. Молоденький агитатор — паренек с комсомольским значком — убеждает пожилую женщину, которая не собирается уходить.

— Вы говорите, вещей не брать? — спрашивает она.

— Конечно нет, все будет в полном порядке, — с готовностью отвечает юноша, не подозревая в вопросе подвоха.

— Так зачем уходить?

Паренек не сразу находит ответ, а она уже снова наступает:

— Нет, уж раз взялись вывезти снаряды, значит, вывезут.

Не добившись результата, паренек уходит. Через несколько минут появляется бригадир агитаторов, такая же пожилая женщина, как и хозяйка.

— Вы тоже агитатор? — удивляется та. Ей становится неловко. — Ну, уж пошел, нажаловался... видите, вот, собралась, сейчас уйду...

А паренек уже на пороге следующего дома. Дверь в комнату приоткрыта. Пожилой человек, взобравшись на стул, снимает портрет молоденького офицера в форме летчика первых лет войны, с орденом «Красного Знамени».

— В простыню обернем, и будет хорошо, — отвечает он на какой-то вопрос жены, стоящей внизу.

Та грустно всматривается в портрет, так похожий на мужа.

Паренек кашлянул, постучал.

— Вам не нужна помощь?

— Нет, нет, сейчас уходим...

На углу, в крохотной мастерской копошится старый часовщик. Он бережно собирает колесики, пружинки, инструмент, упаковывает в бумагу, укладывает пакетики в маленький чемодан.

Рядом суетится совсем седая старушка.

— Так все разбросать по мастерской — надо уметь, — говорит она злобиво.

— Очень просто, я думал, что мне уже не придется больше эвакуироваться.

Военный комендант города подполковник Бугаев, проверив трассу предстоящей транспортировки снарядов, объезжает улицы. Его знают все агитаторы. Он направляется туда, где особенно трудно, где человек заупрямится, — и никакие доводы на него не действуют. Среди участников любого массового мероприятия обязательно находятся такие люди.

Бугаев останавливается возле только что отстроенного домика. Веранда еще не закончена. Во дворе строительный мусор.

— Не уйду, не уйду, — кричит седая женщина, — помру здесь, а дом не брошу..

Агитатор пытается успокоить ее, хочет что-то сказать, но она не дает и слова вымолвить.

— В сорок втором уходила, дотла все сжег, изверг... Каждую копейку берегли, не доедали, строили...

— Успокойтесь, мамаша, — вмешивается Бугаев. Подполковник не говорит ей того, что она уже знает. Он находит другие доводы: — Почти

десять тысяч человек уже ушли. Возле снарядов будут стоять солдаты и ждать, пока не уйдете вы. Такой приказ. И все люди будут ждать. Пока хоть один человек останется в опасной зоне, работы не начнутся. Понимаете?

Он долго и терпеливо объясняет разницу между эвакуацией сорок второго года и этой. Женщина плачет, но начинает собираться...

Чем ближе подъезжали солдаты к Кировскому району, тем больше попадалось встречного транспорта и пешеходов. Километра за два до предстоящего места работы машина уже с трудом пробиралась сквозь густую толпу..

Свертки, сумочки, корзинки, чемоданчики, а у некоторых — даже узлы.

Вот жена железнодорожного слесаря Александра Петровна Павлюченко догоняет жену пенсионера Полярного, нагруженную узлом.

— Ты что же навьючилась, на новую квартиру переезжаешь? — насмешливо спрашивает Александра Петровна.

— А как же без теплого уходить! — оправдывается та. — Ты ведь, небось, все в подвалы снесла, а у меня подвалов нет.

— И не подумала даже! Раз сказали, вывезут — значит, вывезут.

Люди шли спокойно, без паники, глубоко веря, что все окончится благополучно.

— Я уж сегодня за все дни в кино отхожу, — говорит домохозяйка Александра Парменовна Белевцева. — А то с этими домашними делами никогда не вырвешься. Как начну с крайнего, так все по очереди и обойду, — смеется она.

— А я по магазинам, — отвечает ей идущая рядом соседка. — Давно собираюсь, да все не получалось.

Одни шли к родственникам, другие — к знакомым, третьи — на работу. У каждого нашлись дела в городе или место, где можно будет спокойно отдохнуть до вечера.

Вместе со всеми шла и Валя. И мастерская и дом оказались в опасной зоне. Она шла медленно, машинально разглядывая необычное шествие.

Вот девушку с чертежной доской, рейсшиной и рулоном чертежей обгоняет группа оживленно беседующих мальчишек. В руках у одного большой альбом с надписью на обложке: «Почтовые марки СССР». Второй аккуратно несет на плече модель парусного корабля, третий — с рыболовными снастями. В стороне от них одиноко и угрюмо шагает мальчик, держа на весу аквариум. Лицо у ребенка грустное, задумчивое. Тяжело ступает железнодорожник. За спиной у него два охотничьих ружья, в руках узел с радиоприемником. Отчаянно визжит, вырывается из рук женщины завернутый в мешок поросенок. Близорукий юноша в очках читает на ходу книгу. Он то и дело натывается на людей, толкают и его, он каждый раз извиняется, но продолжает читать.

Валю обгоняют какие-то степенные люди.

— Вот уж не повезло, и не придумаешь ничего, — сокрушается человек в кепке. — За двенадцать лет собралась навестить стариков, и, на тебе, в такой день едет.

— А вы бы ей телеграмму — пусть задержится на пару дней.

— Так с поезда ведь сообщила... И где она искать нас будет?...

— Встретить надо, объяснить, так мол и так.

— Где там? Не пускают и близко к вокзалу...

Очень смешно выглядит совсем молодой парень. Левой рукой он неловко прижимает к себе ребенка лет двух, в правой — тяжелый аккордеон.

— Не плачь, сынок, не плачь, — говорит он, — мы к маме на работу

пойдем, она нас покормит. Вот только спрячем аккордеон у дяди Васи, а маме скажем, что все сделали, как она велела. И что не тащились мы с этим аккордеоном...

А навстречу людскому потоку идет одинокая бронированная машина. Возле фар, на кабине, на бортах — трепещут красные флажки. Люди останавливаются, с интересом и уважением смотрят на солдат, машут руками, что-то кричат. Иван думает: «Надо бы в ответ помахать руками», смотрит на своих товарищей, но лица у них серьезные, строгие. Тут он замечает, что и сам сидит, словно по команде «смирно». И такое у него состояние, будто только сейчас почувствовал всю огромную ответственность, какая на него ложится.

Не отчетливая мысль, а какое-то подсознательное чувство заставило его быть перед лицом народа в эту минуту подтянутым, уверенным, строгим.

Иван Махалов смотрел на людской поток, но ни одного человека в отдельности не видел. Перед ним был народ, который послал его, солдата Советской Родины, совершить подвиг. Он давал присягу верно служить народу. Но это слово «народ», такое огромное, всеобъемлющее, святое, можно было понять только разумом. Впервые в жизни он чуть ли не физически ощутил величие этого слова.

Во имя безопасности тысяч людей, проходящих сейчас перед его глазами, он идет к смертоносной пирамиде. Они смотрят на него, верят в него. Во имя их спокойствия Родина повелела солдату пойти на смертельный риск. И он шел с полным сознанием опасности, гордый и спокойный, сын русского народа, на глазах у своего народа.

Громко сигналя, обгоняя прохожих, идут навстречу бронетранспортеру легковые санитарные машины. Это выпускники медицинского института вывозят больных гриппом. Медленно движется бронетранспортер. А вслед за ним — несколько грузовиков с милицией и солдатами. Это оцепление. Пятьсот шестьдесят человек с красными флажками оградят опасную зону во время работы. Откуда-то появляются пожарные и санитарные фургоны. Они идут на заранее отведенные для них места.

Валя уже не смотрела на окружающих. Опустив голову, она шла печальная, одинокая в этой огромной толпе, не зная, куда ей деться: никого знакомых за пределами района у нее не было.

Ее внимание отвлекли шум мотора и усилившееся оживление в толпе. Взгляд безразлично скользнул по фарам, по кабине, по угловатой броне кузова и замер, оцепенев.

«Гурам», — прошептала она только одними губами.

А людской поток, точно наткнувшись на волнолом, уже обтекал машину, уже сомкнулся за ней, захватив Валию, как в водовороте.

— Гурам! — закричала она, расталкивая людей.

Но бронетранспортер шел дальше, все большее расстояние отделяло его от Вали, а она бежала, натыкаясь на встречных, пока не вырос перед ней лейтенант, командир поста оцепления:

— Нельзя!

Это была граница запретной зоны. Тут и осталась она стоять, не спуская глаз с бронетранспортера, пока он не скрылся за поворотом.

До сих пор личное горе заслонило, как бы затуманило для Вали происходящие вокруг события. Сейчас надвигающаяся опасность встала перед ней во всей страшной наготе: Гурам поехал туда, где лежат эти снаряды, откуда уходит все население. Какой мелкой, какой ничтожной показалась вдруг ссора с ним и ее упрямство!..

У Гурама Урушадзе было такое же состояние, такой же глубокий внутренний подъем, как и у Ивана Махалова. Он не заметил Валию, не ус-

лышал ее голоса. В этот день он и не думал о ней. Лишь в какие-то секунды проплывет вдруг лицо, и так же быстро исчезнет. Но вот машина за-вернула за угол, и что-то больно и радостно отдалось в сердце. Он упрямо не хотел взглянуть на домик, который должен был сейчас показаться, хотя знал, что никого там не может быть. Он посмотрел на этот одинокий домик, на палисадник и крылечко. Крылечко с ветхими перильцами и скрипучим порожком. Так и не довелось его поправить.

И он понял, какая это чепуха, — их ссора, понял, что не может он без Вали уехать, как и она не сможет быть без него... А если не доведется сказать ей об этом?

* * *

В этот ранний час непривычнолюдно в кабинете председателя райсовета Ивана Тимофеевича Нагорного.

— Из дома шестнадцать по Железнодорожной ушли все!

— Дом три на Куйбышевской готов!

— Улица Герцена закончена полностью!

Это ответственные за дома, кварталы, улицы докладывают: население покинуло свои жилища. И вот уже весь район оцепления опустел. Только одна машина — подполковника Бугаева и начальника милиции — объезжает затихшие улицы.

В конторе путейцев расположился штаб работ. Сюда пришли руководители района, председатель горсовета, директора остановившихся предприятий. И так непривычно выглядит здесь радист с походной рацией.

— Резец, резец-один, резец-три! — раздается в эфире. — Я резец-два. У аппарата полковник Склифус. Готовы ли приступить к работе? Прием.

И точас же слышатся ответы:

— Докладывает лейтенант Иващенко. Люди на местах, делаем ямы для снарядов.

— Говорит заместитель начальника станции Химичев. Паровозы и вагоны из южного парка угнаны. Поездов на подходе нет.

— Докладывает капитан Горелик! Все на местах. Транспорт в укрытии, прицеп подготовлен к погрузке. Разрешите приступить к работе? Прием.

— Приступайте. В случае обнаружения установки на минирование докладывайте немедленно.

Взвились в воздух три красные ракеты, тревожно завывала сирена — это сигнал для населения. Теперь никто уже не приблизится к запретной зоне.

По закону, с взрывоопасными предметами может работать только один человек. Но сейчас это немыслимо: дело затянулось бы на много дней. Над ямой склонились два офицера и три солдата. Работа началась. Тончайшая ювелирная работа над огромной массой земли, над глыбами стали, чугуна, меди, над тоннами взрывчатки и сотнями оголенных взрывателей.

Глядя на приготовленный инструмент, можно было подумать, что здесь собирается самая младшая группа детского сада. Крошечные совочки, тяпочки, лопатки составляли главные орудия труда воинов.

Сейчас самый страшный враг — земля. Снят только верхний слой. Она под снарядами, она спрессована и зажата между ними, она налипла на взрыватели, и неизвестно, что в ней спрятано. Надо очистить землю, не касаясь металла, надо нащупать, что внутри.

У каждого своя граница, четко обозначенная полость, которую пред-

стоит вскрыть. Едва ли всякий хирург, производя сложную операцию, работает столь трепетно, с таким напряжением воли, нервов, всех своих сил, как пришлось действовать сейчас воинам. Работали молча, сосредоточенно. И вот уже снята, очищена, сдута каждая крошка земли со всего эллипса площадью в шестьдесят квадратных метров. Стало видно, какой снаряд брать первым. Солдаты уже подошли к нему.

— Отставить,—предостерегающе поднял руку капитан. — Каждому ясно, что из всей пирамиды сейчас можно брать только этот снаряд,—сказал он. — На это мог и рассчитывать враг. Действовать только по команде. Ни одного самовольного движения.

Капитан сообщил, какие последуют приказания, и как их выполнять.

У 203-миллиметрового фугаса, лицом к нему становятся Иван Махалов, Дмитрий Маргишвили, Камил Хакимов.

— Приготовиться!... Взяться!... Приподнять! — звучат команды.

Такой тяжелый груз хорошо бы приподнять рывком. Но это категорически запрещено. Его надо не оторвать, а отделить от земли, как отделяют тампон от раны. И приподнять только на один сантиметр. Таков приказ.

Лежа на земле, капитан и старший лейтенант с противоположных сторон смотрят, не тянется ли к снаряду проволока. Они очищают землю снизу.

— Поднять! — раздается новая команда.

Медленно разгибаются спины.

Обычно, если человек несет тяжелый груз, он идет «рывками». Каждый шаг — рывок. Но здесь рывков не должно быть. И три солдата, три спортсмена-разрядника, тесно прижавшись друг к другу, двигаются, как один механизм. Нельзя качнуться, нельзя оступиться, нельзя перехватить руку. Снаряд весит более семи с половиной пудов. Его шероховатое, с острыми выступами, изъеденное ржавчиной тело впивается в ладони. Это хорошо. Он может содрать кожу, но не выскользнет.

К огромному, с открытым бортом прицепу, на одну треть заполненному песком, ведет помост — земляная насыпь. Медленно плывет над ней снаряд.

И вот уже все трое ступили на прицеп. Ноги вязнут в песке. Впереди для ноши приготовлена выемка — «постель». Снаряд опускают туда бережно, нежно, будто действительно кладут в постель ребенка после операции.

Теперь надо идти за вторым. Но на поверхности нет ни одного снаряда, который можно было бы брать, не задев соседних. Если приподнять с одной стороны тяжелый снаряд, из-под него можно вытащить более легкий. Тогда освободятся еще два

Снова тщательный осмотр. Тонкими стальными пластинками офицеры ощупывают зазоры между снарядами. Никакого подвоха или ловушки нет. По команде Махалов берется за верхнюю часть корпуса, не касаясь взрывателя, и приподнимает болванку. Это — тяжесть не меньше трех пудов, хотя второй ее конец имеет опору. В таком положении солдат и остается, пока не извлекают длинный снаряд. Он сильно проржавел, полуразрушен. Его надо брать особенно осторожно. Зато он длиннее первого, и четверым хватает места взяться за корпус. Несут бережно. Два офицера по краям, солдаты внутри.

Ивану можно опускать свою ношу. Хорошо бы бросить проклятую глыбу. Он медленно нагибается и застывает, низко склонившись над землей. Он видит: снаряд ляжет глубже, чем был, и левая рука окажется между двумя стальными телами. Надо бы чуть-чуть отвернуть снаряд в сторону. Но тогда пошевелится еще один.

Иван оборачивается. Люди только поднимаются на прицеп. Держать нет больше сил, очень неудобная поза. Иван медленно опускает свой груз, обдирая кожу на руке. Это не страшно. Тыльной стороной работать не придется.

Он высвобождает руку, прячет ее за спину. Все уже вернулись к яме. А рука становится липкой от крови.

За большим кирпичным домом стоит санитарная машина. Хорошо бы сбегать туда. Но врач немедленно запретит продолжать работу. Сказать командиру роты нельзя. Он сделает то же самое. Стоять и раздумывать совсем нельзя. Сейчас будет очередная команда, все увидят, и его отстранят, еще и с замечанием...

— Разрешите отлучиться, товарищ капитан? — смущенно улыбается Махалов.

— Самое подходящее время для отлучки, — глубокомысленно замечает Маргишвили.

Капитан слышит реплику и строго говорит:

— Отставить, Маргишвили, — и, кивнув в сторону Махалова, добавляет: — Идите.

Иван бежит за переезд. Там водопроводная колонка, оттуда никто его не увидит. Он обмывает руку, засыпает пораненное место землей. Он знает, что так делать нельзя. Но уж лучше потом он повозится с рукой, чем сейчас его отстранят.

...Шестнадцать снарядов откопали, перенесли и уложили, не сделав ни минутного перерыва, работая с предельным напряжением нервов и всех физических сил. Носили все пятеро. После такой тяжелой работы руки немного дрожат. Грузчику, например, всегда трудно обращаться с маленькими, хрупкими вещами.

А вот теперь надо снова очищать землю. Надо, чтобы руки не дрожали. И уже не за рукоятки, а за лезвия саперных ножей берутся люди. Берутся так, чтобы жало выступало между пальцами, как безопасная бритва из станочка. И вдруг высоко над головой вспыхивает огромная красная лампа. В ту же секунду сильный и резкий звонок, как на железнодорожном переезде, оглашает все вокруг. Это сигнал о том, что идет пассажирский поезд. И, в подтверждение, голос в эфире:

— Резец! Резец! Я резец-три! В поле зрения поезд Москва—Тбилиси. Прекратите работу.

— А-а, черт его несет! — в сердцах бросает капитан.

— Это за мной подали, — тихо говорит Маргишвили, обращаясь к Махалову. — Мне в Тбилиси пора.

Шутку слышат все, и все улыбаются.

Молодой инженер коммунист Георгий Химичев и выдавшие виды два старших стрелочника Никита Николаевич Красников и Федор Ананьевич Холодов, находясь в трехстах метрах от склада снарядов, заменили в этот день большой штат станционных работников. Они готовили маршруты на опустевших путях, они зорко следили за движением поездов, их команду слушали паровозники, движенцы, связисты. По их приказам останавливали работу солдаты.

...Спустя несколько минут лампа погасла, умолк звонок. Химичев сообщил по рации, что можно продолжать работу. Капитана вызвал к аппарату Склифус, и тот пошел в укрытие, где находилась рация.

Иван Махалов счищает землю. Вот он сбрил тоненький слой, хотел снова пройти по этому же месту и вдруг резко отдернул руку. На сердце будто растаяла мятная конфета. Это не страх. Страшно, наверное, бывает под пулями. Было жутко. Под слоем земли, которую он собирался снять, будто вздулась тоненькая, как кровеносный сосуд, жилка. Она шла от взрывателя 152-миллиметрового снаряда и исчезала где-то между дру-

ими болванками. Сердце обдало холодком в то мгновение, когда он понял, что это проволочка, — такого же цвета, как и земля.

— Что случилось? — спросил Поротиков, обратив внимание на застывшего солдата.

Махалов ничего не ответил. Он молча показал рукой на жилку.

— Все в укрытие! — скомандовал старший лейтенант.

Солдаты молча поднялись и пошли.

Поротиков внимательно осмотрел изъеденную временем проволоку. Местами сохранилась изоляция, сгнившая, мягкая, как глина. Местами видны тоненькие, оголенные нити.

Старший лейтенант берет узкий обоюдоострый нож, вернее, что-то среднее между ножом и шилом. Начинается — в самом полном смысле слова — граверная работа.

Оказалось, что проволочка прикреплена к колечку чеки, вставленной во взрыватель. Чека диаметром не больше двух миллиметров сделана, видимо, из особого сплава. Железная давно бы превратилась в труху. Но и эта проржавела так, что и не поймешь, на чем она держится. Кажется, предусмотрели все, а вот лупу не взяли. Как бы хорошо сейчас посмотреть на минное устройство через увеличительное стекло! Но разве можно было додуматься, что при выемке десятка кубометров снарядов и земли потребуется лупа?

Будь это новая установка, чеку легко придержать рукой, чтобы не выскочила, и перерезать проволоку. Но сейчас к чеке прикасаться нельзя. Кажется, что она может переломиться от ветра. Тогда, ничем не удерживаемая больше, пружина разожмет, острый стержень ударит в капсулю. Взорвется весь склад.

Запыхавшись, прибежал капитан.

— Да-а, — протянул он, посмотрев на чеку. — А ведь в снарядах такого калибра чеки не бывает. Специально сделали.

Решили искать, куда ведет второй конец шнура. Теперь за шило-нож взялся капитан. Он освободил от земли сантиметров сорок проволоки, когда показался второй конец. Видимо, шнур был закреплен за другой снаряд и просто перегнил в этом месте. Расчет врага стал ясен. За какой из двух снарядов ни возьмись, чека выскочит.

Одну за другой переламинает капитан тонкие нити проволоки у взрывателя. Кусачками этого делать нельзя — пальцы чувствительней.

— Ну, что ж, все? — спрашивает он.

— Похоже, что так, — отвечает старший лейтенант.

— А если он боковой взрыватель поставил и отвел штук десять проводов в стороны?

— Нет, не может быть. За пятнадцать лет грунт настолько осел, настолько натянулись бы проволоочки, что давно выдернули бы чеку.

— Верно, — соглашается капитан. — Но попробуем проследить за мыслью врага. Прежде всего решим: опытный это был минер или нет?

— По всему видно — мастер.

— Согласен. Рассуждать он мог так: Если придут просто наши солдаты, они поднимут снаряд, чека выскочит. Больше ему ничего не надо. Но, конечно, он рассчитывал на то, что за дело возьмутся саперы. Они обнаружат чеку, перережут проволочку, проверят, не тянутся ли проводки в стороны. Верно?

— Безусловно, так.

— Значит, все это он предвидел. Значит, придумал еще что-нибудь. Мог он от донного взрывателя вниз проволочку пустить?

— Думаю, нет.

— Почему?

— Потому, что мастер. Понимал, что уж если мы в такой пирамиде обнаружим верхнюю чеку, то обязательно будем искать и с боков и снизу.

— На всякий случай все же проверим.

А солдаты тем временем сидели в укрытии и мирно беседовали.

— Смотри-ка, забыл капитан доложить, что установку нашли, — говорит Хакимов. — А ведь полковник ему приказал...

— Ничего не забыл, — перебивает Махалов, — он боится.

— Чего боится?

— Что запретят разминировать.

— Да-а, — вступает в разговор Маргшвили, — ох, и подбросило бы нас!

— А что — неплохо, — улыбается Махалов, — мы бы в спутников превратились.

Солдаты дружно смеются.

— А завтра в газетах, — важно говорит Хакимов, — напечатают: «Помкомвзвода младший сержант Иван Махалов совершает свой пятый оборот вокруг земного шара...»

— И догоняет ракету-носитель, — подхватывает Маргшвили.

— А что ты думаешь! — степенно замечает Махалов. — И догнал бы. Сел бы поудобней, и пусть носит. На то она и носитель.

...В кузов уложили шестьдесят семь снарядов. Выехал из укрытия Солодовников. Теперь все зависит от него. Крюки должны быть соединены без толчка. Подняли тягу прицепа, воткнули в землю палку. Надо подъехать так, чтобы крюк коснулся палки. Бронетранспортер пятится назад, его движение с обеих сторон корректируют офицеры. И вот крюк накинут и поставлен на предохранитель. Остается натянуть тягу.

— На один сантиметр вперед! — командует капитан.

Все. Можно ехать. Командир роты садится рядом с водителем. Старший лейтенант Поротиков по радио получает разрешение на выезд. Вздывается вверх красная ракета. Первый рейс начался.

— Трогайтесь так, — говорит капитан водителю Николаю Солодовникову, — будто прицеп до краев наполнен молоком. Хоть капля разольется — взрыв. Забудьте про тормоза. Тормознете — сработают снаряды. Да и чеке немного надо, чтобы обломаться.

Солдаты убрали из-под колес прицепа колодки, застыли там, где стояли. Николай Солодовников включил первую скорость. Одновременно шевельнулись десять тяжелых баллонов. Машина тронулась вместе с прицепом, будто это один агрегат.

В нескольких метрах — железнодорожный переезд. Бронетранспортер переползает помост. Теперь видно, как осели рессоры прицепа.

Сразу за переездом — первое препятствие. На узкой дороге надо круто повернуть вправо. Надо повернуть за один раз, чтобы не сдавать назад. Машина выбирается на левую сторону, медленно, тяжело разворачивается. Впереди хороший отрезок пути. Но он невелик.

Дорога шла через пять улиц и переулков, а потом выходила в поле. Это была дорога, какие еще можно встретить на иных окраинах городов или в сельском районе, — изрытая, в ухабах, с глубоко продавленной колеей, с объездами и рытвинами.

Специально для рейсов бронетранспортера ее спешно исправляли, заравнивали, утрамбовывали. Но разве в короткий срок исправить такую! За день до начала работ капитан и Солодовников совершили пробный рейс, тщательно исследовали ее, точно определили будущий маршрут. И когда кто-то из товарищей спросил водителя: «Как дорога?», он ответил: «Не совсем бильярдный стол, но проехать можно».

Медленно идет бронированная машина. Тихо и пусто вокруг. Не

слышно обычного грохота гипсового завода, затихла шпагатная фабрика, не дымят трубы завода передвижных агрегатов, умолкли паровозы и рожи стрелочников.

Миновав железнодорожный переезд и поворот, машина выехала на опустевшую улицу. Запертые калитки, закрытые ставни окон, ни одного дымка над домом. Ни собаки, ни кошки. Даже птицы не летают, словно почуяв опасность.

Николаю Солодовникову не раз приходилось проезжать по этим улицам. Непривычно и пусто вокруг огромного здания школы. Висит замок на тяжелом засове «Гастронома». Опушены жалюзи на павильоне с вывеской «Ремонт обуви». Чуть дальше — детская консультация. Из этого дома обычно выносят узенькие бутылочки с делениями — молоко для грудных детей. Сейчас все закрыто, заперто.

Медленно, точно огромный жук, ползет, переваливаясь, тупорылая машина со смертоносным грузом. Тяжелые бронированные боковые щитки закрыты. Но если повернется снаряд с крошечной проржавевшей чечкой — от этой машины ничего не останется.

Внимательно смотрят на дорогу водитель и капитан. Впереди выбоина. Чтобы не попасть в нее, надо ехать по самой бровке кювета — ни одного сантиметра в сторону. Для хорошего шофера протиснуться здесь не так уж трудно. Но ведь позади прицеп. Он может сползти. Капитан открывает двери и низко склоняется на подножке. Теперь ему видны баллоны прицепа. Они проходят точно по колее машины. Но дальше дорога сильно скошена. Теперь капитан уже стоит на подножке, вытянувшись на носках. Он смотрит на снаряды. Кузов наклоняется на одну сторону, и, кажется, вот-вот они покатаются.

— Тише! — командует капитан. — Еще тише! Вот так.

И снова опасное место позади, но надо преодолеть еще немало препятствий. Надо ехать так, чтобы прицеп не перекосило, чтобы его колеса не наткнулись на бугор или камень, не попали в яму. И Солодовников вдруг замечает, что обеими руками крепко вцепился в руль, все тело напряжено. Так ездят новички. «Что же это?» — недоволен собой водитель. Он расслабляет мышцы.

Впереди вспученный участок булыжной дороги, которую строили, наверное, задолго до рождения водителя. И, сам того не замечая, он снова сильнее сжимает руль.

* * *

На вершине песчаного карьера стоят четверо: лейтенант Иващенко, старшина Тюрин, сержант Голубенко и рядовой Урушадзе. Они молча смотрят на пустынную дорогу. Они смотрят в одну точку, где исчезает за поворотом ленточка асфальта. Здесь должен показаться бронетранспортер.

К приему снарядов подготовлено все. Вырыты две ямы. Это могилы для снарядов. Далеко в стороне, в специальной нише упрятаны капсюли-детонаторы. Отдельно хранятся шашки. От ямы тянутся длинные провода к электрической машинке, установленной в укрытии. Лейтенант Селиванов еще раз осматривает свое «хозяйство». Рядом радист Иван Бочаров. Уже дважды запрашивал его штаб, не показался ли бронетранспортер. Но на дороге по-прежнему пустынно.

Все одинаково ощущают, как медленно тянется время: и в штабе, и люди на вершине карьера, и двадцать солдат, окруживших карьер, — внутреннее оцепление, которым командует лейтенант Коротков. Наружное

оцепление, вытянувшись на несколько километров в виде подковы, рождает подземный склад и путь следования опасного груза.

Солдаты Короткова оглядывают местность, как наблюдатели на пожарной вышке. Но никакого движения вокруг. Пустынно на прилегающих к карьору колхозных полях. Одинок торчат вверх оглобли то ли забытой, то ли брошенной телеги. Тихо на животноводческой ферме. Она далеко от карьера. Осколки не должны бы туда залететь, но бывает шальной, которому путь не закажешь.

Словно подчиняясь общему безмолвию и покою, молчат, не шевелятся люди на гребне карьера. И вдруг лейтенант Иващенко срывается с места, бежит к рации.

— Резец-два, резец-два, — докладывает лейтенант Иващенко. — На повороте шоссейной дороги в двух километрах от меня показался бронетранспортер с прицепом.

— Вас понял, — отвечает полковник Сныков. — Докладывайте о ходе работ. При любых, даже малейших сомнениях или трудностях, сообщайте немедленно. Без разрешения взрыва не производить.

И вот уже снова Иващенко смотрит на дорогу. По ней ползет одинокая, приземистая машина и тащит свой смертоносный груз. Она доставит его сюда. Напряженно смотрят солдаты и офицер, как медленно сворачивает бронетранспортер с асфальта на проселочную дорогу, ведущую в карьер.

— В укрытие! — командует лейтенант, и люди быстро выполняют приказ.

На первой скорости, с включенным передним мостом бронетранспортер въезжает в карьер. Глубоко в сухой песок зарываются колеса, но движутся они с постоянной, одинаковой скоростью. Натужно ревет мотор. Впереди, пятась, то идет, то бежит Иващенко — он указывает дорогу. Капитан стоит на подножке.

Карьер сильно разработан, весь в ямах и песчаных холмах. Подъехать близко к ямам рискованно — надо максимально приблизиться к ним.

— Стоп! — кричит Иващенко, размахивая рукой. — Все!

Капитан спрыгивает с подножки. Мотор замер. Тихо-тихо. Только поднимается вверх, рассеивается облачко отработанного газа.

Офицеры смотрят друг на друга, улыбаются.

— Ну, как? — спрашивает командир роты.

— Все в порядке, товарищ капитан.

— Давайте отцеплять.

Водитель Солодовников помогает разъединить крюки и выводит свою машину из карьера. Далеко в стороне для нее приготовлено укрытие.

Начинается разгрузка. Как и там, у подземного склада, работают пятеро. Как и там, сильные солдатские руки бережно, нежно берутся за ржавые болванки. Сейчас они особенно опасны: в дороге растряслись, кто знает, что делается внутри взрывателей.

Чтобы быстрее освободить прицеп для следующего рейса, снаряды кладут пока тут же, в один длинный ряд.

Капитана срочно вызывают к рации.

— Докладывает старший лейтенант Поротиков, — слышит он голос в наушниках. — Обнаружена вторая установка на минирование. По всем признакам — электрический способ.

— До моего возвращения к снарядам не подходить.

Этот разговор по рации слышит и заместитель начальника станции Химичев со стрелочниками, слышат и все, находящиеся в штабе.

— Резец-один, резец-один, — раздается в эфире.

— Резец-один слушает.

— Полковник Сныков вызывает капитана Горелика.
— Сейчас доложу, он побежал к яме.
— Резец-один, резец-один, — слышен голос полковника, — к аппарату капитана не зовите. Передайте мое приказание, чтобы к снарядам не подходил. Выезжаю на место.

И капитан, уже сидя в машине, торопит Солодовникова: «Как только выедем на асфальт, гони во всю».

Иващенко, Тюрин, Голубенко и Урушадзе начинают переноску и укладку снарядов. Нести далеко. Тяжело вязнут в песке ноги. Но снаряд плывет без толчков, без малейшего сотрясения, как лодка по тихой, спокойной реке. Один за другим плывут снаряды и ложатся в яму по точно определенному порядку. Это последний их путь. Вот уже уложены все тяжелые болванки. Остался маленький кумулятивный снаряд. К нему наклонился Иващенко и инстинктивно качнулся в сторону. Снаряд издал треск. Будто согнули ржавую полоску железа или коснулись друг друга оголенные провода под током.

Треск снаряда страшен. Бывает, торчат из земли три короткие проводочки, расходящиеся лепестками. В траве их не увидишь, но заденешь, — раздастся треск. И остаться невредимым уже невыносимо. Три-четыре секунды будет слышен треск, потом выскочит цилиндр из земли и на высоте метра метнет в стороны более трехсот стальных шариков. За это время надо отскочить на несколько метров и грохнуться на землю. Тогда есть надежда, что останешься только раненым. А начнешь бежать — стальные шарики догонят.

Но ведь здесь нет трех лепестков. Схватив горсть мокрого песка, Иващенко положил его на оголенное место снаряда, потом сверху насыпал лопату сырого песка. Он решил, что снаряд успел нагреться даже на осеннем солнце, и началась реакция. Чтобы прекратить ее, надо охладить снаряд.

Все прячутся в укрытие. Выждав необходимое время, лейтенант выходит. Особенно бережно поднимает он опасный снаряд и несет в яму. Потом укладывает шашки так, чтобы взрыв ушел в землю. И вот, наконец, все готово.

Из укрытия появляется лейтенант Селиванов и соединяет короткие провода от шашки со шнуром, тянущимся к окопу с электрической машинкой. Последний внимательный взгляд на всю местность вокруг. Оба лейтенанта удаляются в укрытие.

Иващенко вызывает по радиации штаб. Полковников Диасамидзе и Сныкова там уже нет — уехали к складу снарядов, где обнаружена новая минная установка. Подполковник Склифус дает разрешение произвести взрыв.

Взвивается вверх красная ракета. Лейтенант Селиванов подходит к электрической машинке. Она похожа на полевой телефон. Так же сбоку торчит маленькая ручка. Несколько быстрых оборотов, и загорается красный глазок. Это сигнал, что в машинке возник ток высокого напряжения. Остается нажать кнопку, и он ударит в гремучую ртуть...

Молча сидят и напряженно вслушиваются люди у трех походных радиостанций: в штабе, на железной дороге, близ подземного склада. Все ждут взрыва. Но взрыва нет. Томительно тянутся секунды. Тихо. Проходит мучительная минута. Еще минута. Подполковник Склифус не хочет дергать людей у карьера и не спрашивает, почему задержка, хотя несколько человек уже нетерпеливо просят узнать, в чем дело. Наконец, не выдерживает и он:

— Резец-три, резец-три, у аппарата подполковник Склифус. Пригласите лейтенанта Иващенко...

В ту минуту, когда погасла красная ракета, выпущенная Иващенко

перед самым взрывом, в двух километрах от карьера из леса выскочил грузовик. На большой скорости он понесся по шоссе. Навстречу бросился солдат из оцепления, размахивая красным флажком. Водитель резко сбавил ход. Видно было, что он остановится возле солдата. Но есть такие ухари-лихачи, которым все нипочем. Он знал, что дорога, по которой едет, ведет в город, — остальное его не интересовало. Если даже затеяли здесь учения, все равно ничего не случится.

Сделав вид, будто останавливается и только случайно немного проскок, он дал полный газ. Тотчас же раздалась автоматная очередь: солдат стрелял вверх. И это лихач понимал — кто же будет стрелять в людей! У бойца оставался последний выход — бить по баллонам. Он уже готов был нажать спусковой крючок, когда на вершине карьера увидел бегущего человека. От сердца отлегло. Если там человек, значит, несмотря на красную ракету, взрыва пока не будет.

Кто же находился на гребне карьера?

...Когда лейтенант Селиванов протянул палец к кнопке, его остановил Иващенко. То ли выстрел ему почудился, то ли опять подсказало это неразгаданное шестое чувство минера, но Иващенко сказал:

— Подожди, Толя, надо еще разок взглянуть.

Как только он выбежал на горку, в глаза бросилась машина и бегущий за ней солдат с автоматом. Одну за другой Иващенко выпустил несколько красных ракет, перерезая путь машине. Водитель испугался. Он резко затормозил, развернулся и помчался назад...

И вот уже снова все на местах. Еще не перестали возмущаться люди у раций, узнавшие, в чем дело, когда лейтенант Селиванов нажал кнопку.

Содрогнулась земля. Первая партия снарядов была уничтожена.

...Когда капитан подъехал к гипсовому заводу, полковники Диасамидзе и Сныков уже стояли, склонившись над ямой.

Поединок продолжался.

Что думал враг? Куда тянутся провода? Где источник тока?

И снова тонкий и точный расчет врага был раскрыт.

Когда стало ясно, что делать дальше, полковник Сныков отвел в сторону Диасамидзе.

— Михаил Степанович, очень прошу, езжайте. Вы ведь не имели права даже появляться здесь.

Диасамидзе начал было возражать, но полковник крепко сжал его локоть.

— Не надо, — взмолился Сныков, — подчиненные услышат.

Недовольно бормоча, Диасамидзе ушел, а Сныков вернулся к яме.

— Вам все понятно, капитан? — спросил он.

— Так точно, товарищ полковник.

— Приступайте к работе.

— Слушаюсь, — ответил Горелик, но не тронулся с места.

Сныков удивленно посмотрел на него:

— Приступайте же, капитан.

— Не имею права, товарищ полковник, — растерянно сказал Горелик. — По всем действующим наставлениям, по специально разработанной вами инструкции, здесь может находиться только тот, кто непосредственно выполняет работу.

— Черт знает что! — выругался полковник и направился к каменному зданию, за которым стояла его машина.

И снова началась хирургически точная работа над минной установкой, куда более сложной, чем первая. И снова сильные, умные, золотые солдатские руки извлекали изъеденные временем снаряды. И снова грузили стальные глыбы, и снова ползла бронированная машина по опустевшим,

немых улицам. Земля дрожала от взрывов. Один, второй, третий, четвертый, пятый... пока не взвился в воздух, точно салют победы, зеленый сноп ракет...

Все!

С огромной скоростью пронеслась на радиоузел машина Нагорного.

— Диктор, где диктор? — закричал он, вбегая в помещение.

Диктора на месте не оказалось.

Нагорный сам бросился к микрофону.

— Граждане! Исполнительный комитет депутатов трудящихся Кировского района извещает, что все работы по вывозке снарядов закончены. С этой минуты в районе возобновляется нормальная жизнь.

Радость переполнила его. Ему хотелось сказать еще что-нибудь, но все уже было сказано, и он, растерянный, молча стоял у микрофона.

И вдруг, вспомнив, как это делают дикторы, он медленно произнес:

— Повторя-яю...

И опять умолк, то ли забыв только что сказанное, то ли слова эти показались ему сухими, казенными. И неожиданно для себя он почти выкрикнул:

— Товарищи, дорогие товарищи, опасность миновала, спокойно идите домой...

В ту минуту, когда произносились эти слова, народ уже хлынул к обессиленным, счастливым солдатам. И представил Иван Махалов, как во время войны встречало население своих освободителей.

Солдат качали, летели вверх кепки, косынки, крики «ура!» смешались с возгласами восторга и благодарности. Вконец смущенных солдат обнимали и целовали, а они тоже благодарили, искренне не понимая, за что им такие почести.

Вместе с толпой, увлекаемая ею, ринулась к солдатам и Валя. Но людская волна отнесла ее в сторону и уже трудно было пробиться вперед. Она видела Гурама и старалась не потерять его из виду. Хоть бы он взглянул! Он сразу пробил бы к ней дорогу. А Гурам, счастливый и возбужденный, не замечал ее. И он показался вдруг Вале в недостижимом ореоле славы. Валя испугалась, попятилась. Будь ему тяжело, она сама сумела бы растолкать народ и пробиться. А как быть теперь? Что он подумает?

Еще утром, точно потеряв рассудок, она бежала за машиной, готовая на все. А сейчас стояла в стороне беспомощная, нерешительная.

И вдруг глаза их встретились. Это было одно мгновение. Кто-то обнял его, кто-то подхватил его на руки, и Вале показалось, что он не пытается даже приблизиться к ней. Она начала тихонько выбираться из толпы.

Гурам поискал глазами Валу и не увидел ее. И с прежней силой нахлынула обида. Даже совсем посторонние, чужие люди пришли поздравить. А она была тут и не подошла.

...Через шесть часов на плацу, на вечерней поверке старшина Тюрин сообщил, чем рота будет заниматься на следующий день, перечислил назначенных в караул и посты, на которых они будут стоять.

Никто из товарищей так и не смог проводить Гурама на вокзал. Когда поезд тронулся, Гурам смотрел не на перрон, а в сторону города. Но ничего не было видно — мешала высокая насыпь, тихая и пустынная. Только молоденькая березка, тоненькая, как палочка, покачивалась, словно махая ему на прощание.

★ ★ ★

«...Мне восемьдесят пять лет. Я пережила несколько войн, работая в госпиталях. Много знала героев, но ваш поступок особенно велик и человечен.

Слава вам, наши ребятки! Слава нашей Родине, воспитавшей таких людей! Я сохраню ваши портреты, помещенные в газете, чтобы мои пра-
внуки знали о вас.

У меня есть коллекция фотографий хороших, честных людей моей эпохи, и я присоединяю к ним вырезку из газеты о вас — хороших, дорогих всем нам гражданах великого Советского государства.

Будьте счастливы, дети и внуки мои!»

«Что это за передача?» — думала Валя, слушая голос диктора. Она пришла сегодня домой позже обычного и, хотя, как всегда, сразу же включила репродуктор, начала передачи не слышала. Она слушала и работала: надо, наконец, закончить блузку, с которой уже давно возится.

«А вот письмо из Новосибирска учительницы-комсомолки Нины Анцыгиной, — продолжал диктор. — Сегодня свой урок по литературе в десятом классе, — пишет она, — я начала с рассказа о вас. То, что вы сделали, замечательно, достойно воспевания, а не только рассказа на уроках литературы. С каким вниманием, интересом, а потом восторгом слушали о вас десятиклассники! Вы стали их героями. Мы рассматривали ваши фотографии, помещенные в газете. Какие хорошие лица! Запомним капитана Горелика с мужественным, волевым лицом и смелым характером...»

Валя уронила на колени руки, не выпуская иголки. Вот, оказывается, кому адресованы эти горячие слова!

А диктор продолжал: «...любящих шутку и умеющих шутить славных комсомольцев Дмитрия Маргишвили и Ивана Махалова. Запомним ваши улыбающиеся глаза и такие жизнерадостные лица, дорогие Анатолий Селиванов и Михаил Тюрин, Николай Солодовников и Камил Хакимов. Гордимся вашим мужеством, выдержкой, дорогие Гурам Урушадзе и Василий Голубенко...»

Вале было неловко сидеть, но она так и не изменила позы. Она слушала, и ей не верилось, что это говорят из Москвы, что это говорят о людях, которых она так хорошо знает и которые хорошо знают ее. И, странное дело, когда назвали имя Гурама Урушадзе, сердце не забилося сильнее. И не потому, что он ей стал менее дорог. Нет, о нем она продолжала думать так же, как и раньше. Но она испытывала такие же чувства, как и все советские люди, узнавшие о героическом подвиге. Только никак не могло вписаться в ее сознание, что подвиг совершили эти ребята, такие простые и не героические. Ведь и ей только из газет пришлось узнать, какая страшная опасность висела над городом, какой героизм проявили солдаты. Ей хотелось знать все подробности, хотелось слушать, сколько бы об этом ни говорили. И она слушала... «Большое письмо прислал товарищ Кирюхин из Калуги, — продолжал диктор. — Признаться, нервы у меня крепкие, — пишет он, — в прошлом я сапер — офицер. Но я пережил многое, пока дочитал статью до конца. Мне очень знакомо чувство, которое ощущает человек при разминировании. Но описанный случай, пожалуй, наиболее сложный, опасный и страшный, страшный своими последствиями в случае малейшей ошибки.

Кто эти люди, в мирные дни сознательно решившие пойти на огромный риск? Что заставило их решиться на такое? Деньги? Слава? Почет? Нет, нет и нет! Словами этого я не могу передать, но вот душой чувствую. Сознание долга советского человека, высокое звание солдата Советской Армии, сознание того, что рискуешь жизнью ради спокойной жизни десятков тысяч, и еще что-то, исходящее из самой глубины души, волнующее, не похожее ни на какие другие чувства, — вот, что заставило людей пойти на подвиг... Если бы я мог, то расцеловал бы их всех. Расцеловал бы их матерей и отцов, воспитавших таких героев, расцеловал бы командиров, вложивших в их руки такое мастерство».

Мать пятерых детей товарищ Семенов из Ольховатской МТС Воронежской области писала:

«Мне хочется, чтобы и мои сыновья выросли такими же, готовыми позову партии идти на любые испытания во имя нашей светлой Родины. И я немного даже завидую матерям этих героев. От имени всех советских матерей мне хочется поблагодарить и обнять героических воинов. Пусть знают они, как мы, матери, гордимся ими. Ведь это наши сыновья, сыновья нашей великой партии».

Моряки Балтики писали:

«Когда в мире так неспокойно, когда капитал готовит атомную войну, стремясь истребить миллионы людей, разрушить города, наши солдаты совершают подвиг во имя жизни. В этом его величие. Нет ярче и красноречивее свидетельства высоких моральных и боевых качеств воинов нашей доблестной армии, и мы, матросы Военно-Морского Флота СССР, от всего сердца обещаем так же твердо держать высокое звание защитника нашей любимой социалистической Родины. Их подвиг как для нас, военных моряков, так и для всех трудящихся нашей страны—пример стойкого и патриотического служения нашей Родине и творцу всех наших побед—Коммунистической партии».

Взволнованное письмо прислали Любовь Кабыш, Тамара Климченко и Надя Лавданская из Запорожья. «Мы гордимся вашим героизмом, вашим мужеством и отвагой, вашей волей и решимостью, — писали они. — Мы горды за вас, доблестные патриоты, воспитанники великой партии Ленина и славного комсомола, добровольно взявшиеся спасти от разрушения целый район города. От всего сердца благодарим вас и крепко, крепко целуем».

Чувства миллионов молодых людей выразили в своем письме комсомольцы школы № 5 из Егорьевска Московской области:

«Ваш подвиг, товарищи, бессмертен. Даем вам наше комсомольское слово, что мы будем усердно, старательно учиться, чтобы овладеть такими же прочными знаниями, какие дали вам возможность совершить великое дело. Не будь у вас таких знаний и опыта, ваша отвага могла бы привести вас к гибели». Заканчивается письмо так: «Родина, милая Родина, какая ты счастливая, что имеешь таких сыновей!»

Благодарная Родина ответила своим сыновьям. Указом Президиума Верховного Совета СССР они были награждены орденами и медалями. Здесь, в древнем русском городе, где был совершен подвиг, Никита Сергеевич Хрущев вручил героям высокую награду, поблагодарив каждого от имени партии и народа.

Так была выражена воля советских людей.

И снова, как сообщала в те дни редакция «Комсомольской правды», «поток писем ширился и скоро превратился в могучую реку: тысячи и тысячи людей хотели поздравить героев с высокой правительственной наградой.

...По-разному выражают свои чувства люди. Но одно объединяет то скупые, то взволнованные строки, адресованные героям, — светлая гордость за людей, рожденных Россией, страстная вера в их большое сердце. Это не простые письма. Это вся страна сошлась на большой форум. Это незримые нити, идущие от мартенов «Запорожстали» в палатку целинника, от цехов ленинградских промышленных гигантов—в колхозные станицы Кубани. Это нити, связывающие сердца. Нет ничего крепче их, проверенных в горе и испытаниях. Имя им — единство».

Да, по-разному выражали советские люди свои горячие чувства к героям. Им присылали подарки, их звали в гости, делегации молодежи различных городов приезжали в Курск.

По просьбе московского радио и телевидения командование части разрешило участникам разминирования выехать на два дня в Москву, чтобы выступить перед радиослушателями и телезрителями. В первый же вечер в Центральном Доме Советской Армии состоялась их встреча с солдатами и офицерами Московского гарнизона. Секретарь Центрального Комитета комсомола товарищ Аксенов вручил героям Почетные грамоты ЦК ВЛКСМ и удостоверение о занесении в Книгу Почета. Вечер затянулся. И хотя курянам было хорошо здесь, но уже после десяти часов они начали беспокойно поглядывать друг на друга. А водитель Николай Солодовников стал заметно нервничать. Еще по дороге в Москву по его инициативе решили осмотреть главный конвейер Московского автомобильного завода имени Лихачева.

И вот уже давно прошло назначенное для экскурсии время, а курян все не отпускали. Им задавали десятки вопросов, их расспрашивали о подробностях операции, о жизни в роте.

На завод попали совсем поздно. Вторая смена закончила работу, конвейер остановился. Но слух о том, что приедут герои из Курска, распространился по цеху, и почти никто не уходил.

Сорок минут после вечерней смены рабочие ждали курян, хотя никто точно не мог сказать, приедут ли они. Встретили их радостными восклицаниями, горячими приветствиями. А воины, никак не предполагавшие, что их могут специально ждать, были растроганы и смущены. Но вскоре общее оживление передалось и им. Рабочие показывали свое производство, объясняли, как действует конвейер, и им было неловко от того, что он стоит, будто они в том повинны. И вдруг какой-то паренек, уже успевший помыться и переодеться, вскочил на станок.

— Товарищи, — раздался его звонкий голос. — Я предлагаю бесплатно поработать полчаса в честь гостей. Пусть посмотрят!

— Правильно! — закричали в толпе.

— Пустить конвейер!

— По местам!...

Далеко за полночь, растроганные, взволнованные, окруженные рабочими, покидали куряне завод и уносили в сердцах их любовь.

А на следующий вечер воинов ждал новый сюрприз.

... Как обычно, работала вторая смена в трикотажном ателье на Колхозной площади Москвы. Но вот начался перерыв, и кто-то включил телевизор. На экране появилась группа воинов из Курска. Работницы оцепенели.

— С нами чуть коллективный инфаркт не случился, — говорила впоследствии об этой минуте секретарь партийного бюро ателье Вера Евгеньевна Паненкова.

— Как же теперь, девочки? — прозвучал чей-то испуганный голос. Но никто не ответил. Все смотрели на экран, восторженные и одновременно удрученные.

— Я сам из Грузии, — говорил с экрана Дмитрий Маргишвили. — Но мне одинаково дороги и Грузия, и древний русский город Курск, и каждый клочок советской земли. Когда мы ликвидировали склад снарядов, никто из нас не думал, что приедут корреспонденты, что пригласят нас в Москву. Мы выполняли свой долг перед Родиной, как выполнил бы его каждый советский человек.

Вот во весь экран — чудесное, добродушное лицо Ивана Махалова. Он улыбается, молчит.

— Когда мы ехали сюда, — наконец, смущенно начинает он, — я очень готовился. А вот сейчас сбился, прошу извинить... — Лицо его становится серьезным, волевым, голос уверенным и сильным: — Я только одно скажу. Если надо, сделаем! Все сделаем, что партия скажет...

Начальнику цеха Антонине Ивановне Пантелеевой очень не хотелось пропустить ни один кадр. Но она не могла больше сидеть и бросилась в другую комнату к телефону.

Почему же так странно вели себя работницы?

Когда девушки впервые узнали о подвиге, им очень хотелось сказать воинам душевные, горячие слова восторга и благодарности. Сначала решили писать коллективное письмо, но вдруг Юля Макотинская предложила:

— Девчонки, давайте им сорочки сошьем. Самые красивые, как на всемирную выставку.

В цехе поднялось что-то невообразимое. В несколько минут собрали деньги. Это оказалось самым легким. Дальше время шло в непрерывных спорах. Прежде всего — из чего кроить? Одни предлагали голубой трикотаж, другие — серый, третьи — в полоску. Кто-то настаивал шить разные сорочки для каждого, кто-то требовал только одинаковые для всех.

Сто семьдесят девушек и пожилых женщин работали в ателье, и каждой хотелось собственноручно шить для героев. Сшить самой хоть рукав, хоть манжет, хоть петлю выметать.

Глядя на фотографии в газетах, определяли размеры воротничков, ширину плеч. И вот, наконец, сорочки готовы. Контролеры принимали их, как высший государственный заказ, их придирчиво осматривали и модельеры, и главный инженер, и начальник цеха, и директор ателье. Ни к одному шву или петельке придраться было нельзя. И когда окончился осмотр, кто-то тяжело вздохнул:

— И какие же мы дурехи, девочки! Ну, кто разрешит солдатам носить такие сорочки!

И снова бурлили цеха. А через час возле каждой сорочки появилась шелковая майка.

Выделили делегацию в Курск из трех самых достойных.

На следующий день только и говорили, что о курских событиях, завидовали тем, кто поехал к героям, кто пожмет им руки. В такой момент работницы и увидели этих героев на экране московского телевизора. Им радостно было смотреть и до слез обидно, что где-то в Курске сидят их делегатки с шелковыми майками и сорочками.

Девушки помчались на телецентр, рассказали воинам обо всем, что произошло. Трудно было отказать работницам и не посетить их ателье...

Из Воронежа, Москвы, Тбилиси приезжали в Курск представители молодежи, чтобы лично поздравить верных сынов Родины.

За день до приезда грузинской делегации Валя получила билет на встречу воинов с делегатами братской республики. Все знали о том, что в числе их будет и Гурам Урушадзе.

На вокзал она идти не решилась, но на вечер пришла одной из первых. Она могла занять почти любое место, и все же села далеко от сцены, в одном из задних рядов. С волнением смотрела она, как появились на сцене Иван Махалов, Дмитрий Маргишвили, Михаил Тюрин, как заполнили места в президиуме делегаты из Грузии. Но Гурама среди них не было. Что же могло произойти? Ведь о его приезде объявили официально.

Валя слушала выступления солдат, представителей молодежи Курска, слушала горячие, страстные слова грузин. И все-таки — она тревожно думала о Гураме.

Одной из первых Валя покинула зал, когда вечер закончился. Чем дальше уходила она от клуба, тем меньше становилось прохожих. На своей улице она оказалась совсем одна. Валя ускорила шаг. Вот уже неясные очертания ее дома. На ступеньках силуэт человека. На крылечке, на старом, родном крылечке сидел человек. С вокзала он добежал сюда за десять минут. И вот уже много часов сидит и ждет...

Гурам проговорил с Вале́й до утра. И ни одного слова не было сказано о хозяйстве или о загсе. И не обсуждался вопрос, едет Валя в Ланчхути или нет. Едет.

* * *

Где же наши герои сейчас?

Вслед за Урушадзе, отслужив срок, уехали в родные края Голубенко и Хакимов. Еще крепче сдружились Иван Махалов и ныне ефрейтор Дмитрий Маргишвили, которые завершают срок своей службы в армии. По-прежнему озабоченный и деловитый Михаил Тюрин занят боевой учебой и хозяйством роты.

Скоро будет отмечаться первый в жизни день рождения сестренки Борьки Горелика. Глава семьи теперь уже не командир роты, а заместитель командира батальона. Новое повышение по службе получил Георгий Поротиков. Уехал в военно-инженерную академию Иващенко. По-прежнему весел и остроумен Михаил Степанович Диасамидзе.

А как же Гурам и Валя?

Рано утром, когда большой дом Урушадзе еще спит, Серапион Михайлович выходит за ворота. Он идет по чистому и красивому городку, и те, кто уже вышел на улицу, кланяются ему, с уважением смотрят вслед. Четверть века назад он первым подал заявление в первый колхоз Ланчхути. И с тех пор в редкий сезон его бригада на чайной плантации не получает первого места.

Он идет на большой богатый колхозный рынок, и со всех сторон слышится:

— Гамарджоба, бабуа Серапион!

— Гамарджоба, бидзиа Серапион!

Он кланяется в ответ, улыбается, довольный своим положением почетного человека.

— У кого тут самое лучшее мясо? — останавливается он возле длинного прилавка. — Сегодня невестка обещала сварить мне мой любимый украинский борщ.

И все наперебой предлагают свой товар, выбирая лучшие куски, и тоже улыбаются.

— Вот, как раз килограмм! — предлагает какой-то весельчак в белоснежном фартуке, показывая добрую половину ляжки тельенка.

Все смеются. Старик ждет самого приятного для него разговора, хорошо зная, что этот разговор обязательно будет.

Действительно, люди начинают расспрашивать, как поживает его Гурам и как поживает его «беленькая» — так ласкательно прозвали здесь Валу.

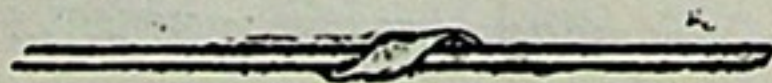
— О, Гурам поживает хорошо, — солидно отвечает старик. — Он уже помощник бригадира на чайной фабрике, а невестка...

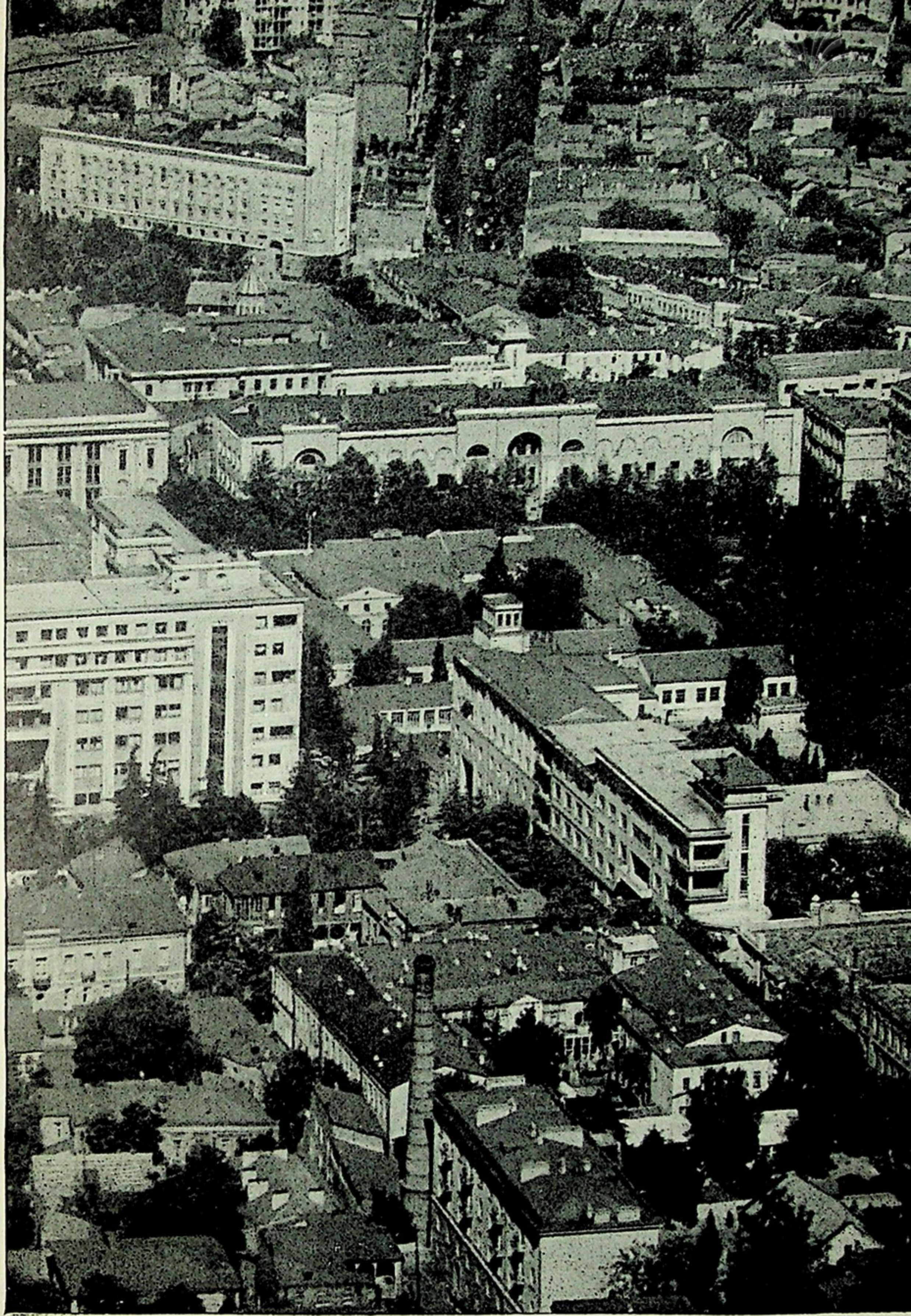
И тут он не выдерживает солидного тона. Радость распирает его. «Беленькая» ходит учиться печатать на машинке. Правда, пока ей еще не платят: она только учится. Но скоро уже возьмут в штат. «Такую способную женщину мог только мой сын Гурам найти и увезти домой!»

Лицо его сияет. Не скрывая своего счастья, он говорит:

— И внуки у меня будут такими же беленькими...

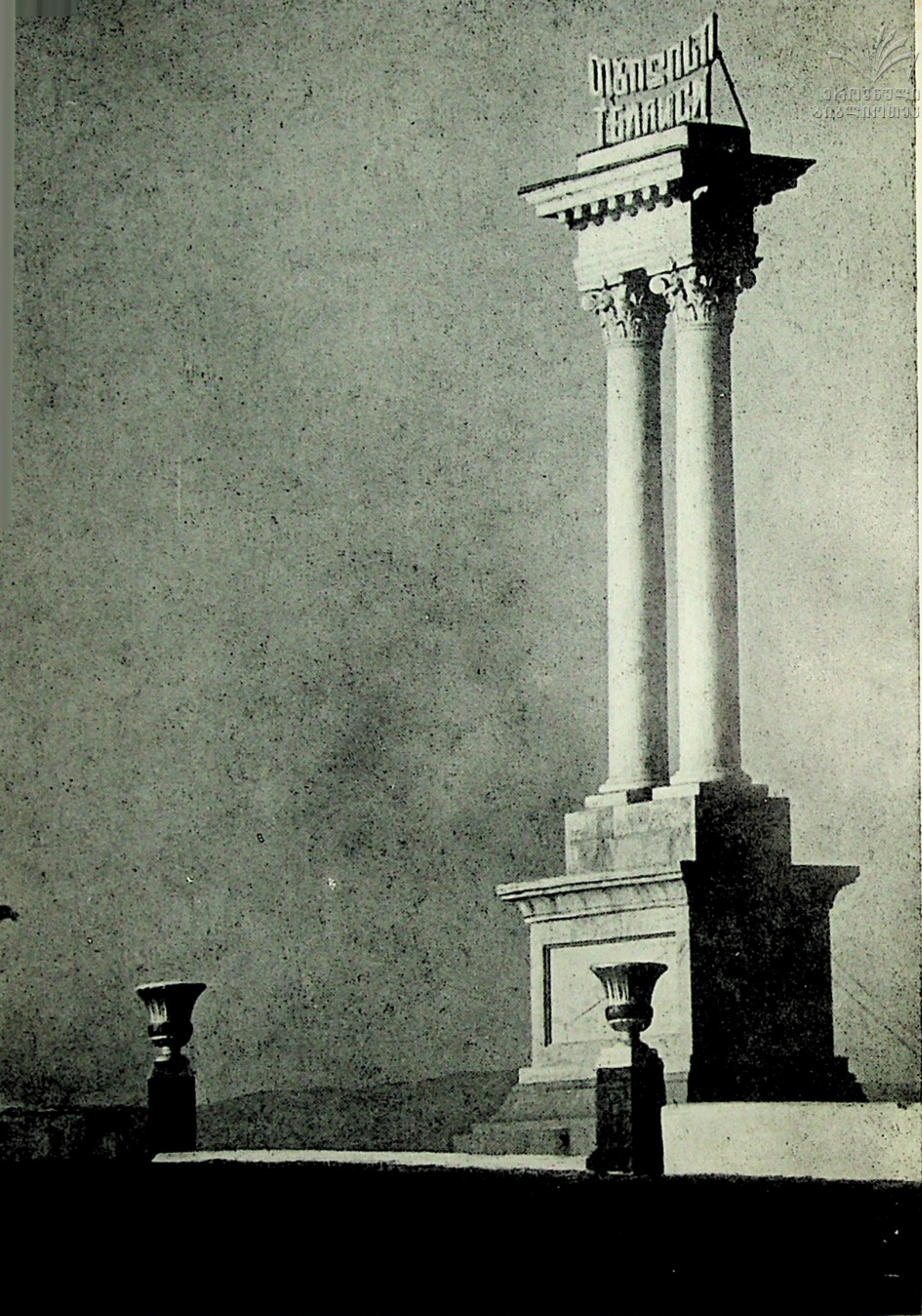
И он смеется радостным старческим смехом.

НОВЫЙ ТБИЛИСИ. Центральная часть города.

Фото М. Козловского-Кушиташвили.

НОВЫЙ ТБИЛИСИ. Въезд в город со стороны Коджорского шоссе.

Фото М. Козловского-Кушнташвили.

МОЛОДОСТЬ ДРЕВНЕГО ГОРОДА

Беседа сотрудника «Литературной Грузии» с председателем исполкома Тбилисского городского Совета депутатов трудящихся тов. А. Э. Меладзе.

Тбилиси — один из древнейших городов мира, город чудесной легенды и героической были. На протяжении своей многовековой истории Тбилиси не раз подвергался опустошительным нашествиям. Но каждый раз волею и трудом грузинского народа поднимался он из руин и пепла, отстраивался, становился еще краше. Сквозь века пронес он неугасимую волю к свободе, сохранил свою самобытность и высокую культуру.

Столица Грузии отмечает сейчас свою тысяча пятисотую годовщину. Накануне славного юбилея трудящиеся Тбилиси с гордостью оглядывают пройденный путь, радуются замечательным преобразованиям, происшедшим в их родном городе за годы Советской власти, которые преобразили его больше, чем все столетия предшествующей истории.

Наш сотрудник обратился к председателю исполкома Тбилисского городского Совета депутатов трудящихся тов. А. Э. Меладзе с просьбой рассказать о том, какими достижениями встречает столица республики свое 1500-летие.

— Тбилиси сегодня, — сказал А. Э. Меладзе, — один из крупных промышленных и культурных центров нашей страны. Только сохранившиеся древние памятники да пожелтевшие от времени фотографии в историко-этнографическом музее города напоминают об его историческом прошлом. Повсюду кипит новая жизнь, наполненная счастьем свободного творческого труда.

...У моста 300 арагвинцев — места героической схватки грузинских воинов с иноземными поработителями — Куру перегородила плотина Ортачальской гидроэлектростанции. На Сололакском хребте, там, где до сих пор сохранились руины древней крепости Нарикала, зашумела листвою Комсомольская аллея...

А. М. Горький, начавший в Тбилиси свою литературную деятельность, ярко обрисовал облик старого города.

«Ломаные линии домов, разделенные узкими, извилистыми и крутыми улицами, стоят чуть ли не на крыше друг у друга.

Кура, ревущая в узком каменном ложе между сдавивших ее скал, с пеной гнева бьется в берега, как бы грозя разрушить и смыть с них тяжелые и грязные здания».

Как не похожа эта картина на Тбилиси наших дней! Город украсился множеством новостроек. Человека, впервые попавшего в столицу Грузии, пленяет неповторимое своеобразие его многовекового облика, четкость линий новых проспектов, мостов и набережных, выделяющиеся своей архитектурой монументальные здания, в которых нашли воплощение мотивы грузинского национального зодчества.

Прекрасными образцами архитектуры, достойной нашей эпохи, являются здания Грузинского филиала Института марксизма-ленинизма, Дома Правительства Грузинской ССР, стоквартирного жилого дома, цирка и другие. На пересечении проспекта Плеханова и улицы Марджанишвили создана новая площадь. Одной из центральных магистралей города стала одетая в асфальт и зелень набережная имени И. В. Сталина. Здесь воздвигнут самый большой в городе жилой дом. Кварталы, застроенные красивыми многоэтажными зданиями, выросли на улицах имени Бараташвили, Меликишвили, Павлова, на проспекте Чавчавадзе.

Изменилось лицо окраин, связанных с центром трамвайным, автобусным, троллейбусным сообщением. С каждым годом старые границы города отодвигаются все дальше. Еще недавно поселок Авчала находился за чертой Тбилиси. Сейчас на всем протяжении ведущего к нему шоссе поднялись корпуса новых предприятий, жилых домов.

Коммунистическая партия и Советское правительство проявляют постоянную заботу о нуждах трудящихся Тбилиси. В 1956—1957 гг. население города получило свыше ста шестидесяти семи тысяч квадратных метров жилой площади.

В советское время Тбилиси стал одним из самых зеленых городов мира. На каждого его жителя приходится 9,7 квадратных метра зеленых насаждений и парковой площади — в три раза больше, чем в Париже, и в восемь раз больше, чем в Копенгагене! Тбилисцы любят и украшают свой город. Только силами населения в минувшем году посажено полмиллиона различных зеленых насаждений. Зеленые массивы города уходят все дальше, поднимаются на склоны гор.

Более чем 650-тысячное население Тбилиси обслуживают все виды современного городского транспорта.

Тбилиси продолжает расти, строиться, с каждым днем становится красивей, благоустроенней. Осуществление генерального плана реконструкции города еще более преобразит его облик, создаст больше удобств для населения.

Наше главное внимание направлено на выполнение поставленных партией и правительством задач по дальнейшему развитию жилищного строительства. Сооружение новых жилищ принимает в Тбилиси, как и повсюду в стране, самый широкий размах. В городе сейчас более 400 строительных площадок. В ближайшие три года темпы жилищного строительства в столице республики возрастут в три раза.

Характерной особенностью жилищного строительства является переход к комплексному сооружению домов, создание крупных жилых массивов. В быстро растущем районе города — Сабуртало строятся семь кварталов четырех- и пятиэтажных жилых домов общей площадью в четыреста тысяч квадратных метров. Одновременно с ними воздвигаются здания для школ, детских ясель и садов, кинотеатров, библиотек, спортивные сооружения. Застройка ведется индустриальными методами с широким применением крупных блоков, конструкций из сборного железобетона, готовых строительных деталей.

План развития города предусматривает также компактную застройку новых жилых районов в Навтлуги, Грма-Геле, Дигоми. При проектировании их архитекторы стремились создать для трудящихся наилучшие бытовые условия. В этом году будет сдано свыше ста тысяч квадратных метров новой жилой площади.

О большом масштабе работ по благоустройству Тбилиси можно судить по таким цифрам: в 1958 году на развитие городского хозяйства было ассигновано 320 миллионов 830 тысяч рублей, тогда как в прошлом году — 264 миллиона 288 тысяч рублей.

Ярким проявлением заботы партии и правительства о повышении благосостояния населения города является строительство газопровода Карадаг — Тбилиси, которое должно быть завершено к концу 1959 года. Строители уже вышли на трассу. В городе разворачивается подготовка к приему карадагского газа, создана специальная организация «Тбилгаз».

Важным стимулом новых успехов в развитии городского хозяйства Тбилиси служит социалистическое соревнование столицы Грузии и Риги. Трудящиеся нашего города стремятся сделать все, чтобы с честью выполнить взятые обязательства.

К знаменательной дате 1500-летия города тбилисцы получают много подарков. Сооружается новая магистраль, которая соединит районы Сабуртало и Ваке. Для разгрузки площади Руставели от слишком напряженного движения транспорта и пешеходов реконструируется спуск Элбакидзе. Первая пассажирская воздушная канатная дорога, протяжением более 900 метров, соединит проспект Руставели с плато горы Мтацминда и парком имени И. В. Сталина.

На месте бывшего рынка в Сабуртало сооружается Дворец спорта. На плато фуникулера воздвигается планетарий, строится плавательный бассейн.

В связи с юбилеем столицы Грузии в дар ей трудящиеся многих районов республики шлют десятки тысяч саженцев деревьев, декоративных растений. Из Махарадзевского района прибыло 56 вагонов кедра, пальм, самшита, туи, магнолии. Трудящиеся Гальского района прислали 19 вагонов деревьев — лавровишни, платана, граната. Телавцы решили посадить в Тбилиси 5 тысяч виноградных лоз. Саженцы поступают из Нового Афона, Ткварчели.

— Расскажите об успехах в индустриальном развитии Тбилиси.

— Познакомьтесь с этим энциклопедическим словарем, — говорит А. Э. Меладзе, — изданным в 1901 году. В нем, как видите, указано, что наиболее значительными предприятиями города в то время были фанерная и табачная фабрики, кожевенные, пивоваренные и маслобойные заводы, на которых было занято по несколько десятков рабочих.

Нынешний Тбилиси — город передовой индустрии. Здесь сосредоточено около 300 заводов, фабрик, комбинатов, оборудованных новейшей техникой, изготавливающих сотни различных видов продукции.

В последнее время в Тбилиси получили развитие новые отрасли промышленности — приборостроение, производство электротехнической аппаратуры. Крупным достижением в дальнейшем индустриальном развитии всей республики явилось начало серийного выпуска восьмиосных магистральных электровозов на Тбилисском электровозостроительном заводе.

За годы пятилеток в Тбилиси построены заводы «Пластмасс», химико-фармацевтический, создан ряд химических производств в местной промышленности. Решения майского Пленума ЦК КПСС создают все условия для дальнейшего расширения выпуска химических продуктов и особенно синтетических материалов.

Важное место в продукции предприятий города занимают машины, механизмирующие трудоемкие процессы производства в субтропическом сельском хозяйстве и горном земледелии. Среди них — чаеуборочные машины, горные тракторы, изготавливаемые заводом сельскохозяйственного машиностроения имени 26 комиссаров. Образцы этих машин экспонируются на Всемирной выставке в Брюсселе и Всесоюзной промышленной выставке в Москве. На предприятиях Тбилиси созданы также трехколесный трактор, табаконизальная машина, налажено производство навесных орудий.

Можно привести много примеров, свидетельствующих о растущей технической зрелости грузинских рабочих, инженерно-технических работников и конструкторов. Коллектив станкостроительного завода имени Кирова — первенца станкостроения в Грузии — недавно начал серийное производство новых токарно-винторезных станков модели «163». За время существования завода, который скоро будет отмечать свое 25-летие, здесь освоено производство станков 200 различных моделей.

В этом году предприятия Тбилиси выпустят свыше 50 новых видов машин и приборов. В их числе — прецизионные круглошлифовальные станки, точнейшие электро- и гидрометприборы, оснащенные фотоэлементами и полупроводниковыми устройствами. Будут созданы также опытные образцы математических машин для управления рядом производственных процессов в энергетике и металлургии, высокочувствительные электронные приборы для химической, пищевой и других отраслей промышленности. В ближайшие 2—3 года в Тбилиси войдут в строй восемь новых предприятий приборостроительной и электротехнической промышленности.

Намного расширяется в нашем городе производство предметов народного потребления — одежды, шелковых и камвольных тканей, пряжи, чулок, чая, виноградного вина, мебели, обуви. Только обувью, изготовленной в прошлом году предприятиями Тбилиси, можно обуть все население Грузии, Эстонии, Туркмении, Армении, вместе взятых, и еще 700 тысяч пар обуви останется!

Расширение прав союзных республик и местных органов власти, перестройка управления промышленностью и строительством, создание Совета народного хозяйства Грузинской ССР исключительно благоприятно сказались на работе предприятий города, создали предпосылки для нового мощного подъема промышленного производства.

— Читателям интересно было бы знать и о культурной жизни Тбилиси.

Столица Грузии по праву считается одним из крупных культурных и научных центров страны. В городе работают более ста школ, двадцать высших учебных заведений и три заочных института, в которых обучается до тридцати тысяч студентов. Если в 1901 году на каждую тысячу тбилисцев приходилось 47 учащихся, то сейчас их — 232. Какую бы специальность ни решили избрать выпускники наших школ, они могут получить ее, не выезжая из родного города. Сотни выпускников средних школ плодотворно трудятся на заводах и фабриках,

составляя большинство кадров производственников на ряде предприятий. Многие из них, обогатив свой опыт и знания, продолжают учебу в вузах.

Крупнейшим вузом Грузии является Тбилисский государственный университет имени И. В. Сталина. На его факультетах учатся пять тысяч юношей и девушек. За сорок лет своего существования он подготовил более 25 тысяч специалистов. Питомцы университета — ученые, преподаватели, партийные и советские работники, деятели культуры — один из самых значительных отрядов грузинской интеллигенции.

Достойный вклад в дальнейшее развитие советской науки вносят семьдесят одно научно-исследовательское учреждение Тбилиси. Грузинские ученые разработали ряд важных научных проблем, имеющих большое народнохозяйственное значение. В прошлом году внедрены в производство, в частности, 54 ценных исследования, выполненных коллективами институтов химии имени П. Меликишвили, прикладной химии и электрохимии, леса, энергетики, строительного дела и других.

В 1957 году организован ряд новых институтов Академии наук Грузинской ССР. Среди них — институты горного дела, металлургии, электроники, автоматизации, телемеханики. Важным событием в научной жизни республики было создание Академии сельскохозяйственных наук Грузинской ССР.

Страницы истории Тбилиси повествуют о тесных связях и дружбе грузинского и русского народов, складывавшихся на протяжении веков. Гостями Тбилиси были Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Толстой, Чайковский, Васнецов и Шаляпин. Здесь жил и работал Горький. Под небом Грузии зрел талант Маяковского.

Ярким свидетельством все более крепнущей нерушимой дружбы народов Грузии, Азербайджана и Армении явилась прошедшая недавно «Закавказская театральная весна» — смотр достижений культуры народов Закавказья, а также празднование 100-летия армянского театра в Тбилиси.

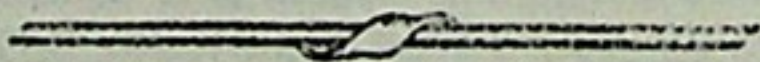
Расширяются и укрепляются связи грузинских ученых с деятелями науки братских республик Советского Союза и зарубежных стран. В прошлом году ученые Грузии принимали участие в работе международных конгрессов и конференций во Франции, Федеративной Республике Германии, Канаде, Швеции и других странах. В гостях у своих грузинских коллег побывали деятели науки Китая, Румынии, Польши, Чехословакии, США и других стран.

Тбилиси — город десяти театров. Творческие коллективы театра оперы и балета имени З. Палиашвили, драматические театры имени Руставели, имени Марджанишвили и имени Грибоедова в дни Декады грузинского искусства и литературы в Москве продемонстрировали свое возросшее профессиональное мастерство, порадовали зрителей значительными спектаклями. Балет А. Мачавариани «Отелло» в постановке и с участием В. Чабуквани является замечательным подарком художественной интеллигенции столицы Грузии к 1500-летию Тбилиси.

Тбилиси — город славных революционных традиций. Здесь еще в конце прошлого века вместе с русскими марксистами подняла знамя великого Ленина группа пламенных грузинских революционеров, посвятивших всю свою жизнь героической борьбе за дело рабочего класса. Коммунистическая партия Грузии — один из старейших боевых отрядов Коммунистической партии Советского Союза. Ее воспитывали и закаляли в ленинском духе, в духе пролетарского интернационализма и дружбы народов великий марксист-ленинец И. В. Сталин, выдающиеся пролетарские революционеры Л. Кецховели, А. Цулукидзе, М. Цхакая, Ф. Махарадзе и другие.

Готовясь к 1500-летию Тбилиси, мы должны свято хранить и умножать славные революционные традиции, традиции пролетарского интернационализма и дружбы народов, воспитанные нашей партией в рядах рабочего класса, всех трудящихся Грузии.

Весь облик сегодняшнего Тбилиси, его кипучая жизнь являются ярким свидетельством огромных завоеваний грузинского народа, достигнутых им под руководством Коммунистической партии, в братской семье советских народов.

В. Качарава,

член КПСС с 1918 года.

Молодые, пламенные годы...

(Из воспоминаний старого комсомольца)

Каждый раз, когда я приезжаю к себе на родину — в Абашу, я первым делом направляюсь в городской сад, к скромной братской могиле, словно скрывшейся в тенистом уголке, под кронами вечно шумящих деревьев. Мне очень дорога память о похороненных здесь товарищах — Федоре Прангишвили, Давиде Качарава, Верре Кизирия. Как и многие, многие другие — погибшие и оставшиеся в живых, — они были пламенными комсомольцами, организаторами и вожаками молодежи, написавшими одну из первых страниц замечательной истории комсомола Грузии.

И сейчас, в канун славного сорокалетия Ленинского комсомола, мне хочется рассказать об этой странице, о том, как рождался Коммунистический Союз Молодежи нашей республики — верный помощник и резерв Коммунистической партии.

Я вырос в Абаше, в бедной крестьянской семье. Мне было восемь лет, когда умер отец, и семья осталась без кормильца. Я был самым младшим, но мне часто приходилось слышать: «Большой уже, мог бы помогать семье». И в разгар увлекательной иг-

ры я покидал пыльную дорогу, где мы собирались с ребятами, и тащил на базар тяжелые корзины с овощами или фруктами.

Старшая сестра, учившаяся в потийской гимназии, вынуждена была оставить учебу и вернуться в Абашу. Я же и мечтать не мог о поступлении в гимназию.

В это трудное для нашей семьи время нам очень помог инспектор абашского двухклассного училища Василий Кобулия — революционер, беззаветно преданный партии коммунист. Он устроил мою сестру учительницей в начальных классах, и, выхлопотав для меня право платить за учение вдвое меньше установленной суммы, настоял на том, чтобы меня тоже отдали учиться.

Василий Кобулия пользовался в Абаше большим авторитетом, его любили за отзывчивость, умение всегда приходить на помощь в трудную минуту. Он часто собирал крестьян, беседовал с ними, объяснял, почему им так трудно живется, говорил, что только революция может изменить существующие порядки. Среди нас, учащихся, было немало передовой

молодежи, жадно впитывавшей в себя все происходящее, увлекавшейся чтением газет и политической литературы, сочувствовавшей революционной борьбе.

От Василия Кобулия мы получили и первое партийное задание.

Когда происходили выборы в Учредительное собрание, он роздал нам избирательные бюллетени, чтобы мы распространяли их среди населения, убеждая голосовать за большевиков. И в дальнейшем, когда мы уже объединились в молодежную организацию, Василий Кобулия уделял ей немало внимания, помогал нам в работе.

Навсегда запомнился день, когда мы узнали, что в Грузии существует молодежная коммунистическая организация «Спартак», что она уже вовлекла в свою работу не одну сотню молодых революционеров. Это было в 1917 году.

Рассказал нам о «Спартаке» наш сверстник — Федя Прангишвили, учившийся в кутаисской гимназии и приехавший на каникулы домой, в Абашу. Он сам был активным членом этой организации и, как мы поняли, приехал к нам со специальным заданием — создать в Абаше первичную молодежную ячейку.

Всех нас, ребят из Абашы, с Федей Прангишвили связывала детская дружба. Без него не обходилась ни одна игра, ни одна мальчишеская шалость. Но он всегда выделялся среди нас своей необычайной любовью к книгам, умением увлекательно пересказывать их содержание.

Он приехал домой очень повзрослевшим, стал серьезнее, собраннее. В первый же вечер он рассказал нам о деятельности кутаисской молодежной организации, ее помощи большевикам, о подготовке к выходу в свет журнала.

— Юноши и девушки Абашы, — говорил он нам, — должны объединиться, создать боевой отряд, активнее втянуться в революционную работу.

Мы как будто только и ждали этих слов. Они вполне соответствовали нашим настроениям, желанию быть полезными в большом, настоящем деле. И задача, которую поставил перед нами Федор Прангишвили, долго не обсуждалась. Тут же был выбран председатель нашей группы — Датио Качарава, его заместителем выбрали

меня, секретарем-казначеем — брата Феи — Георгия Прангишвили. Всего в нашей ячейке было 8 человек. Среди них Л. Григолия, С. Цомая, Л. Читеишвили, ставшие впоследствии активными комсомольцами.

Связь с кутаисским губернским комитетом «Спартак» мы поддерживали через Федора Прангишвили. Вскоре он привез нам первый номер журнала «Месаме Интернационали» («Третий Интернационал»), который спартаковцы выпустили вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции — 12 ноября 1917 года. Мы внимательно знакомились с острыми политическими статьями, опубликованными в этом журнале, обсуждали их. Затем мы стали получать и распространять газету «Ахалгазда комунисти» («Молодой коммунист»), начавшую выходить в декабре 1918 года.

Я и Давид Качарава впервые попали в Кутаиси, как делегаты от Абашского района на губернское совещание молодых коммунистов, которое проводилось в мае 1918 года.

В Кутаиси нас захлестнул водоворот событий. Это было время, когда меньшевики из всех сил старались организовывать демонстрации, митинги, решив как можно торжественнее отметить установление так называемой «независимости» Грузии (основанной на соглашении с немецкими империалистами). Меншевицское правительство делало все для того, чтобы изолировать Грузию от Советской России и подавить большевицское движение внутри страны. Эти дни стоили большевикам огромного напряжения: нужно было разоблачать предательскую сущность политики меньшевиков. Большую помощь в этом деле им должны были оказать «спартаковцы» — распространять листовки и прокламации, вести агитационную работу.

Кроме нас на совещание прибыли представители от Горийского, Хонского, Батумского, Зугдидского, Потийского, Чиатурского комитетов. Мы говорили о необходимости усилить разъяснительную и агитационную работу, шире вовлекать молодежь в союз, налаживать связь со всеми «медвежьими уголками», с самыми отдаленными селами.

Здесь, на конференции нам раздали брошюры — труд В. И. Ленина «Го-

сударство и революция», переведенный на грузинский язык и напечатанный в кутаисской нелегальной типографии. Эту книгу мы увозили домой в мешках с огурцами, чтобы сбить с толку меньшевистских агентов.

Возвратившись в Абашу, мы сразу приступили к выполнению заданий губернского комитета. Абашская организация «Спартак» стала одной из сильнейших в Грузии. Уже весной 1918 года она создала под своим руководством ячейки «спартаковцев» в селениях Суджуна, Кодори, Самикао, Онтопо и Дзвели Абаша. Связь с молодежью отдельных сел нашего района налаживалась чаще всего через большевиков, помогавших нам собирать молодежь, организовывать встречи.

Мы пользовались для этого любым случаем. Пятница — день базара в Абаше. В этот день съезжались сюда и руководители молодежных ячеек. Мы сделали пятницу днем своеобразных «летучек», на которых руководители ячеек рассказывали о положении дел в селах.

В этот период, когда молодежная организация делала свои первые шаги, выявились талантливые вожаки и организаторы молодежи. Сколько неукротимой энергии было в невысокой хрупкой девушке Вере Кизирия, возглавившей молодежную организацию деревни Кодори! Самые трудные и самые ответственные задания по распространению нелегальной печати она выполняла с необычайным искусством и приобрела славу неуловимой подпольщицы. Даже в 1920 году, когда большинство активистов-«спартаковцев» было заключено меньшевиками в тюрьмы, Вере Кизирия, за которой была установлена строжайшая слежка, удалось скрыться.

В деревне Самикао бурную деятельность по организации молодежных ячеек развил Григорий Карнадзе.

Для установления связей с молодежью нашего района на ярмарку прибыл секретарь молодежной организации Мартвильского (ныне Гегечкорского) района Григорий Габисония — умный, проницательный руководитель.

Молодежная организация росла, набиралась сил. В период крестьянского восстания в Мингрелии в 1918 году мы оказали большую помощь

большевикам в распространении листовок и прокламаций, в популяризации нелегальной литературы, проводили агитационную работу.

В 1919 году, по заданию губернского комитета, мы созвали районную конференцию. Чтобы усыпить бдительность меньшевистских агентов, пришлось собраться за накрытым столом в доме члена нашей организации Лаврентия Симония и разыгрывать пирушку. На этой конференции мы распределили между организациями политическую литературу, наметили конкретные мероприятия по улучшению агитационной и воспитательной работы среди молодежи. Меня тогда же избрали председателем абашского районного комитета коммунистической организации молодежи Грузии «Спартак».

В начале мая 1919 года в г. Сенаки (ныне г. Цхакая) состоялась первая мингрельская молодежная конференция, на которой присутствовали делегаты из Поти, Зугдиди, Мартвили и Абаша. Это было уже крупное объединение, сплоченный боевой молодежный отряд. Был избран мингрельский комитет коммунистической организации молодежи Грузии, возглавляемый Давидом Качарава. Я тоже вошел в состав комитета.

Прошло четыре месяца. В Баку открылась нелегальная областная конференция революционной молодежи Закавказья, на которой присутствовали представители коммунистического союза молодежи «Спартак» Грузии и Армении и представители Союза рабочей интернациональной молодежи Баку и его районов. Среди делегатов Грузии были Борис Дзнеладзе, Давид Качарава, Валериан Имедадзе.

На конференции было принято решение об организационном объединении коммунистических организаций молодежи Закавказья и об общем их названии: «Закавказская организация Российского Коммунистического союза молодежи». В областной Комитет Коммунистического Союза Молодежи Закавказья от Грузии был избран Борис Дзнеладзе.

В мае 1920 года большевики Грузии получили возможность выйти из подполья, но не надолго: через некоторое время меньшевики снова закрыли органы большевистской печати, начались массовые репрессии. Каж-

дый день мы узнавали о новых арестах. Арестовали нашего руководителя и постоянного помощника — коммуниста К. Нодия, братьев Федора и Георгия Прангишвили, Мамантия Качарава. Давида Качарава схватили, когда он возвращался из Тбилиси с нелегального съезда комсомола, на который он был послан делегатом от мингрельской организации.

После разгромного обыска в моей квартире арестовали и меня. Но документы организации и комсомольское знамя района, которые у меня хранились, не были обнаружены.

Потянулись трудные дни допросов и пыток. Наконец, объявили, что мы приговорены к расстрелу, и только в том случае, если мы назовем активистов-«спартаковцев», нас освободят. На этот приговор мы ответили молчанием. Мы молчали и тогда, когда нас выстроили для расстрела у свежевырытого рва. Но казнь не состоялась, — видимо, меньшевистские заправилы этой открытой расправой с молодежью боялись вызвать новый взрыв возмущения. Нас избили, меньшевистский офицер злобно выругался и приказал вести всех обратно в тюрьму. Мы поняли, что это была последняя попытка заставить нас дать какие-нибудь сведения.

Освобождены из тюрьмы мы были отрядами XI Красной Армии.

Трудно описать радость, с которой мы встретили красноармейцев. Сколько было волнующих встреч, горячих приветствий, братских объятий!

Комсомольскую работу я не оставил и после установления Советской власти в Грузии. Работая секретарем Абашского райкома комсомола, я был послан делегатом на IV (первый легальный) съезд комсомола Грузии, проходивший в 1921 г. в Тбилиси. Это был первый съезд, созванный после победы социалистической революции в Грузии.

Радостная взволнованность, оживление царили 21 августа 1921 года в зале комсомольского клуба (сейчас в этом помещении находится Грузинский театр юного зрителя). Шумно собирались делегаты — старая гвардия комсомола, почти все — со стажем нелегальной работы. Здесь встречались старые друзья по подполью.

Многие знали друг друга заочно и на съезде виделись впервые. Здесь я, наконец, увидел Серго Орджоникидзе и Бориса Дзелядзе.

Товарищ Орджоникидзе сделал доклад о политическом и экономическом положении Грузии, Борис Дзелядзе — о политических задачах комсомола Грузии. Он призвал комсомольцев принять деятельное участие в укреплении Советского государства, военного могущества республики.

В декабре того же года по партийной мобилизации, проведенной ЦК КП(б) Грузии, я был направлен в Красную Армию — в первую грузинскую дивизию, политруком роты.

Учебно-кадровый батальон дивизии, в котором я служил, был направлен для ликвидации контрреволюционной банды, организованной князем Чолокашвили. Во время перестрелки меня тяжело ранили. После сложной операции мне ампутировали ногу, я долго пролежал в постели. Но друзья не покинули меня. Я всегда одним из первых узнавал о происходящих событиях, о новых победах и завоеваниях Советской власти в Грузии. Доходили до меня и горестные вести о гибели в боях с контрреволюцией многих дорогих памяти и сердцу людей, стойких коммунистов, беззаветно преданных делу партии.

После тяжелой и длительной болезни скончался в Абаше Федор Прангишвили. В 1925 году трагически погиб Давид Качарава. В том же году в Абаше умерла Вера Кизирия. Но тот, кто остался в живых, твердо стоял в первых рядах борьбы на фронтах социалистического строительства.

Отмечая сороковую годовщину своей славной истории, комсомол измеряет пройденный путь трудными боями и героическими победами. И когда мы, старые комсомольцы, видим, с каким горячим энтузиазмом и беззаветной преданностью Коммунистической партии нынешнее поколение снаряжается в дальние дороги — покорять целину, строить новые шахты, электростанции, города, — мы воочию убеждаемся, что славные подвиги первых комсомольцев бессмертны, они и сейчас зовут молодежь нашей страны туда, где опасно и трудно, где они нужнее всего своему народу.

Боевой орган молодежи

«Не тревожься, недремлющий друг,
если стало темнее вокруг,
если гаснет звезда за звездою;
если скрылась луна в облаках,
и клубятся туманы в лугах, —
это стало темней пред зарею».

Это эпиграф к передовой статье рукописного журнала «Утренняя звезда», выпущенного в 1919 году на русском языке кружком телавских гимназистов.

История этого журнала — небольшой эпизод в славной летописи истории комсомольских ячеек в Грузии.

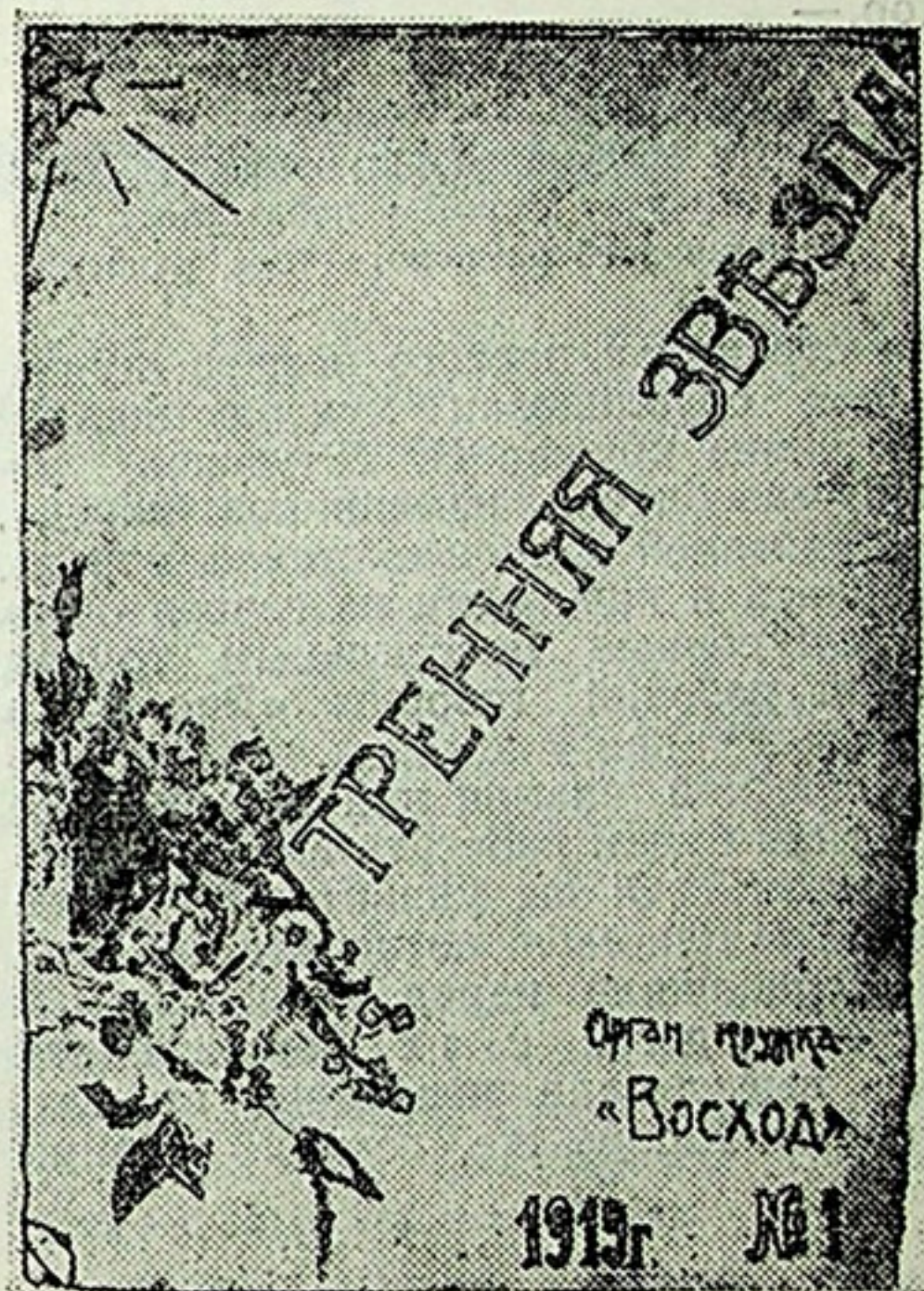
Первые молодежные организации в Телавском уезде объединили юношей и девушек самых различных национальностей. Все попытки меньшевиков посеять в народе шовинистические настроения оказались тщетными.

Телавскую гимназию разделили на грузинский и армянский секторы, но это не только не повлияло на отношения между учащимися, но еще более усилило их стремление сплотиться в боевые революционные отряды.

Все началось с литературных споров, с горячих молодежных дискуссий, которыми руководил в телавской армянской гимназии преподаватель истории и русского языка Артур Рудольфович Симуниаги (Зифельд). Большевик, он пользовался среди гимназистов — старшеклассников большой популярностью и авторитетом.

По его инициативе в гимназии был создан литературный кружок «Восход», в котором сразу определились и боевая политическая направленность и революционные настроения.

Учитель-большевик разъяснял членам кружка значение классовой борьбы,

рассказывал о Великой Октябрьской революции, о жизни молодой Советской России, вспоминал о своих встречах с В. И. Лениным, о заданиях партии, которые ему приходилось выполнять. Члены кружка начали изучать произведения Маркса, Энгельса, знакомиться с задачами Коммунистической партии. Решено было создать организацию по типу революционных организаций молодых коммунистов, существовавших тогда в России и в ряде мест Грузии. Затем возникла идея создания своего рукописного журнала.

Первоначальное название журнала «Красная звезда», во избежание пресле-

дований цензуры, сразу же пришлось заменить новым — «Утренняя звезда». Весной 1919 года первый номер красиво оформленного рукописного журнала «Утренняя звезда» был готов.

В передовой статье его говорилось: «Когда сгущается мрак и начинает дуть холодный ветерок, знайте, что кончается жуткая, темная ночь, знайте, что приближается светлая заря и предвестником лучезарного светила дневного является денница — Утренняя звезда.

Наш журнал... предвестник грядущей зари. Он будет нашей утренней звездой, предвестником настоящего расцвета культуры и свободы».

В журнале были помещены стихотворения, краткие очерки и теоретические статьи об актуальных проблемах общественной и культурной жизни.

В стихотворении «Тесно молодцу» автор призывал к действию, к построению новой светлой жизни, к свободному творческому труду. Стихотворение было проникнуто идеей дружбы с русским народом, с советской Москвой. Там, говорит автор, —

«...встретятся нам товарищи,
други вольные да разумные.
Мы им руку дадим — побратаемся,
с ними хлеб разделим — горе, радости».

На страницах первого номера журнала был опубликован художественный очерк члена кружка Н. Татузовой, который разоблачал изменников народа, представителей меньшевистской власти. Обращаясь к ним, один из героев очерка — изнуренный непосильным трудом молодой рабочий говорит: «Вас ли я встречаю в чинах, в орденах, тех, кто еще с ученической скамьи кричал «мы все братья, мы будем работать вместе с пролетариатом»? О! вы удивительно много поработали для себя, но не для пролетария. Порабощали народ, выжимали последние средства к их неприглядной жизни, высасывали последние их слабые силы. Теперь же, гордые своими

чинами и капиталами, презрительно отзываетесь об этой толпе, которая по своей слепоте дала вам возможность еще больше грабить и уничтожать себя».

В журнале особое место занимает довольно большая статья под заголовком «Две культуры», в которой автор подвергает буржуазную культуру серьезной критике, основанной на марксистско-ленинском учении о классах. В заключение статьи автор особо подчеркивает неизбежность гибели капитализма и победы социалистического строя.

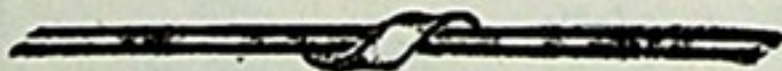
На страницах журнала также была помещена статья под названием «Революция и средняя школа».

Журнал «Утренняя звезда» находился в читальном зале Телавской общественной библиотеки. Слух о том, что выпущен большевистский журнал, с которым можно ознакомиться в библиотеке, быстро распространился в городе. Журнал передавался из рук в руки до тех пор, пока меньшевики, в поисках журнала, не нагрянули в читальню. Но обнаружить его не смогли — журнал был надежно спрятан. Была разгромлена гимназия, начались репрессии. Но это лишь усилило революционное движение молодежи.

Осенью 1919 года кружок «Восход» превратился в боевую комсомольскую ячейку, каких тогда было уже немало в Телавском уезде. А в мае 1920 г. был создан Телавский уездный комитет комсомола.

Активисты — Гига Абесадзе, Захарий Абуев, Григорий Арутюнов, Арчил Бугдиашвили, Алексей Имедашвили, Георгий Читаладзе создали и возглавили новые комсомольские отряды в селах Напареули, Пшавели, Руиспири, Гавази, Кварели, Шилда, Ахали Сопели, Осиаури.

В феврале 1921 года комсомольцы Телавского уезда, как и вся молодежь Грузии, принимали самое активное участие в вооруженном восстании трудящихся Грузии против меньшевистского правительства в борьбе за установление Советской власти.

Серги Чилая

Тбилиси в грузинской поэзии

Столица Грузии — ровесница грузинской литературы, колыбель грузинской письменности. Здесь, на тбилисской земле родилось первое грузинское художественное слово.

История грузинской литературы тесно переплетена с историей Тбилиси. По мере роста города росли слава и величие грузинской литературы. Тбилиси питал ее своей красотой, она же, черпая в жизни Тбилиси свое вдохновение, делала красоту и своеобразие города всеобщим достоянием.

Прежде всего столичный город любой страны, любого народа, является родной матерью литературы данного народа, и ни в чем так колоритно не выражены характер и дух нации, как в столице. Париж, например, предстает перед нами со всей ясностью благодаря именно французской литературе, чьи герои являются героями самого Парижа.

Величайшие памятники русской литературы посвящены красоте и славе Москвы и Ленинграда, ибо в этих городах было рождено и выпестовано художественное слово русского гения.

Тбилиси — столица Грузии — неизменный центр экономики и культуры нашего народа. Много раз сгу-

щались над Тбилиси тучи, много раз шли на него враги, много раз опустошали, разоряли и разрушали город дотла, сравнивали с землей. В мире нет, пожалуй, другого города, который пережил бы столько разрушений, сколько пережил Тбилиси. Но и разрушение разрушению рознь. Немало ровесников Тбилиси подвергалось зверским нашествиям и разорениям врагов, но в них все же оставались уцелевшими многие памятники и архитектурные сооружения. Совсем иначе сложилась историческая судьба Тбилиси. Варварские полчища буквально превращали в прах и пепел сооружения города.

Однако это не сломило грузинский народ. Он упорно восстанавливал свою столицу, заново строил ее, придавая ей еще более красивый вид и еще больше укрепляя ее мощь.

Грузинская литература сохранила потомкам картины города на многих этапах его жизни, картины, по которым мы можем создать себе представление об его историческом прошлом.

Описания столицы Грузии находим мы в древнейших памятниках грузинской письменности. Ее славят летописцы, ее красоту воспевают поэты. В ней видят они символ мощи родной

всех косила их орда...

2

Но будучи великим реалистом, Акакий Церетели не поставил здесь точку. Нет, битву на Крцанисском поле он счел поворотным пунктом новой истории Грузии, узрев в ней новую перспективу для родной страны. Поэт заключает:

Тут был перевал пограничный. Он свяжет
Столетье бывшее с другим поколеньем.
Дорогою новой легла эта пажить,
И станет она мертвецов воскресеньем.

Здесь гибли отцы наши честно и смело.
И в миг, когда смертью смежались их
вежды,
Иная мечта их душою владела,
Иные баюкали сердце надежды.

И знали отцы, что последняя ныне
Приносится жертва во имя свободы,
Что станет христова завета твердыней
Навеки союз двух великих народов,
Что этот союз нерушимым пребудет,
Грузинский и русский народы, вы —
братья!..

Своеобразную прелесть придает Тбилиси его географическое расположение. К широким проспектам и набережным спускаются с гор — в старой части города — узкие, изогнутые, подобно стволу виноградной лозы, улочки, а в новой — широкие и ровные улицы. Но гордостью Тбилиси был и остается проспект Руставели. И не удивительно, что грузинские советские поэты неоднократно воспевали его красоту. Особенно следует отметить стихотворение безвременно ушедшего от нас поэта Ладо Асатиани:

Он носит имя Руставели,
Дворцов шеренгой обрамлен.
К нему все улицы гурьбой
Стремглав стремятся на поклон.

Каждая из этих улиц имеет свою собственную замечательную историю. Каждая из них пережила свою горечь и свои невзгоды. О своем тяжелом прошлом хотят они поведать проспекту Руставели, рассказать о том, что

В огне, в пожарищах пылали
Дома, дворцы, как сена стог.
И жалоб улица Вахушти
Несет исписанный листок.

За улицей Вахушти следуют улицы Бесики, Чахрухадзе, Шавтели, Чавчавадзе, Церетели. Все они, —

говорит далее поэт, — благоговеют перед своим собратом — проспектом Руставели, обходят его с трепетом, с почтением...

Советская власть изменила не только облик улиц Тбилиси — она совершенно изменила и ландшафт окрестностей города. Окрестности столицы стали еще более привлекательны своей красотой, богатством естественных красок. Таков район Ортачала со своими садами, ущелье Куры и другие окраины. Неутомимая десница труженика утолила жажду пустынь, перестроила природу и создала Тбилисское море, придавшее новый блеск столице Грузии. Это хорошо выразил поэт Хута Бериулава в своем стихотворении «Разговор с потомком у Тбилисского моря»:

К грядущему летят мои мечты,
И тех людей я воспеваю ныне,
Которым в этой выжженной долине
Протянут ветви алых роз кусты.

Мой дальний друг! Когда на этом море
Встречать ты будешь с милою своей
Самгорские фиалковые зори,
Встающие над зеленою аллей,

Когда волна, замкнувшись над заливом,
Исчезнет вновь, оставив пенный след, —
Скажи тогда: «О времени счастливом
Мечтали здесь поэты прежних лет».

За годы Советской власти изменилось все содержание жизни тбилисцев. Сбылось то, о чем на протяжении многих столетий мечтали лучшие сыны Грузии, — Тбилиси обрел счастливую жизнь. Однако счастье не пришло само по себе, оно было завоевано тяжелой борьбой и неустанным трудом, которыми полна вся многовековая история трудящихся Тбилиси. Как правильно замечает молодой поэт Акакий Гецадзе, «разбивая врага и супостата, грузинский крестьянин одновременно потом и кровью строил свою столицу».

Грузинская поэзия во многих произведениях запечатлела героическую историю борьбы трудящихся Тбилиси за дело рабочего класса. Еще в 60-х годах прошлого века в поэзии и прозе Ильи Чавчавадзе и Акакия Церетели были четко сформулированы мотивы социальной борьбы. Так, в стихотворении «Муша», написанном в 1860 году, Илья Чавчавадзе, говоря о судьбе тбилисского рабочего, на-

рисовал ужасающую картину его социального угнетения:

В знойный день, в Тбилиси, около базара
Проходил я часто. Черный от загара,
У стены лежал ты, брат мой

несчастливый.

Сердце надрывал мне твой напев

тоскливый.

Жизнь твою прочел я в этих скорбных
звуках —

Труд во имя хлеба в горестях и муках...

Еще большей поэтической силы достигло изображение тяжелой жизни труженика в поэме Ильи Чавчавадзе «Видение». В этой поэме, однако, поэт-реалист выразил и надежду, что цепи рабства, сковывающие жизнь трудового народа, должны скоро разбиться, и что труд будет освобожден из-под неволи.

Верная эстетическим принципам великих грузинских поэтов-шестидесятников, грузинская поэзия второй половины XIX века стремилась полно отобразить ту борьбу, которую вели трудящиеся Грузии, в том числе и тбилисские рабочие, за уничтожение социального неравенства и классового угнетения. В последнее десятилетие прошлого века, когда во всю ширь развернулось революционное рабочее движение, в грузинской литературе, в частности в поэзии, нашли яркое отражение социальные мотивы, чувства и мысли пролетариата, вступившего на путь классовой борьбы.

В творчестве Иродиона Евдошвили впервые появился образ борца из рядов рабочего класса. Революционная поэзия этого замечательного поэта является детищем тбилисского рабочего класса, а Иродион Евдошвили — его страстным певцом и трибуном. В начале 900-х годов и, особенно, в 1905 году стихи его распевались на улицах столицы Грузии рабочими-демонстрантами наряду с «Марсельезой».

Вперед, вперед, друзья, стремитесь,
Без дрожи в сердце — все вперед!
Пусть кровь течет и пот струится,
Век не забудет вас народ...

Стихи Иродиона Евдошвили будили сознание тбилисских рабочих, призывали их к решительной схватке с царским самодержавием и капитализ-

мом. В пламенных произведениях Евдошвили с предельной силой были отражены боевые настроения и чаяния тбилисского пролетариата.

В стихотворении «На могиле героя» поэт писал:

Нет, сила — в подвиге прекрасном!
Хвала идущим в смертный бой
Под нашим стягом, стягом красным, —
Не дрогнувшим перед борьбой!

Мсть беспощадной будет наша.
Нас не склонить ярму судьбы.
По край полна страданий чаша.
Ударим в колокол борьбы!

Победоносное революционное движение на Кавказе превратило столицу Грузии в город революции. Тбилиси был не только центром экономической, политической и культурной жизни Грузии, но также и знаменосцем братства и дружбы народов. Здесь, в Тбилиси, в совместной героической борьбе с самодержавием еще больше окрепла дружба рабочих — грузин, армян, азербайджанцев, представителей других национальностей. Великую освободительную борьбу народов Кавказа здесь возглавляла славная плеяда ленинской гвардии — И. В. Сталин и М. И. Калинин, Степан Шаумян и Нариман Нариманов, Ладоев Кецохели и Александр Цулукидзе, Миха Цхакая и Филипп Махарадзе.

Столица Грузии законно гордится своими славными революционными традициями.

Грузинская поэзия воспевала и воспекает те места Тбилиси, которые связаны с его славным революционным прошлым, — будь то очаг революционного движения в Грузии — паровозоремонтный завод или знаменитая авлабарская типография, доносившая до рабочих голос правды, боевые призывы партии большевиков, будь то Нахаловка, несколько раз подвергавшаяся разорению, но тем не менее не отступившая ни на шаг от своих революционных позиций, или окрестности Соленых озер, где тбилисский пролетариат впервые поднял первомайское знамя, знамя международной солидарности рабочего класса. Этот важный этап истории революционной борьбы пролетариата Грузии ярко запечатлен в стихах Гр. Абашидзе, Ал. Гомиашвили и других грузинских поэтов.

Грузинская советская поэзия полным голосом воспекает революционное прошлое Тбилиси, его шумные улицы, которые были перерезаны баррикадами, наполнены гулом рабочих демонстраций, рисует образы славных борцов-пролетариев, составивших против самодержавия и капитализма.

Эта борьба за свободу составляла главный пафос вдохновенной поэзии Георгия Кучишвили. С какой любовью описывает он улицы, на которых принял боевое крещение тбилисский пролетариат!

Я улицы тбилисские люблю.
В них,
в каждой,
вижу я
борьбы дорогу...

С начала XX века революционное движение в Грузии развернулось особенно широко. В него втянулись рабочие тбилисского трамвая, железнодорожного узла. Начались революционные выступления в центре города, а затем, когда в кипучие боевые дни 1905 года революционными баррикадами покрылись улицы Нахаловки и Дидубе, они охватили весь город.

Героизму этих незабываемых дней воскресил в одном из своих стихотворений поэт Карло Каладзе:

Я полюбил людей,
которые под пулей
Решали
судьбы
сел и городов,
И на мозолистых ладонях
в карауле,
Как яблоки,
подкидывали бомбы у костров.

И Ленин с ними был.
Он с ними был в подполье,
В тяжелых битвах на большом пути,
На улицах Тифлиса
он взмывал на волю
Горячим кумачом,
согретым на груди.

И в самой гуще дней
над городом Тбилиси
Он небо приподнял
крутым движеньем плеч,
И под рукой,
простертой в голубые выси,
Течет грузинская
восторженная речь.

Коммунистическая партия привела грузинских трудящихся к победе, к новой счастливой жизни. 25 февраля 1921 года тов. Серго Орджоникидзе телеграфировал в Москву Ленину и Сталину: «Над Тифлисом реет Красное знамя Советской власти. Да здравствует Советская Грузия!»

Советская власть полностью изменила облик Грузии, как и других братских республик нашей страны.

Помолодел древний Тбилиси. Никогда за все полторы тысячи лет своей истории он не был таким красивым и нарядным, как в наши годы, годы Советской власти. Еще в 1926 году поэт Алио Мирцхулава (Маша-швили) писал:

О Грузия, гордишься ты победой,
За волю долго ты борьбу вела.
Про новое рожденье
Всем поведай,
Которое ты ныне
Обрела!

В поэтическом творчестве многих современных грузинских поэтов тема невиданного расцвета столицы Грузии занимает исключительное место.

Иосиф Гришашвили — уроженец Тбилиси. Здесь получил он начальное образование и здесь же начал литературную деятельность. Лучшие его поэтические творения навеяны чувством беспредельной любви к столице Грузии, чувством высокой гражданской гордости:

И если к древностям забытым
Я нежности тебе придам,
Легко поймешь, каким магнитом
Притянут я к его вратам.

До революции лирические стихотворения И. Гришашвили, посвященные изображению бытовых картин старого Тбилиси, носили несколько экзотический характер. Исани, «Татрис фолорци» (татарская улица), Ашпашхана, Шайтан-базар, Нарикала, Крцаниси в его описаниях дышали ароматом романтизма. В стихах И. Гришашвили оживлен был старый тбилисский быт. Поэт словно воскрешал картины старого Тбилиси в памяти тех, кто не знал его в прошлом.

Ты прочитал иероглифы,
И хроники тебе дались,
А видел ли какой олифой
Старинный выкрашен Тифлис?

Все глубже ощущая мощь и красоту расцветшего за годы Советской власти нового социалистического города, поэт изменил свое отношение к отображению бытовых картин и старого Тбилиси. Наступило обновление и в поэтической биографии самого И. Гришашвили, наступил тот новый этап его творчества, начало которого относится к стихотворению «Прощание со старым Тбилиси». Поэт расстался в нем со старым Тбилиси, преисполненный глубокой веры в прекрасное будущее любимого города.

Тбилиси древний мой, — сомненьям
Нет доступа на этот раз.
Расстанемся и путь изменим,
Прощай! Будь счастлив! В добрый час!

Талантливый поэт со всей искренностью приветствовал рождение нового Тбилиси:

От Майдана до Кабахи
Слава мне ль не дорога? —
Шелестят победно флаги,
Как напев Саят-Нова.

Над Курой Нико¹ не ропщет,
Жизнь печалей не сулит.
Крови родина не точит,
Рана Картли не болит.

Поэт прямо заявил: «На что же дар поэта Гришашвили, если он не будет петь о новой чудной эпохе?» И в последующих, полных поэтического пафоса стихах — «Сталинская гора», «Кировский парк», «Григол Орбелиани на Комсомольской аллее», «Площадь Ленина», «Мой Тбилиси» и др. он с неподдельной искренностью и глубокой любовью рисует картины новой жизни столицы Советской Грузии — Тбилиси.

Стихотворение «Площадь Ленина» И. Гришашвили заканчивает словами:

Возрадуйся, поэт!..
Ликующее слово
В глубинах трепетных
своей души найди,
И родину прославь,
прославь Тбилиси новый
Звнящей песнею,
Идущей из груди!

¹ Имеется в виду грузинский поэт XIX века Н. Бараташвили.

Немало стихов, посвященных Тбилиси, его достопримечательным местам — Мтацминде, Нарикале, Кабахи, Крцаниси, и в творчестве Георгия Леонидзе. Поэтом созданы стихотворения, в которых поэтическим словом оживлены картины из истории Тбилиси, прежде запечатленные в летописи Грузии — «Картлис цховреба», а также картины Тбилиси времен Саят-Новы.

Но особая сила чувствуется в стихах Г. Леонидзе о новом социалистическом Тбилиси. Могучий оптимизм и мужественный голос поэта придают им необычайную прелесть и силу воздействия.

Так, воодушевленный новой красотой столицы Грузии, поэт восклицает:

Люблю отрадный голос твой,
Твой клич я слышу боевой,
И вижу я с горы Мтацминда
Величие земли родной.

Кипи, Тбилиси, веселись!
Ты, как знамен парчовый пламень,
Что над тобою вознеслись.

Весьма своеобразно и оригинально живописует Тбилиси, его улицы и площади, жизнь, быт и труд тбилисцев поэт Симон Чиковани. Он, как никто другой, умеет в каждой детали подметить ее сокровенный смысл, дать общую живописную картину большого дыхания. Эта особенность его мастерства помогает поэту воспроизвести картины не только современной бытовой и духовной жизни Тбилиси, но и заглянуть в завтрашний день еще более светлой жизни нашей столицы. Примечательно в этом смысле стихотворение С. Чиковани «Студенческий городок»:

Там городок по имени Ваке,
И в городке, похожие на улы,
Дома стоят —

они на ветерке
Сияющие окна распахнули.
Я о прошедшем думы оборву,
Туда по склону горному сойду я.
И, захмелев от счастья,
наяву
Свою весну увижу молодую.

Свою мечту увижу, ту мечту,
Которая цвела, не увядая,
Ее на лицах юных я прочту,
Она живет, как прежде, молодая.

Пред ней когда-то повернули вспять
Все горести безрадостного детства,
И от ее крылатого соседства
Я нынче юным сделался опять.
И городок по имени Ваке
Передо мною двери отворяет.
С грядущим он знаком накоротке,
Оно его конспекты проверяет.

.....
И я влюбляюсь в этот непокой,
В дома новоотстроенные эти.
И зодчие уверенной рукой
Ведут Ваке по направлению к Цхнети...

Грузинские поэты всегда, на протяжении почти пятнадцати веков, соревновались друг с другом в отображении художественным словом величия и красоты родной столицы. Но кто внимательно проследит за развитием нашей литературы с этой точки зрения, тот согласится с нами в том, что в течение всего этого времени не написано о Тбилиси столько стихов, сколько написано в нашу советскую эпоху. Тут мы имеем дело не только с количественными показателями. К чести нашей советской поэзии, следует отметить, что ни в какие другие времена, ни в какую другую эпоху не воспевалась жизнь Тбилиси так многокрасочно и с таким воодушевлением, как в наше советское время.

Да, Тбилиси всегда был предметом глубоких раздумий, мыслей и забот, источником вдохновения грузинских поэтов. Однако это «трепещущее сердце Грузии», повторяем, никогда не воспевалось так многообразно, как в советской поэзии.

Прославляя подвиги и трудовой героизм его рабочих и ученых, живописцев и архитекторов, людей творческого труда и беспокойной мысли, грузинские поэты создали целый ряд действительно великолепных произведений. Не удивительно, что поэт Ал. Абашели назвал Тбилиси «воплощенной мечтой труда».

Тбилиси претерпел немало невзгод и страданий. Много крови было пролито нашим народом во имя спасения города от варварских нашествий иноземных захватчиков. Многовековая история Тбилиси помнит не много мирных дней... Только Советская власть принесла спокойствие и мир древнему городу, обеспечила мирный созидательный труд его жителям. И когда в памятном 1941 году на нашу страну напали фашистские орды, когда в 1942 году Тбилиси переживал

воистину трудные дни — захватчики рвались к горам Кавказа, — все жители столицы Грузии в едином порыве поднялись на защиту родного города.

В грузинской поэзии этого периода большое место вновь заняла историческая тематика. Грузинские поэты вновь обратились к истории Тбилиси, истории, питавшей боевой дух народа. На ее фоне писали они красочную картину того бесстрашия и мужества, которые проявляли грузинские воины в борьбе с жестоким врагом.

В эпоху Великой Отечественной войны патриотическая тематика приобрела яркое звучание. Примечательны в этом смысле поэма Ираклия Абашидзе «От чего спасся Тбилиси», а также целый ряд его лирических стихотворений, посвященных Тбилиси.

Расцветом родного города, красотой его улиц и садов, аллей и парков, цветников и площадей, всеми своими трудовыми победами тбилисцы, как и все советские люди, обязаны Коммунистической партии. В знак великой любви к родной партии присвоили тбилисцы имя В. И. Ленина красивой площади города, на которой сооружен памятник великому кормчему революции.

А. Мирцхулава в стихотворении «Памятник В. И. Ленину» сказал:

На пьедестал он вознес свое знамя,
Солнце с Куры отражения мечет,
Это лишь площади разве название?
Это всей Картли широкие плечи.
В жаркой борьбе и труде беспрестанном
Правду и счастье ковал он народу,
И повторяет народ благодарный:
«Ленин великий принес нам свободу!»
Ленина мысли живут и поныне,
Нас согревают живительным светом,
Мы бы хотели, чтоб с горной вершины
Памятник Ленина слал нам приветы.
Враг никогда не достанет рукою
Памятник Ленина. — Он, словно пламя.
Пусть над Тбилиси, над всею страной,
Реет бессмертное Ленина знамя!

Следуя за Москвой, Тбилиси соревнуется в труде и с нею и со столицами братских республик.

Поэт Иосиф Нонешвили пишет:

Своих детей заботой окружая,
Во всем держа равнение на Москву,
Ласкаешь ты колосья урожая
И садоводов учишь мастерству.

И у порога Родины в дозоре,
Где с гор потоки падают, бурля,
Твои восходят над бойцами зори,
Рассвеченные звездами Кремля.

С чувством огромной любви обращаются к столице Грузии не только те поэты, которые именно здесь ведут свою творческую работу, но и те, которые живут и занимаются литературной деятельностью в других городах Советской Грузии. В любви к Тбилиси с тбилисскими поэтами как бы соревнуются батумские, сухумские, кутаисские, сталинские и горьские поэты. Сухумец Ш. Акобия в стихотворении «В Тбилиси», батумец Г. Салуквадзе в «Песне о Тбилиси», А. Гурджидзе, О. Мампория, Р. Асав, Г. Самхарадзе, Н. Малазония и другие выражают чувства глубокой любви к Тбилиси.

Среди стихов этих поэтов особенно следует отметить стихотворение «Я не гость твой», принадлежащее перу Фридоны Халваши:

Перед тобой стоял я молча, словно
Онемевшая любовь юнца.
Я не гость.
Я сын Тбилиси кровный,
Сын, пришедший навестить отца.

Без тебя я тосковал веками,
Защищал тебя у серых скал,
О тебе мечтал я все упрямей..
Сын отца родимого не знал.

Стал Хиханской крепостью суровой,
В Марадиди пытки претерпел,
Чтоб твое не умирало слово,
Чтоб Тбилиси жил, любил и пел.

Гибли люди, и дома горели,
И в Чорохи кровь лилась моя.
Оттого, наверно,
у форели
В кровяных накрапах чешуя.

И твою держала книгу, плача,
Мать родная,
от тебя вдали..
Я — волна твоей Куры горячей,
Горсть грузинской дорогой земля.

Я стою перед тобою, словно
Первая, безмолвная любовь.

Я не гость, я сын Тбилиси кровный,
Я стихи принес Тбилиси вновь.

Много гостей побывало в нашей
столице из-за рубежа. Немало восторженных речей сказано ими о красоте Тбилиси, о радостной, счастливой жизни, о молодости древнего города.

Тбилиси радушно принимает гостей. Об этом говорят стихотворения Ладо Сулаберидзе — «Одна ночь в гостинице «Интурист», Вахтанга Надарейшвили — «В Тбилиси» и другие. Встречу тбилисских школьников с борцом за мир Раймондой Дьен описал поэт Реваз Маргиани:

Смеялся стройный тополь на ветру,
Раскинув над детьми шатер веселый.
И девочки Раймонду, как сестру,
Грузинской песней встретили у школы.

И тот напев со школьницами в лад,
Не зная слов, Раймонда подхватила,
Он был, как голубь, нежен и крылат,
В нем сочетались красота и сила.

А девочкам подумалось, что ей
Знаком язык,
знаком напев крылатый,
Что из Москвы на родине своей
Она его слышала когда-то.

Когда для мира песня рождена,
И смысл ее
с идеей Мира дружен,
Понятна всем становится она,
Как то, что Мир повсюду людям нужен.

Замечательные песни слагает грузинский народ о Тбилиси!

Красота и своеобразие изогнутых улиц и подъемов старого города, раздольно раскинувшиеся новые районы с университетом и институтами, заводами и фабриками, бульварами и парками, скверами и садами, величественная Мтацминда и шумная Кура всегда были и будут источником вдохновения музыки грузинской поэзии. Стихи грузинских поэтов о Тбилиси составляют золотые страницы грузинской литературы.

В. Г. Белинский и грузинская литературная критика

Русско-грузинские литературные связи — одна из замечательных страниц истории дружбы двух братских народов. Истоки этих взаимоотношений уходят в глубь веков. В XVIII веке они значительно ширятся, а с начала прошлого столетия начинается новый этап в культурном сближении России и Грузии. И в этом отношении особую роль сыграли шестидесятые годы, которые были годами подъема и расцвета грузинского художественного реализма и публицистики.

Произведения Белинского, Чернышевского, Добролюбова и Герцена являлись животворным источником, из которого грузинские деятели черпали материалистические идеи и использовали их в борьбе против консервативно-идеалистических воззрений. В частности, большое влияние на развитие грузинской литературы и публицистики оказали критические, эстетические и философские воззрения В. Г. Белинского. Целое поколение грузинских общественных деятелей, внесших неоценимый вклад в сокровищницу национальной культуры, во многом обязано бессмертным творениям великого русского критика.

С большой любовью к наследию Белинского относился Акакий Церетели, эстетические идеалы которого основывались на реалистическом понимании искусства. Великий грузинский поэт называл Белинского «замечательным» критиком и мечтал о

том, чтобы и в Грузии имелся бы гений критической мысли, подобный Белинскому.

Крупнейший грузинский мыслитель и критик Нико Николадзе усматривал в личности Белинского не только умственную мощь русского народа, но и его нравственную чистоту. В одной из своих статей, в которой Н. Николадзе, касаясь назначения писателя, ставит вопрос: почему всем нам так дорого воспоминание о Белинском, — говорится: «В память народа писатели врезаются не только тем, что они внесли нового в его сознание, но в особенности тем, что они улучшили его судьбы, нравы и воззрения. Лишь те писатели, которые содействовали прогрессу своей страны, которые радели о ее благе, болели ее печальями и радовались ее радостями, памятливы и дороги ей»¹.

О Белинском, как о великом мыслителе, революционере-демократе, писал выдающийся грузинский педагог Яков Гогебашвили.

«Наши патриоты, — писал Яков Гогебашвили, — ...мечтают о том же, чего бы желали, если бы действовали в нашей стране, Белинский, Добролюбов, авторы романов «Кто виноват?» и «Что делать?», Щедрин и другие».

Однако наиболее тесная связь с

¹ Н. Николадзе. «На праздники», «Новое обозрение», № 2285, 1890 г.

философскими и литературными взглядами великого критика несомненно обнаруживается у знаменосца и вождя грузинских шестидесятников — Ильи Чавчавадзе, который не только оригинально обосновал отдельные положения Белинского, но в ряде случаев развивал их применительно к конкретным условиям общественной жизни и литературной борьбы в Грузии. Недаром идейные противники И. Чавчавадзе, рьяно отстаивавшие отживающие позиции, саркастически писали о нем, подчеркивая, что И. Чавчавадзе «снарядился в Петербурге, как Дон-Кихот... Вместо щита он держал том Белинского...» Еще в период пребывания в Петербурге И. Чавчавадзе глубоко изучил наследие Белинского и широко использовал его в процессе выработки собственной эстетической концепции. И. Чавчавадзе не только опирался на теоретические и эстетические принципы Белинского, он использовал опыт литературной борьбы В. Г. Белинского в дискуссии с консерваторами — так называемыми «отцами» — по поводу конкретных историко-литературных вопросов. В частности, И. Чавчавадзе вел такую же непримиримую борьбу против всего отсталого и обветшалого в грузинской литературе, как это делал Белинский в России.

Характерно, что одной из ответных статей «отцам» И. Чавчавадзе предпосылает пространную цитату из Белинского: «Из нашей литературы хотят устроить бальную залу и уже заывают в нее дам; из наших литераторов хотят сделать светских людей в модных фраках и белых перчатках, энергию хотят заменить вежливостью, чувство — приличием, мысль — модною фразою, изящество — щеголеватостью, критику — комплиментами».

В этой же статье Илья Чавчавадзе советует своим противникам «рассмотреть статьи Белинского», для того, чтобы серьезно разбираться в литературных вопросах.

Вступив на арену литературно-общественной деятельности, И. Чавчавадзе сразу же осудил, с одной стороны, схоластическое, ложноклассицистическое направление, а с другой стороны, — sentimentalную школу. Отрицание И. Чавчавадзе

сентиментализма и псевдоклассицизма обосновано как историческими традициями грузинской литературы, так и основными положениями материалистической эстетики Белинского.

С общей оценкой sentimentalного направления связано и отношение И. Чавчавадзе к видному представителю этого направления Карамзину. Представители враждебного И. Чавчавадзе лагеря упрекали его в том, что он отрицает значение Карамзина как поэта. В ответ на это И. Чавчавадзе, подчеркивая слабость поэзии Карамзина, пишет: «Направление его (Карамзина) произведений отрицается, и если его имя произносится с гордостью, то это потому, что он первый начал работу по возрождению русского языка и первым разработал историю своей страны. Вот какое значение имеет Карамзин для России»¹.

Эта оценка абсолютно совпадает с мнением Белинского о Карамзине.

И. Чавчавадзе не расходился с Белинским и в оценке Хераскова и Сумарокова.

Близость воззрений И. Чавчавадзе и Белинского сказалась не только в понимании историко-литературных вопросов. Она проявилась и в решении этими двумя замечательными мыслителями многих кардинальных философско-эстетических вопросов.

Как известно, великой заслугой Белинского явилось то, что он, впервые за всю историю русской критической мысли, указал литературе реалистический путь развития, решительно осудил принцип «чистого искусства», признал литературу одной из форм отражения действительности. «Отнимать у искусства право служить общественным интересам, — писал он, — значит не возвышать, а унижать его, потому что это значит — лишать его самой живой силы, то есть мысли, делать его предметом какого-то сибаритского наслаждения, игрушкой праздных ленивцев»².

Аналогичную мысль о природе искусства и о его назначении высказы-

¹ И. Чавчавадзе. Собрание сочинений (на груз. яз.) т. 4, стр. 60, Тбилиси, 1953 г.

² В. Белинский. Избранные сочинения, стр. 585, Москва, 1947 г.

вает И. Чавчавадзе: «Мы очень хорошо понимаем отношение искусства, поэзии к жизни народов, — пишет он. — Поэта рождает народ, он же вскармливает его, на этом основании говорят, что поэзия выражает жизнь народа. Сперва народ должен выработать свою духовную природу, привести в движение жилу бессмертия, подготовить своей жизнью материал, и только потом, само собой, без всякого повелевания могучий дух гения мощно отзовется на развитие народа»¹.

Как известно, в истории русского эстетического мышления Белинский первый указал на образность, как на специфику искусства. Гениальный русский критик так сформулировал свой взгляд на специфику искусства: «Философ говорит силлогизмами, поэт — образами и картинками, а говорят они оба одно и то же»².

Илья Чавчавадзе также рассматривал искусство как мышление в образах. В этом отношении он определенно и твердо стоит на позициях реалистической эстетики.

В теории искусства одно из важнейших мест занимает вопрос о типическом. В этом отношении достойны особого внимания замечательные мысли Белинского о типическом в литературе и искусстве: «Портрет, чей бы он ни был, не может быть художественным произведением, ибо он есть выражение частной, а не общей идеи, которая одна способна явиться типическим; но лицо, в котором бы, например, всякий узнал **скупого**, есть идеал, как типическое выражение общей родовой идеи скупости...»³.

Уточняя свою мысль, Белинский пишет в другом месте: «Поэт должен выражать не частное и случайное, но общее и необходимое».

В одном из фрагментов об искусстве, написанном в 60-х годах, И. Чавчавадзе так решает проблему типического: «Что такое искусство? Что такое наука? — спрашивает он и тут же отвечает: — Начнем с искусства. Допустим, вы идете и ви-

дите статую, высеченные из мрамора человеческое лицо и фигуру. Если эта статуя подлинное произведение искусства, то она постепенно будет притягивать вас, потому что в мраморе ощущается мысль, которую заключил в него... скульптор. Удивительно, каким образом камень, каменное изваяние так ясно передало вам мысль ваятеля?... И в этом удивительном состоит все таинство искусства. Допустим, что вы в своей жизни встречали героя, величественного, самоотверженного человека. Допустим, что смотря на статую вы вспомнили лицо и фигуру этого человека. Теперь вы пожелаете сравнить статую с обликом того человека, сравнив вы увидите, что статуя похожа на вашего знакомого героизмом, величественностью, самоотверженностью, а в другом они не имеют ничего общего между собой, — одним словом, статуя не похожа на того человека. Теперь вы вспоминаете облик второго героя, величественного и самоотверженного человека, делаете вторичное сравнение, затем третьего, четвертого. И если вы сравните героев, величественных и самоотверженных людей всего мира со статуей, то ни один из них не будет похож на статую и, одновременно, будет чем-то напоминать ее. Это обстоятельство удивляет вас, но удивляться тут нечему. Сходство объясняется тем, что общие черты, которые характерны для всех героев, величественных и самоотверженных людей, запечатлены на этом мраморном лице и поэтому легко поняли мы замысел скульптора. Частные черты, имеющиеся у одного и отсутствующие у другого, не заинтересовали ваятеля, потому они не похожи друг на друга. В зависимости от того, насколько стройно собраны эти общие черты, можно судить о мудрости и умении творца»¹.

Таким образом, И. Чавчавадзе, так же, как и Белинский, одним из главных критериев художественности полагает глубокую реалистическую типизацию.

В другом случае, а именно в четвертом варианте предисловия к повести «Человек ли он?», И. Чавчава-

¹ И. Чавчавадзе. Собрание сочинений (на груз. яз.), т. 3, стр. 60—61, Тбилиси, 1953 г.

² В. Белинский. Избранные сочинения, стр. 586, Москва, 1947 г.

³ В. Белинский. Избранные сочинения, стр. 348, Москва, 1947 г.

¹ И. Чавчавадзе. Собрание сочинений (на груз. яз.) т. 3, стр. 472—473, Тбилиси, 1953 г.

дзе рассматривает тип как объединение характерных человеческих черт в одной личности (в одном индивидуальном образе).

Отрицая принципы «чистого искусства», Белинский, как уже отмечалось, решительно выступал против понимания искусства, как игры, как некоего развлечения.

Не менее решительно отвергает подобную интерпретацию искусства и И. Чавчавадзе. «Наука и искусство, — писал он, — возникли не благодаря упражнениям ума и не для их упражнений: они рождены жизнью и существуют для жизни. Они двигаются вперед вместе с развитием жизни, а затем, в свою очередь двигают вперед жизнь»¹.

В приведенной выше цитате И. Чавчавадзе касается генезиса искусства, вопроса об его социальной функции и рассматривает отношение искусства к действительности.

Взгляды И. Чавчавадзе можно сформулировать в следующих основных положениях: 1) искусство рождается жизнью, оно представляет собой художественное отражение жизни, 2) назначение искусства — служение жизни, 3) искусство — орудие преобразования жизни.

Совпадает у Белинского и И. Чавчавадзе и определение сущности гения. Как известно, Белинский подчеркивал, что гений не опережает свою эпоху, а, напротив, является выразителем ее содержания и стремления. Касаясь этого же вопроса, И. Чавчавадзе писал: «Если он (гений) до сих пор не появился, то это потому, что не было дел достойных его сильной души. Как только появились эти дела, он сразу же расправил свои могучие крылья и засверкал, освещая жизнь... Он объяснит и сделает понятным то, что до его прихода было незнакомым и непонятным для науки»².

Мы не будем останавливаться на других сходных пунктах эстетических и историко-литературных взглядов Белинского и Чавчавадзе (вопрос о народности, проблема особенности поэтического таланта и др.). Отметим только, что литературные принципы,

¹ И. Чавчавадзе. Собрание сочинений (на груз. яз.), т. 3, стр. 64, Тбилиси, 1953 г.

² И. Чавчавадзе. Собрание сочинений (на груз. яз.), стр. 62, Тбилиси, 1953 г.

выработанные Белинским, непосредственно проводились в известной статье Михаила Кипиани «Беседа Спиридона и Тадеоза», опубликованной в 1863 году в журнале И. Чавчавадзе «Сакартвелос моамбе» («Вестник Грузии»). Основательная же редакционная обработка этой статьи, как известно, принадлежит И. Чавчавадзе. В этой статье без каких-либо изменений приведены целые главы из произведений Белинского.

«Сакартвелос моамбе» уделял большое место и рассмотрению взглядов Белинского по другим отраслям общественного познания. (В двух номерах этого журнала помещены, например, переводы статей Белинского, посвященные педагогике).

Все эти факты свидетельствуют о том, что И. Чавчавадзе систематически и глубоко популяризировал идеи Белинского на страницах своего журнала.

Нет никакого сомнения в том, что Илья Чавчавадзе, закладывая основы национально-освободительного движения в Грузии, использовал боевые традиции революционных демократов, и, конечно, Белинского. В этой связи нельзя не вспомнить тезис о значении «народного волнения», выдвинутый на страницах «Сакартвелос моамбе». Журнал этот одобрял итальянское национально-революционное движение гарибальдийцев и выступал в его защиту.

Впоследствии на страницах «Иверии» И. Чавчавадзе неоднократно упоминал Белинского, а в 1891 году опубликовал в «Иверии» несколько его писем.

Все это говорит о том, что идеи Белинского глубоко волновали грузинскую общественность не только в 60-е годы, но и в последующий период. Об этом свидетельствуют и другие факты. Так, например, в 80-е годы на страницах журнала грузинских народников «Имеди» («Надежда») часто упоминается имя Белинского. Особого внимания заслуживает статья С. Чрелашвили, в которой развивается мысль о существовании двух России и о понятии истинного патриотизма. Грузинский публицист противопоставляет бюрократической России Россию прогрессивно-революционную. Вы-

разителем первой он считает черносотенца Каткова и его собратьев, а знаменосцами передовой России — Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева. Грузинский публицист горячо сочувствует прогрессивной России, ее славным представителям — великим русским революционерам-демократам и подчеркивает то обстоятельство, что передовая грузинская интеллигенция всегда находилась и находится в тесной связи с ними.

Концепция С. Чрелашвили — противопоставление монархической России России прогрессивной и объявление Белинского одним из революционных знаменосцев последней — свидетельствует о замечательных демократических традициях грузинской литературы прошлого века.

В 1898 году в журнале «Моамбе» («Вестник») была опубликована статья грузинского критика Хомлели о Белинском. Эта статья была напечатана в связи с 50-летием со дня смерти великого русского критика. Грузинский критик передает не только основные положения эстетической концепции Белинского, но и дает интересный анализ тому сложному и полному противоречий пути философских исканий, который был пройден русским мыслителем.

В самом начале своей статьи Хомлели подчеркивает влияние Белинского на грузинскую литературу и призывает грузинскую интеллигенцию принять участие в юбилейных торжествах в честь великого критика.

Затем Хомлели формулирует критико-эстетические взгляды Белинского. Он защищает великого русского критика от нападок идеалистов-эстетов, обвинявших Белинского в тенденциозности и в ограничении идеи свободы творчества. «Некоторые доктринеры, — пишет Хомлели, — упрекали Белинского в том, что он изменил художественности искусства и погрузился в море тенденций. Конечно, не было никакой измены художественности искусства со стороны Белинского, и, конечно, он не погрузился в море тенденциозности. Некоторые господа считают каждое доброе чувство, помысел и службу делу жизни проклятой тенденциозностью, и по этой причине они недовольно отворачиваются

от отличного писателя. На такие бессмысленные и незначительные упреки вот какой ответ дал критик: свобода творчества вполне соответствует служению современным острым предметам: для этого не нужно насиловать себя, чтобы писать на те или иные темы и мучить фантазию, для этого нужно быть гражданином, сыном своего общества и эпохи, осознать его интересы и соединить стремление души своей к его стремлениям; для этого нужны симпатия, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отделяет дело от веры и произведения — от жизни...»

Хомлели правильно оценил историческую заслугу Белинского перед русской литературой — его активное воздействие на процесс развития русского художественного слова. «...В литературе Белинский оставил такое наследие, — писал он, — без изучения которого нельзя составить правильного понятия о русской литературе... Имена лучших писателей России, которые на протяжении полвека украшают русскую литературу, тесно связаны с именем Белинского. Он первый указал на великое значение Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Гоголя. Он заметил и выдвинул на литературную арену молодых талантливых писателей — Гончарова, Герцена, Достоевского, Тургенева, Некрасова и других. У Белинского было удивительное критическое чутье, сильная любовь к литературе и он всегда быстро подмечал каждое надежное и ясное явление в литературе».

Хомлели подчеркивает использование Белинским диалектического метода. «Последний период литературной деятельности Белинского, — пишет он, — говорит о том, что в его произведениях стал занимать господствующее место исторический и общественный элемент. Таким образом он отверг абсолютические взгляды и встал на почву диалектики».

Заслуживает внимания то обстоятельство, что, рассматривая отношение Белинского к Гегелю, Хомлели осуждает «идеалистическое крыло русской критики» и указывает на независимый путь русской материалистической, эстетической мысли, который складывался по-иному, чем социологические и эстетические системы Западной Европы. Хомлели

ишет, что «идеалистически настроенные литераторы скептически смотрели на русскую критику... Их поглотило море беспочвенного идеализма Гегеля, вернее, «неокантианцев», из которого им не удалось вылезти».

В конце своей статьи Хомлели подчеркивает то обстоятельство, что литературные традиции Белинского были углублены и развиты идеологами революционно - демократического мышления 50-х годов, в частности, лучшим его представителем — Добролюбовым.

Такова та глубокая и многосторонняя оценка, которая давалась наследию Белинского в грузинской эсте-

тике, литературе и общественной мысли прошлого века. Передовые идеи и пламенные устремления Белинского стали близки грузинской литературе.

Грузинский советский народ высоко ценит великое духовное наследие гениального русского критика, который всегда с большим уважением относился к грузинской культуре. Белинский первый указал на те произведения русских классиков, в которых отображены высокие национальные качества грузинского народа, он считал Грузию одним из источников вдохновения русской поэтической музыки.

Грузинские общественные деятели в борьбе за освобождение Н. Г. Чернышевского

Великий русский революционный мыслитель Н. Г. Чернышевский свыше двадцати лет томился в ссылке. Весь русский народ, передовые люди эпохи с глубочайшим сочувствием относились к трагической участи выдающегося сына России, которого царское правительство пыталось заживо похоронить в Сибири.

Карл Маркс, высоко ценя революционную деятельность Н. Г. Чернышевского, считая его гордостью русской нации, ставил перед русскими революционерами вопрос о необходимости его освобождения. Предпринимались попытки организации побега Чернышевского из Сибири, однако все они кончались неудачей.¹ Усилия же семьи и ближайших родственников облегчить участь вождя революционных демократов цинически отвергались царским правительством.

В 80-х годах вопрос об освобождении Н. Г. Чернышевского встал с особой остротой. Самодержавие, перепуганное в этот период нараставшим революционным движением, вынуждено было пойти на некоторые уступки революционной общественности. Чернышевский был возвращен сначала в Астрахань, а потом на родину, в Саратов.

В борьбе за освобождение Н. Г.

Чернышевского активное участие принимали и грузинские общественные деятели — известный публицист и литературный критик Н. Я. Николадзе и профессор И. Р. Тархнишвили. Об истории этого дела Н. Николадзе подробно повествует в своей статье «Освобождение Н. Г. Чернышевского», опубликованной в 1907 году в журнале «Былое» (№ 9)¹.

За участие в освобождении Чернышевского над Николадзе был установлен строгий надзор жандармерии.

Для сбора материалов, связанных с делом освобождения Чернышевского, а также по вопросам издания его сочинений Н. Николадзе обращался к двоюродному брату великого русского революционера — А. Пыпину (1833 — 1904 гг.), профессору, историку русской литературы.

В 1886 году молодой Николадзе намеревался издать сочинения Чернышевского. В связи с этим он поручил своему близкому другу Кириллу Лордкипанидзе, находившемуся тогда в Петербурге, «во что бы то ни стало» достать через Пыпина «список сочинений автора «Что делать?»

¹ Б. Козьмин «Революционное подполье в эпоху «белого террора», 1929 г. стр. 128.

¹ Материалы об этом вопросе опубликованы также в сборнике «Письма русских литературно-общественных деятелей к Н. Я. Николадзе», под ред. В. Шадури, Тбилиси, 1949 г.

и «кроме этого списка... опущенные места».

Н. Николадзе осуществил свое намерение. В 1868 году он издал в Женеве под своей редакцией и со своим предисловием первый том сочинений Н. Г. Чернышевского.

Когда в 1882 году Н. Николадзе хлопотал об освобождении Чернышевского, он вновь обратился к А. Пыпину. Как выясняется, на этот раз грузинского публициста связал с Пыпиным другой грузинский общественный деятель, известный ученый академик Иван Тархнишвили.

24 октября 1882 года И. Тархнишвили писал Н. Николадзе: «Многоуважаемый Николай Яковлевич! Повидать Александра Николаевича Пыпина можете завтра, то есть в понедельник, в 8 часов вечера. Я его предупредил о вашем визите. Адрес Пыпина: Васильевский остров, 1-ая линия, д. № 6.

Готовый к услугам вашим И. Тарханов».

А. Пыпин послал Н. Николадзе необходимые материалы относительно ссылки Чернышевского.

Составленные А. Пыпиным по просьбе Нико Николадзе четыре рукописи о Чернышевском находятся в настоящее время в нашем распоряжении. Первая рукопись заглавия не имеет. Вторая носит название «Биографические сведения о Н. Г. Чернышевском». Третья имеет заглавие «Сведения о семействе и положении Н. Г. Чернышевского» и четвертая — «О литературных трудах Н. Г. Чернышевского».

Упомянутые рукописи являются именно теми документами, которые А. Пыпин предоставил Н. Николадзе по просьбе последнего. Это подтверждается одним из писем Пыпина к Николадзе, в котором он сообщает своему адресату о том, на какие вопросы дает ответы в своих рукописях.

В январе 1883 года А. Пыпин писал Н. Николадзе: «Посылаю Вам ответы. Вопросы Ваши были следующие: 1. Сколько теперь лет как самому Н. Г. Чернышевскому, так и всем без исключения членам его семейства; 2. Когда именно он приговорен, к чему и когда выслан; 3. Где он теперь; 4. Какие последние сведения имеются о состоянии его здоровья; 5. Где проживает, чем занима-

ется и чем существует жена его и дети.

Жалею очень, что эти сведения немного опоздали (как сообщает мне вернувшийся от Вас племянник), но на всякий случай посылаю их Вам. Они весьма точны и вероятно точнее тех, какие Вам дал А. М. Ч.

Я говорил, кажется, Вам, что в случае надобности могу сообщить Вам и подробную записку об его целом деле.

Как желал бы успеха Вашим хлопотам, считаю излишним и говорить. И теперь большое вам спасибо.

Ваш преданный А. Пыпин».

В упомянутых рукописях Пыпина содержится много интересных фактов из литературной деятельности Н. Г. Чернышевского, из его семейной жизни, а также — что представляет большой интерес — важные сведения относительно наказания и ссылки Чернышевского.

Например, в первой рукописи А. Пыпин говорит о методах, к которым прибегла царская жандармерия для расправы с революционерами.

В этой рукописи упоминается избитый провокатор Костомаров, подкупленный жандармерией лжесвидетель и агент. О нем читаем:

«В III отделении появилось показание против Чернышевского от некоего Всеволода Костомарова. Как случилось, что после долгого следствия и суда, в течение которых была возможность таких показаний, и когда даже их искали, мысль об этих показаниях явилась у В. Костомарова только через два года, когда он уже ехал в свою ссылку, мы не знаем, но достоверно то, что ценою показаний он освободился от необходимости отправиться рядовым на Кавказ и остался в С.-Петербурге, где жил на свободе и умер через два три года после ссылки Чернышевского.

Чернышевский в то время рассказывал это родным, которым были разрешены свидания с ним в крепости, шутя, как о вещи слишком ясной и которая не могла казаться ему ни на минуту опасной. Чернышевский считал показания Костомарова наглым и глупым подлогом».

Не менее интересны для изучения деятельности и жизни великого русского революционера отдельные места из других рукописей.

Как уже отмечалось, в получении вышеупомянутых документов и вообще в деле освобождения Чернышевского вместе с Н. Николадзе горячее участие принимал грузинский ученый Иван Тархнишвили. Это не было случайностью. Профессор И. Тархнишвили был воспитан русской наукой, испытывал влияние революционно-демократических идей 60-х годов и был ближайшим другом многих корифеев русской науки, искусства и литературы. В частности, он находился в близких отношениях с Н. Г. Чернышевским и его семьей.

Внучка Н. Чернышевского пишет, что профессор И. Тархнишвили принадлежал к кругу лиц, «окруживших глубокой сердечной добротой и заботой семью Н. Г. Чернышевского после его гражданской казни и ссылки в Сибирь».

Самоотверженная борьба передовых русских людей за освобождение Чернышевского, бок о бок с которыми стояли и передовые грузинские деятели, не прошла бесплодно. В октябре 1883 года Н. Г. Чернышевский был освобожден.

Освобождение Чернышевского Нико Николадзе встретил восторженно, специальной статьей, написанной для тифлисской газеты «Новое обозрение». Царская цензура не пропустила эту статью. Она появилась в печати лишь при Советской власти. В этой статье Н. Николадзе обращался к читателям: «Я бесконечно счастлив, что беседу с вами я могу начать с отрадного в нашей безотрадной жизни события — освобождения Н. Г. Чернышевского... Судьба Н. Г. Чернышевского кошмаром давила совесть всех, кто знал его участь. Она теперь облегчена. И я уверен, что чувством глубокой и неподдельной радости преисполнились при этом известии сердца всех без исключения друзей русского развития и русской литературы».

В свою очередь, Н. Г. Чернышевский с большим вниманием и чуткостью относился к новому грузинскому передовому поколению, представители которого всегда находили убежище в доме великого демократа. Выдающийся русский мыслитель сердечно любил грузинский народ, его культуру, его славную историю.

Еще в молодости Чернышевский интересовался изучением грузинского языка и, как он сам это отмечает в дневнике, внимательно рассматривал в каталогах грузинские книги. На страницах «Современника» в 1885 году Чернышевский печатает рецензию об альманахе, изданном в Тифлисе, и откликается на литературную деятельность грузинских писателей. Чернышевский подчеркивает большое влияние Грузии на творчество русских поэтов.

Передовые мыслители Грузии всегда глубоко чтили гениального сына великого русского народа Н. Г. Чернышевского, как пламенного патриота.

На протяжении всей своей жизни Н. Николадзе боролся за укрепление в грузинском народе патриотических чувств, за связь его судеб с судьбами великого русского народа, с его передовой культурой. Еще в 60-х годах на страницах герценовского «Колокола» он писал: «Идеал лучшего государственного и общественного строя скорее всего может быть осуществлен в России. Россия значительно скорее добьется желаемой цели (то есть построения социализма), чем современное движение в Европе... Связав свою судьбу с судьбой современной России, Грузия скорее доберется до возможного лучшего устройства своего положения, чем находясь в союзе или под покровительством (мы не говорим уже о владычестве) какой бы ни было европейской нации».

Говоря об идейных взаимоотношениях Н. Г. Чернышевского и грузинских общественных деятелей, мы воскрешаем замечательные страницы истории культурных взаимоотношений русского и грузинского народов.

Сегодня мы с гордостью вспоминаем, что и грузинские общественные деятели пламенно стремились способствовать передовым сынам русского народа в их борьбе за освобождение «прикованного к скале Промея» — Н. Г. Чернышевского. Эти традиции высоко ценят и свято хранят все братские народы Советской страны, руководимые и направляемые в своей борьбе за построение коммунистического общества нашей великой и мудрой Коммунистической партией.

Ю. Суровцев

БЛИЗОСТЬ К ЖИЗНИ И ГЛУБИНА ПОЭЗИИ

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

В предыдущей статье неоднократно цитировались стихи грузинских поэтов о весне и молодости. Можно ли писать о весне? Праздный вопрос! Разве есть в искусстве то, о чем нельзя писать? Говоря о весне, можно сказать очень много, а можно сказать лишь: «Травка зеленеет, солнышко блестит...» Вспомните, какую бездну содержания вложил Блок в свой весенний гимн: «О весна, без конца и без края!» Если же говорить о грузинской поэзии, вспомните, как драматически-контрастно переосмыслены «весенние мотивы» в «Весне» Григола Орбелиани, как сильно звучит патриотическая «Весна» Ильи Чавчавадзе; вспомните, наконец, Маяковского, нашедшего гениально емкий, волнующий и точный образ нашей Родины — «весна человечества».

Я уже не говорю о теме любви — вековой лирической теме. Но ведь и здесь, наряду с удачами, наряду с той эмоционально-драматической взволнованностью и точностью, с которой пишут поэты о любви, — приведу хотя бы такой пример искреннего гиперболизма и психологически очень верно переданного чувства ожидания любимого человека из стихотворения Медеи Кахидзе «Где ты?»:

«Ручей дорогу к тебе указал.
Горы объятьями солнце встречали.
Я не хочу смотреть в глаза
Печали.

Поля, искупайте меня в росе,
Покройте меня одеялом трав.
В надежде я выхожу на шоссе,
Бегу по нему стремглав.

Это ты идешь, или солнце
К любимым горам идет?

Неужели трава на склонце
Не с такой же надеждой ждет?
А меня по тебе тоска
Преследует, как из стихов строка».

Перевод В. Ревича.

— в целом сумма мыслей и чувств, ассоциирующихся у наших поэтов с «весной», «любовью» и т. п., пока весьма и весьма незначительна. Читая всевозможные интимные «зарисовочки», воспоминания о первом свидании, упоминания, со вздохом, о глазах и о сердце любимого человека (в первых — я хочу быть отраженной, во втором — я хочу навеки поселиться), бесконечное число раз натываясь на стихи про какие-то неопределенные преграды, преодолеть которые обещает лирический герой, рыцарь сердечной верности, погружаясь в разлитое море такой лирики, хочется воскликнуть, как у Маяковского:

«Любите и Машу
И косы ейные,
Это дело ваше —
Семейное».

Вот одно из стихотворений Отара Мампория: пришла опять весна, я к тебе иду, «как волна, несом рекою»¹, а «далеко берег — на горе», собака там уже не лает, устала лаять, то есть привыкла к моему, значит, постоянству. Ну, велик ли смысл сего стихотворения? Другое: «иду с тобою рядом. оробев»,

¹ Архаическое «несом» — далеко не худшее в переводах А. Старостина, работавшего над сборником О. Мампория. Книга переведена на редкость плохо. (Прим. автора).

дождь льет, но это ерунда, поскольку «все вокруг в мелодию одето», и хорошо было бы вместе идти «до ночи... до рассвета», но дождь кончился, с ним кончается стихотворение:

«Я многое сказать тебе хотел,
Но не успел. Какая жалость!»

Действительно, жалость! Ведь то, что герой успел сказать, — это, мягко выражаясь, немного. Иногда поэту просто изменяет вкус. Третье стихотворение — кошмарная картина: вокзал, который «похож на ад — проклятье!», поезд — «дракон»:

«Он увозил благоуханье
Твоих каштановых волос
И взгляды, молнии сверканье,
И смех твой страшный он увез».

И это есть «чистая» любовная лирика? Нет, товарищи! Любовная лирика — это другое, совсем другое!

«Твоя ль вина, что милый образ твой
Не позволяет мне сомкнуть ресницы
И, стоя у меня над головой,
Тяжелым векам не дает закрыться?»

Твоя ль душа приходит в тишине
Мои дела и помыслы проверить,
Всю ложь и праздность обличить во мне,
Всю жизнь мою, как свой удел, измерить?

О, нет, любовь твоя не так сильна,
Чтоб к моему являться изголовью.
Моя, моя любовь не знает сна.
На страже мы стоим с моей любовью.

Я не могу забыться сном, пока
Ты — от меня вдали — к другим близка».

Вглядимся в строчки этого шекспировского сонета, далеко не самого «общественно-значимого», гораздо более других «интимного». В чем главное обаяние изображенной поэтом психологической ситуации? В том ли, что любящий не может забыть любимую, которая далека от него? Да, здесь есть **обаяние сожаления**: вот я так сильно люблю тебя, а ты — нет; не твоя любовь, а моя собственная не дает мне сомкнуть глаз. Но любовь здесь — глубокое нравственное чувство, это любовь **возвышающая**, перед ее лицом я должен проверить себя: достоин ли, правильно ли живу. Вот ведь **главное**, почему я не могу закрыть глаз; не просто потому, что жду тебя, но потому, что любовь к тебе есть критерий для оценки «дел и помыслов». «Частное» человеческое чувство подни-

мается здесь до высоты разговора о человеческом достоинстве и благородстве — и вот почему стихи эти не умерли, прошли сквозь века.

Пусть поэты пишут о любви (да, поэты будут писать о любви вечно, что бы ни говорили на этот счет любые критики!), но пусть их «песнь о любви» будет не интимной, узко личной, только ему, автору, необходимой песенкой о влечении «какого-нибудь Вовы» к «какой-нибудь Мане» (выражение тоже Маяковского). А иначе мы будем читать Шекспира, Гейне, Пушкина, Баратышвили...¹

...Но тут необходимо иметь в виду возражение, которое может быть выдвинуто против моих рассуждений. «Пусть так, — признает мой оппонент, — пусть поэты только и знают, что писать про весну и любовь, но ведь они это делают искренне, они пишут о том, что ими лично пережито; так и пусть пишут — не толкайте их на путь «неискренней» поэзии...»

Здесь необходимо некоторое отступление.

«Литература отстает от жизни» — очень часто этот тезис употребляется нашей критикой абстрактно: «вообще» литература «вообще» отстает от жизни. Но необходимо учитывать хотя бы то, что у каждого жанра есть **свои законы**, есть **свои связи** с действительностью, а стало быть, и свои формы разлада с нею. Одно дело, поэтому, отставание очерка, другое — драмы, третье — лирики.

Сколько сломано теоретическо-критических копий (и к тем, что покрылись пылью времени, добавляются порой по-

¹ Да не поймет меня читатель так, будто в сборниках поэтов, которые нас интересуют, вовсе нет хороших, по-настоящему содержательных стихов любовной лирики. О том, что есть они у Меден Кахидзе, я уже говорил. Несомненно удачны некоторые стихотворения о любви у Арчила Сулакаури (например, «Ты—море, море и ожиданье!»). А возьмите стихотворение Мухрана Мачавариани «Тишина без тебя» (перевод Е. Евтушенко):

«Я один-одинешенек...
Тайные холоды
пропизали всю душу
до самого дна.
Все журчанья и шелесты,
плачи и хохоты,
если нету тебя,
это все —
тишина».

Здесь поэт тоже поднимается над уровнем жалостного «обыгрывания» любовной неудачи. Разговор о любви становится здесь разговором о полноте жизни, об отношении человека к миру.

04135340
04135340

Послушаем декларации на этот счет

«Я ветрам и птицам внемлю,
Я в стихи вплету
Это небо, эту землю,
Эту красоту.

Если бы на белом свете
Не было меня,
Кто бы пел о солнце, лете,
О тепле огня?»

Н. Киласония.
Перевод Г. Онаиана.

«Все хочет взять с собой и кольчугой
рифм одеть» также и Отар Мампория:

«Как Вардзни плиты, я прожил века,
Орел я, поднявшийся с ледника,
Взлетевший до самой лазури небесной,
Тревожимый думой, волнуемый песней,
Пою соловьем я в стволе тростника...
Садовник я в новых самгорских садах,
И плавильщик стали в руставских печах,
Волна молодая тбилисского моря...»

Перевод А. Старостина.

Такого же рода мотивы («я во всем», «все хочу взять себе в стихи» и т. п.) есть и у Ф. Халваши, и у А. Сулакаури, и у М. Мачавариани.

Правильное стремление? Да, правильное. Особенно хорошо в нем то, что здесь выразилась любовь поэтов к родной Грузии, желание ощутить слитность, неразрывность с нею, с ее красотой, буйной щедростью ее красок. Тема эта достаточно традиционна (не в упрек ей), и пока поэты, о которых идет здесь речь, не внесли в нее сколько-нибудь существенно нового по сравнению с тем, что писали Т. Табидзе, Г. Леонидзе, С. Чиковани, И. Абашидзе и многие другие. Это можно было бы достаточно просто доказать сравнением, но мне не хочется этого делать, потому что сама по себе тема благородна, потому что в стихах, — вот таких, как у М. Мачавариани, например:

«Вот вам утоление
на этой земле —
Вершина Талеби
по поле в заре.
И рядом — лохматой
своей головой
Поводит Бахмаро,
зовет за собой.
Глядите же выше!
В глазах —
рябит!
Вся Гурия дышит,
Как горный родник.
Журчит,
выпрядая
свое колдовство...
К нему припадаю
и пью из него».

Перевод Евг. Евтушенко.

вые, более свежие обломки) вокруг так называемого «лирического самовыражения»! Можно ли свести к нему жанровую сущность лирики: мол, в отличие от эпика, «придумывающего» образы людей, лирик пишет только о переживаниях собственного сердца? Я не хочу уходить из области критики в область прений о литературоведческой терминологии (прений бесконечных и пока мало результативных). Думаю, что бывает по-разному: один лирик, действительно, пишет только о себе, другой не ограничивается созданием одного лишь образа лирического «я». Но очевидна (а для нашего разговора она более всего и важна), следующая истина: не то главное, кто говорит, а то, что говорится. И вопрос об этом «что» гораздо важнее вопроса об искренности лирики. Необходимость искренности в литературе — это такая же бесспорность, как, скажем, необходимость грамотности. Может быть, стоит и писать об этом, когда видишь, что в тех или иных произведениях нет того или другого качества (хотя, честно говоря, трудно себе представляешь, как это можно доказать, что вот в данном случае ты написал неискренне?)

Апологеты «самовыражения», теоретики «искренности», видящие в ней всеобщую спасительную панацею для сегодняшней литературы, любят ссылаться на слова Горького: «если человек говорит искренно, так это почти всегда достаточно красиво, «эстетично». Да, Горький сказал это (в письме к А. Суркову 7 декабря 1935 года). Но фраза была брошена Горьким мимоходом, как нечто разумеющееся само собой, а сосредоточился Горький на главном — на требовании, чтобы наши поэты чувствовали «изумительную, обжигающую душу красоту жизни, пламенный взрыв жизнотворчества в нашем Союзе, гнусный трагизм положения буржуазии на Западе и во всем мире» и чтобы на этой основе, настаивает Горький, исчезло отставание «субъективного интереса» поэта, писателя «от настроения людей, чья рабочая энергия и пафос труда изменяют мир...»¹. Думается, что не лишне будет вспомнить и другие слова Горького, слова, очень важные для правильного понимания того, что есть, чем должна быть настоящая лирика: «Не сосредотачивайтесь на себе, но сосредоточьте весь мир в себе... Поэт — эхо мира, а не только — няня своей души»².

Перефразируя горьковские слова, скажем, что никто, пожалуй, из грузинских поэтов не хочет быть только «няней своей души», каждому хочется быть «эхом мира», или, во всяком случае, — эхом Грузии.

¹ М. Горький. «Письма о литературе». Москва, 1957 г.

² Там же.

Или — другой пример — таких, как у М. Кахидзе:

«Солнце я родимое люблю,
По небу катящее свой снап;
Я привет хребтам Кавказским шлю,
Что по-братски обнялись руками троп.
Грудь кварельских гор сосала я,
Нареченная сестра родных полей;
Алазань — вот колыбель моя,
Здесь меня в траве нашел олень.
Даже корни трав твоих и мхи
Я люблю, о древняя земля,
И незавершенные стихи, —
Их совместно пишут тополя.
Пусть глаза повыльются, как дождь,
Если пожалею жизнь свою;
Ты скажи, какой ты жертвы ждешь?
С радостью я сердце отдаю».

Перевод В. Ревича.

В стихах этих, повторяю, отраженно сияет Грузия в своем неповторимом национальном своеобразии. И это — самая хорошая сторона подобных стихов. Но, пожалуй, и единственная значительная, потому что быть эхом мира, эхом сегодняшней Грузии — это значит не только радоваться красоте мира, красотам и обаянию, в частности, грузинской земли, это значит не только отвлеченно декларировать свое желание «все взять с собой и кольчугой рифм одеть» — это значит действительно «взять» и «одеть», если не «все», так многое. Величие современности, ее разнообразие, — есть ли это главный нерв каждого стихотворения? Нет. Должно ли это быть? Не приведет ли это к однообразию стихов, написанных на разные темы? Отнюдь нет. Ведь речь идет не о том, чтобы писалось одно и то же и одинаково, а о том, чтобы поднять разные стихи на большую высоту общественности и полезности.

А то ведь декларации насчет «эха мира» часто существуют вне жизни, не завися, отставая «от настроения людей, чья рабочая энергия и пафос труда изменяют мир...» И нам кажется, что если спустить этот всеобъемлющий пафос поэта с высот своеобразного «пантеистического» восторга на землю реальной действительности и борьбы, то вместо истинного всеведения мы ощутим то, что точно определяется выражением **глаза разбегаются**. Да, у поэтов глаза разбегаются от восторга, молодости, живой непосредственности характера. А представляется это иногда чуть ли не гетевским растворением поэта в космосе: «Была ему звездная книга ясна, и с ним говорила морская волна». Так что не будем обольщаться «книжно-пантеистическими» декларациями, ибо лирические герои молодых поэтов от книжных представлений и претензий вступают в возраст зрелой мысли и практического восприятия жизни.

★ ★ ★

Есть лирические произведения, тяготеющие к «образности», и есть лирические произведения, прямо выражающие чувства и мысли человека. Каждый, кто сколько-нибудь знаком с лирикой, легко заметит это. Пронизанный множеством тропов, представляющий собой по существу одну огромную развернутую метафору монолог «Во весь голос» — пример первого рода лирики (вспомните метафорический образ «строчечного фронта», конкретизируемый далее всей лексикой стиха, вплоть до его мельчайших «прожилок»). Гениальный пример свободной от образов-тропов лирической речи — пушкинское стихотворение «Я вас любил, любовь еще, быть может...» Здесь о чувстве сообщается, «извещается» в строгих, предельно сконцентрированных словах, взятых в их прямом значении, здесь нет ни сложных эпитетов, ни метафор.

Когда к какой форме лирического высказывания прибегнуть — этот вопрос, наверное, никогда не решить теоретически. Каждый раз — это тайна поэта-практика. Дело же критики «прочувствовать», так сказать, эту тайну, когда она уже выяснилась в слове, перестала быть тайной и решить — хорошо ли, естественно ли было «употребить» для данной темы, данного случая ту или другую форму лирического высказывания. Подчеркну — для данного случая, ибо каждая из двух форм (а лучше сказать — тенденций, потому что деление это, конечно, условное, и введено оно лишь для удобства в нашем разговоре) обладает своими достоинствами, которыми не обладает другая, и нет поэтов, всегда пишущих «неметафорически» или «метафорически», а есть поэты преимущественного использования той или другой формы. Сила «неметафорической» лирики в том, что она может передавать естественность человеческой речи, в том числе и внутренней речи — пример тому в русской поэзии, скажем, А. Твардовский; «метафорическая» лирика имеет счастливое свойство **эмоциональной приподнятости**. Сравните с Твардовским стихи Николая Тихонова, и эта разница бросится в глаза. Но ни то, ни другое, — ни естественность, ни приподнятость, не есть взаимное отрицание друг друга; наоборот, счастлив поэт, который одинаково уверенно чувствует себя в стихах обоего рода. Ему то, наверное, и выпадает в жизни свершить наибольшее.

Грузинская поэзия имеет своей исторической традицией вторую форму лирики — эмоционально напряженную, приподнятую, щедрую на яркую метафоричность, на поэтическую «велеречивость»; ее образность — это густые, интенсивные, сверкающие краски.

Чтобы не быть голословным, приведу подстрочный перевод одного стихотворения Медеи Кахидзе. Посмотрите, как просто чувствует она себя в каскаде сравнений и метафор:

«Ты как будто проложил мне мост над морем,
И приютил, словно ласточку,
Я выстроила гнездо подле тебя,
И люблюсь лазурью твоих глаз.

Здесь небо каждый день обижено на судьбу.
Оно раскрывает карты-облака, словно гадалка,
О, это небо, надоедливое, словно скучная книга,
Которая, знаю, не будет мною прочитана.

Небо спрятало золотое светило
И не научило лекарству от мороза;
На этой холодной земле я вот-вот расплачусь,
Как в камине сухая лоза».

«Экзотика»? Глупое словцо! Для кого — экзотика? Для человека севера банан — «деталь экзотическая», для человека юга — хлеб насущный...

Очень любопытно было бы проследить, как ложится в русло этой национальной традиции творческая работа тех грузинских поэтов, которые по характеру своего таланта стремятся к простой, естественной, разгруженной от пинтизма интонации. Если, скажем, Леонидзе блестяще воплощает собою тип грузинского поэта, взмывающего свои чувства и переживания на вершины эмоционально-метафорической лирики, то Ираклий Абашидзе явно стремится к простоте, невыспренности, к четкости линий и разговорному тону. Но и он никак не порывает с национальной традицией, с закономерными особенностями национального мироощущения и мировосприятия.

А. Сулакаури тоже не очень любит роскошные образы, бурный полет фантазии (огонь метафоротворчества) — но простота А. Сулакаури далеко не та простота, которую мы находим, скажем, у его русского товарища по профессии и поэтическому возрасту Вл. Соколова.

Я повторяю, что очень любопытно и поучительно было бы проследить эту национальную грузинскую традицию в творчестве разных грузинских поэтов, сравнить их стихи со стихами, например, их русских товарищей. Но тогда, конечно, была бы иная тема, иная статья. А здесь нужно просто напомнить эту традицию, это преобладающее, привычное для грузинских поэтов стремление писать «метафорически», образно-насыщенно, и, указав на это, перейти к стержневому для статьи разговору — о смысле, содержании, значении этих образов, метафор, деталей и т. п.

Выдающийся латышский поэт Ян Судрабкалн в одной из своих статей написал: «Только что я прочитал в «Литературной газете», на странице, по-

священной молодым авторам, восемь, строк Олега Шестинского о лютиках. И сразу же припомнилось мне четверостишие Уолта Уитмена о первом весеннем одуванчике. В стихотворении Шестинского есть своя микроскопическая фабула: курице желтые лютики издали кажутся цыплятами, а в строфе Уитмена, наблюдающей, констатирующей и размышляющей, невинный одуванчик заставляет американца подумать о политиках, модах, денежных делах. Я совсем не против лютиков с цыплятами, это красивая идиллическая картинка, но я хочу сказать, что из каждого наблюдения должна вырастать ясная мысль, глубокое чувство. Этого можно достичь при помощи различных материалов и средств, с помощью лютиков и одуванчиков, любовной тоски и радости, рассказывая о темах народной борьбы. Следует лишь, как несчастья, избегать мелкотравчатости, скольжения по поверхности, мелочности... Не каждому это требование по плечу, но к глубине и масштабностям должен стремиться каждый»¹.

Здесь Я. Судрабкалн подчеркивает, что в образах-символах, тропах, деталях-наблюдениях, в осмыслении этих наблюдений — то есть в области лирической метафоричности, лирической конкретности — с неумолимой закономерностью раскрывается что и сколько у поэта за душой. Анализ образности становится лакмусовой бумажкой, проявляющей глубину содержания. Особенно это относится к грузинским поэтам-лирикам, потому что грузинские поэты, как уже говорилось, особенно тяготеют к та-

¹ Газета «Literatura un maksla» («Литература и искусство»), № 2, 1956 г.

Вот стихи, которые сравнивает Я. Судрабкалн:

О. Шестинский

Выбежали лютики

Выбежали лютики
в поле за селом;
квохчут куры глупые
в курнике своем.
Может быть, им издали
показалось вдруг,
Желтыми цыплятами
весь усеян луг.

Уолт Уитмен

Первый одуванчик

Свежий, простой и прекрасный,
освободившийся из плена зимы.
Как будто никогда не бывало на
свете ни моды, ни политиканства,
ни денежных дел,
Из пригретого солнцем закоулка,
невинный, тихий, золотой, как заря.
Первый одуванчик весны кажется
доверчивый лик.

Перевод К. Чуковского.

кой — «метафорической», образно-насыщенной форме лирического высказывания. И вот — когда вдумываешься в смысл, в значение лирической образности молодых поэтов-лириков, находишь не только радостные удаchi, но чуть ли не «математические», предметно осязаемые подтверждения и печальным своим мыслям о том, что не всегда еще есть у нас такое, что непременно стоит сказать людям.

Не буду затягивать и без того затянувшееся «вступление» и перейду к примерам...

В зеленой, солнечной Грузии снег производит, видимо, такое сильное, контрастирующе-неожиданное впечатление, что пройти мимо, не «обыграть», не «использовать» его в целях образного выражения не смог, наверное, ни один грузинский лирик. Но насколько глубоко и богаты ассоциации, которые возникают у поэта и передаются им читателю «при виде» этого природного явления? Увы, у тех поэтов, о творчестве которых уже шла речь, эти ассоциации небогаты и неглубоки; образ снега, в частности, существует в их стихах не как могучее средство поэтического открытия, озарения, поэтического обогащения читателя (чем, собственно, и должна быть «метафорическая» лирика!), а как банальный, лежащий на поверхности прием, как мелочное оригинальничанье, словно имеющее своей функцией скрыть мелкотравчатость содержания (объективно оно так и выходит). Схема «использования» снега такова — вот снег летит, покрывает землю, скрывает все собой, и далее: а) но тебя он от меня не скроет (или скроет, что для нас совершенно безразлично), б) наша любовь чиста, бела, как этот снег. Могут сказать, что такие, не очень богатые ассоциации встречаются и в фольклоре, а фольклор — это сокровищница поэтического опыта народа и т. д., и т. п... Да, но там «примитивность» ассоциативных связей неотрывна от обаяния наивности — главного обаяния фольклора. В стихах же поэтов середины XX века это уже примитивность без кавычек, это уже не открытие, чем она была в фольклоре, а штамп.

«Если хлопья нежные
Тихо опускаются,
Счастья не тая,
То не звезды снежные
Щек твоих касаются,
А любовь моя».

Н. Киласония.

Перевод И. Снеговой.

А это?

«Ниже опускаются бабочки зимние,
Сели на шапку мою и на плечи,
Долго еще по снегу идти мне,
Я все иду, да тебя не встречаю...»

О. Мамгория.

Перевод А. Старостина.

Что здесь, кроме «украшения» не очень определенного, не очень ^{не}значительного личного чувства? Поэт ^{не}так сказать, снег в глаза пускает.

Еще пример.

«Нынче скользко.

Веду тебя бережно, нежно.

На дороге у нас — ни следа.

Мне б хотелось с тобою идти этой снежной,

Этой чистой дорогой всегда»

Н. Гурешидзе.

Перевод Ю. Вронского.

Кто «она», кто «он», каким огнем закалялась их любовь, почему она нам должна быть интересна — ничего этого из стихотворения мы не узнаем.

Бедность содержания, бедность мысли, какие-то, говоря словами Я. Судрабкална, «микроскопические фабулы»! А ведь можно так «обыграть» образ снега, что все кругом заискрится, зашумит, задышит волнением. Но это будет лишь в том случае, если поэту будет, что сказать.

Блистательна «Песня первого снега» Г. Леонидзе — стихотворение чрезвычайно сложное, с интуитивными «ходами», стихотворение, где мятущейся мысли поэтически хорошо соответствуют разрывы логически-предполагаемых связей «образа» и «смысла». Да, это значительная по содержанию поэзия, вобравшая в себя огромный диапазон чувств — удачу, беспокойство, смену уверенности и отчаяния; в «Песне первого снега» Г. Леонидзе взял большую тему — тему поисков человеком удаchi в этой земной, противоречивой, полной крутоверти и обманчивости видений жизни.

Благородством мысли, выразившейся в кристальной ясности метафорических переходов, отмечено стихотворение С. Чиковани «Снег». Поэт не удовлетворяется тем, что в тысячу первый раз скажет: «Как хлопья, кружат медленные мысли»... Иной поэт, быть может, остановился бы здесь и написал бы целое стихотворение, построенное только на этом сопоставлении. Нет, С. Чиковани начинает так:

«Как хлопья, кружат медленные мысли.
И речь природы льется, как родник»

После такого зачина не может быть сказано что-то незначительное, маленькое, нет, мы на пороге каких-то очень важных откровений, потому что поэт своими строгими словами уже приобщил нас к большому миру природы, а перед ее величавостью не будешь мельтешить со своей обыденной суетой.

И когда поэт сказал:

«Ловлю руками клочья снегопада,
На стеклах разбирая письмена»,

— мы замерли: что же прочитал он, что сказал ему снег—этот вестник «речи природы»? Чиковани словно нарочно разворачивает перед нами бесконечное число возможных «осмыслений» снега. В конце стихотворения он скажет, что снежинка растаяла; но нет, это неправда; словно волшебник, поэт держит ее на ладони, поводит ладонью, и снежинка играет, переливается многообразными цветами — цветами мысли, цветами раздумья о прожитой человеческой жизни.

«Как я мечтал пушинку снеговую
Внести в твой дом, чтоб видела и ты
Во всей красе игру ее живую,
Холодный свет и трепет чистоты.

Хотелось мне, чтобы она, не тая,
Перед тобой сняла в доме, как
Январского простора мысль простая,
Или как проседь на моих висках.

Хотелось мне сказать, что эта стужа,
Что эта снеговая чистота
В мой виски вплетается все туже,
Но боль любви по сердцу разлита,

Но от прикосновения к ладони
Снег исчезает, словно от огня...
И я ни с чем пришел к тебе на склоне
Январского завьюженного дня»

«Ни с чем»? Нет, это — кажущееся «ни с чем»; поэт уже показал накопленное свое богатство, и, словно для того, чтобы еще и еще удивить нас своим могуществом, убедить в том, что он владеет всем волшебством «речи природы», он, на наших глазах, поворачивает эту, уже растаявшую снежинку (эту образную тему: «снег—чистота—родина—верность») еще одной стороной:

«Одна лишь нежность в сердце не растает,
Она надежней снежной кутерьмы...»

Перевод А. Межирова.

Вот как много можно сказать, написав стихотворение «Снег»!

А как много ясности, спокойствия и радостного ощущения жизни у И. Абашидзе в «Предрассветном снеге», и как тепло, и хорошо, и оригинально сплетен мотив «снежной вьюги» с общей идеей стиха — идеей человеческой солидарности у А. Сулакаури («Снег крутится все сильнее...»)

Выше мы говорили об образе традиционном для грузинской поэзии. Но возьмем образ, который проходит, наверное, по всем нашим литературам, образ, давно ставший стершейся метафорой.

Это большая беда для поэзии — стершаяся метафора! Мы говорим «дождь идет», не замечая уже, что это иносказание, что дождь, собственно, не может

«идти». Но сказанное понятно — и больше нам ничего не нужно, здесь слово играет роль только коммуникативную, роль сообщения, потому-то и в голову никому не придет рассматривать эту фразу с точки зрения того, поэтична она или нет. Так же и с образом «пути». В обиходной речи его метафоричность тоже стала стираться. Мы говорим: «человек встал на правильный путь», «нам все пути открыты», «ты идешь по опасному пути», «жизненный путь» и т. п. В этих фразах тоже никто не будет искать поэтичности. Но если мы встретим такие фразы в поэзии, они нам покажутся декларативностью, назидательностью, банальностью. И они действительно декларативны и банальны. Над названиями книг и сборников, вроде «Большой путь», «Дорога жизни», «Путь к вершинам», уже смеются в фельетонах. И все же? Все же отбиться от этой банальности поэты никак не могут. До сих пор в поэзии происходит так, как в песне поется, — «бегут-бегут пути-дороги на юг, на север, во все края». Побегут они на север — и эстонский поэт Владимир Беекман напишет об институтских годах, предвещающих его лирическому герою светлое будущее, так:

«Свет институтских окон
В снежную темень лег,
Нам освещая далеко
Сотни прямых дорог».

Перевод В. Рущикса.

Побегут «пути-дороги» на юг, и Беекману точно так же, в том же ключе, тем же отзвуком ответит, скажем... А. Сулакаури. Его «Университетская улица» — то же самое, что и «...Свет институтских окон»:

«Сколько юных к ней сердец стремилось,
В ней волнение, радость и тревога!
Сколько улиц в ней соединилось,
Сделавшись одной большой дорогой.
Видно с этой улицы тбилисской
Будущее родины моей...»

Перевод Е. Николаевской,
И. Снеговой.

Мне скажут, что эти свои ранние стихи авторы сами не считают лучшими и защищать от критики, конечно, не будут.

Но дело не в критике тех или иных строчек, или стихов, или, наконец, поэтов, дело — в принципе. Мы все мечем громы и молнии против банальных образов, мы все обличаем декларативный и всякий прочий штамп. Но часто, обличая, мы мало вдумываемся в то, почему штампы не исчезают. А они не исчезают! Все бегут в будущее «дороги», все падает и падает мелковатый «снежок», все по-прежнему начинают делать

му, что на горизонте он не поместил вместо старо-традиционного паруса ново-традиционный пароход, везущий какой-нибудь современный груз, скажем, грузинские цитрусы на Украину?

Мне думается, что требовать этого не нужно и уж никак не нужно на основании отсутствия такой детали обвинять стихотворение Мачавариани в несовременности. Оно актуально. И особенно для молодежи.

Р. Рождественский — поэт той же «филологической» группы — написал о ней такие строки:

«Вышли в свет романтики,
Все у книг занявшие,
Кроме математики,
Трудностей не знавшие».

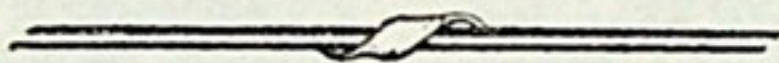
Очень точные слова: да, вышли, и глазам открылась, наконец, подлинная жизнь — в быстром движении, в резких всплесках (где быстрое движение, там нельзя без резких всплесков!) Кое-кто оробел, но большинство стало доучиваться у жизни для того, чтобы прило-

жить и свои руки к общему делу ее дальнейшей застройки. Признание противоречий и нашей жизни, как и ее закона развития, понимание того, что так и должно быть, и что это полезно даже в плане субъективном, для тебя лично (ибо настоящий характер мужает «лишь в потоке жизни»), — такое признание есть важная часть нашего собственного духовного возмужания, важное звено в выработке практического и исторического взгляда на действительность.

«И вся-то наша жизнь есть борьба», — поется в одной песне революции.

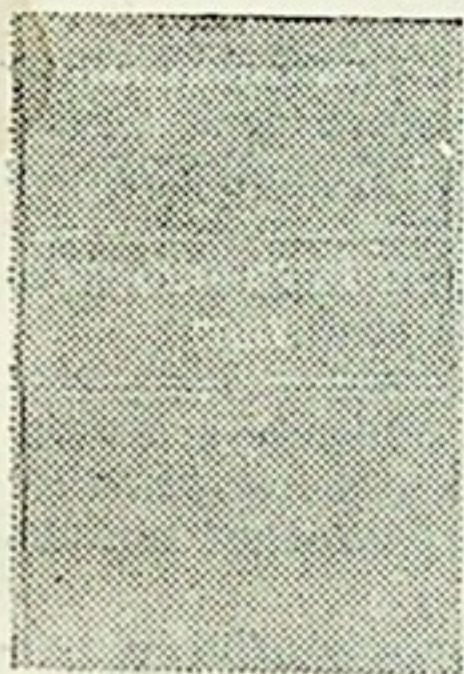
А разве не об этом говорит «Море» Мачавариани? «Абстрактный», «слишком» обобщенный образ наполняется, мы видим, сегодняшним содержанием. Это не умалчивание, не уход от конкретного разговора, как может показаться, а его своеобразное лирическое обобщение.

Его своеобразие в том, что это обобщение такой степени, когда можно говорить о нем, как о символе, или «почти» символе. А если за ним стоит большое, из жизни взятое содержание, то отчего бы нам и бояться символов?!

ВМЕСТО РЕЦЕНЗИИ

(Из выступления В. М. Карповой на заседании секции критики во время Декады искусства и литературы Грузии в Москве).

В книге Георгия Маргвелашвили радует, прежде всего, разнообразие интересов критики — здесь статьи о грузинской поэзии, о прозе К. Лордкипанидзе, о ранней лирике Лермонтова, ряд статей о раннем творчестве Маяковского.

Критика привлекает также творчество писателей братских республик — Ст. Зорьяна, Н. Зорьяна, Мирзы Ибрагимова.

Этот широкий диапазон творческих интересов — положительная черта сборника.

Статьи разнообразны и по жанру: тут и проблемная статья о путях развития грузинской поэзии, и литературные портреты (К. Лордкипанидзе, Ст. Зорьяна), и статьи исследовательского плана, посвященные Маяковскому (это, вероятно, часть диссертационной работы, которая представлена здесь в виде статей, объединенных общей темой).

Все эти статьи, собранные вместе, являются документом времени и позволяют судить об отношении автора к грузинской, русской, армянской и азербайджанской литературам. Но хотелось бы, чтобы внутренняя тема сборника выступала более отчетливо. Сейчас ему недо-

стает этого стержневого звучания внутренней темы.

Привлекают в книге живость изложения и зрелость эстетической мысли, ясность общественной позиции автора, политическая целеустремленность, чувство слова. Критик не просто описывает факты литературы, он размышляет над ними.

Наиболее интересна и актуальна статья о грузинской поэзии, показывающая восхождение поэтов Грузии от ранних вещей 20-х годов к зрелому творчеству сегодняшнего дня.

Статья показывает идейный и художественный рост советской литературы, показывает вопреки мнению тех литераторов, которые видели «золотой век» советской литературы в 20-х годах.

При этом критик подчеркивает, что рост художественного мастерства, расширение тематики и зрелость в ее разработке к писателям Грузии приходили вместе с их политической зрелостью, с ощущением своей общественной позиции в идейной жизни страны, с постижением общественного и нравственного долга литературы.

Вместе с тем, мне кажется, что этой статье, при всех ее положительных качествах, недостает широты аналогий, показа развития поэтов в их взаимной связи. Автор прибегает к сопоставлениям при анализе творчества Г. Леонидзе и С. Чиковани, но для такой статьи этого мало. Автора, скорее всего, ограничивало само композиционное построение.

Статья о грузинской поэзии — последняя по времени, и она лучшая в сборнике. Это свидетельство того, что автор не стоял на месте, он рос, совершенствовал свое критическое мастерство.

Мое пожелание — видеть больше историзма в книге, которую я считаю очень интересной и очень полезной для русского читателя.

Георгий Маргвелашвили. «Литературно-критические статьи». Редактор Б. Абуладзе. Издательство «Заря Востока», Тбилиси, 1958 г.

КАЛАДЗЕ
Карло
Ражденович.

(Род. в 1907 г.)—грузинский поэт и драматург. Учился на литературном факультете Тбилисского педагогического института. Первое стихотворение опубликовал в 1920 г. С 1926 г. выпустил ряд поэтических сборников как на грузинском, так и в переводах на русский, украинский, армянский, азербайджанский и другие языки народов СССР. К. Каладзе принадлежат пьесы «Как?», «Хатидже», «Дом на берегу Куры», «Лали», «Комедия одной ночи» и др.

ШЕНГЕЛАЯ
Демна
Константинович.

См. журнал «Литературная Грузия» № 4 за 1958 год.

ТАБИДЗЕ
Галактион
Васильевич.

(Род. в 1892 г.)—народный поэт Грузинской ССР. С 1908 г. регулярно печатается в газетах и журналах. В 1914 г. вышла первая книга стихов Г. Табидзе. В 1924 г. была издана поэма Г. Табидзе, посвященная Великой Октябрьской революции. В 30-е годы Г. Та-

бидзе публикует циклы лирических стихов: «Эпоха», «Революционная Грузия» и др. В 1943 г. выходит в свет сборник стихов Г. Табидзе «Отчизна, жизнь моя».

Главная тема поэзии Г. Табидзе—созидательный труд советских людей, боевое единство народов мира в борьбе за мир.

НОНЕШВИЛИ
Иосиф
Элизович.

См. журнал «Литературная Грузия» № 4 за 1958 год.

ЗАБОЛОЦКИЙ
Николай
Алексеевич.

(Род. в 1903 г.)—русский поэт и переводчик. Окончил Педагогический институт имени А. И. Герцена в Ленинграде. Первая книга стихов была опубликована в 1929 году.

Н. Заболоцкому принадлежат переводы на русский язык поэмы «Витязь в тигровой шкуре» Ш. Руставели, а также многих других произведений грузинской поэзии.

САХНИН
Аркадий
Яковлевич.

См. журнал «Литературная Грузия» № 4 за 1958 год.

Технический редактор М. Соселия

Подписано к печати 1 октября 1958 г.
8 печ. лист. + 2 вкл. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆.
Заказ № 871 Т раж 4000. УЭ 04744
Цена 5 руб.

Типография «Заря Востока» им. А. Ф. Мясникова
Издательства ЦК КП Грузии, Тбилиси, по. Руставели, № 42.

5 руб.

6. 69/199

